

ЧЕРНЕЕ, ЧЕМ ТЕНИ

Ринордийский цикл. Книга II

Ксения Спынь

18+

Ксения Михайловна Спынь
Чернее, чем тени.
Ринордийский цикл. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28519581

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-10009-1

Аннотация

Этот мир – другой. Нет, он не населён диковинными существами и канувшими в Лету народами: здесь лишь такие же люди, как мы. Можно считать его пространством сна, грёзы, где засевшие в памяти фигуры и приметы времён смешались в причудливый узор, иногда так похожий на нашу явь. Или попыткой пробраться на другой уровень – туда, где живут страхи, надежды и мечты. Или просто иным миром, в котором искривлённо отражается наш. В столице снова беспокойно: правительница, подмявшая всё под себя – люди, которым это не нравится – школьница, оказавшаяся в центре событий случайно... История о свободе и диктатуре обретает новые формы в новую эпоху, а немного обыденной мистики только придаст ей остроты.

Содержание

1.	8
2.	10
3.	16
4.	23
5.	30
6.	35
7.	41
8.	47
9.	55
10.	60
11.	64
12.	68
13.	78
14.	95
15.	99
16.	102
17.	108
18.	112
19.	118
20.	122
21.	128
22.	133
23.	137

24.	140
25.	144
26.	150
27.	155
28.	159
29.	162
30.	165
31.	169
32.	176
33.	182
34.	188
35.	194
36.	202
37.	209
38.	218
39.	224
40.	230
41.	235
42.	243
43.	248
44.	254
45.	262
46.	277
47.	282
48.	289
49.	298

50.	303
51.	307
52.	314
53.	322
54.	329
55.	336
56.	339
57.	346
58.	356
59.	360
60.	365
61.	376
62.	388
63.	391
64.	399
65.	406
66.	416
67.	423
68.	430
69.	434
70.	446
71.	452
72.	457
73.	460
74.	464
75.	469

76.	473
77.	482
78.	488
79.	501
80.	503
81.	512
82.	516

Чёрные фары у соседних ворот,
Люттики, наручники, порванный рот.
Сколько раз, покотившись, моя голова
С переполненной плахи летела сюда,
Где Родина.
ДДТ, «Родина»

*Ein Tänzer der die Stille wählt,
Geschichten, die man stumm erzählt,
Ein Feuer das nicht brennen will.
Der Traum von Freiheit irgendwann,
Die Schuld, die man ertragen kann,
Ein Licht das in der Nacht zerfällt.
Mantus, «Labyrinth der Zeit»¹*

¹ Танцор, который выбирает тишину, Истории, которые рассказывают молча, Огонь, который не хочет гореть. Мечта о свободе когда-нибудь, Вина, которую можно стерпеть, Свет, который исчезает в ночи. Mantus, «Лабиринт времени»

1.

День только занимался. Над перроном носилось гомонящее визгливое многоголосье, сотни ног мелькали туда и сюда – сталкиваясь, наступая друг на друга и исчезая.

Лаванда сошла с подножки вагона на ровно уложенную, но уже покоцанную плитку, неловко дёрнула за собой чемодан на колёсиках.

Город оглушил, и она остановилась было в растерянности, но толпа позади, кажется, была этим очень недовольна. Лаванда уловила ропот и поспешно двинулась вперёд. Наверно, тут всегда надо идти куда-то. Наверно, тут нельзя стоять на месте.

Её ещё покачивало после нескольких дней поездной тряски. От чемодана, похоже, отломалось одно колёсико, и он то и дело норовил завалиться набок. Лаванда упрямо не обращала на это внимания и, не поднимая глаз, шла вперёд. Удобнее всего было ориентироваться по жёлтой ограничительной линии по краю платформы: она была постоянна и не давала сбиться.

Вокруг толклись люди – люди, и люди, и люди. Так много людей. Обойти их было невозможно, но все они в итоге как-то огибали Лаванду сами и исчезали за спиной. Иногда от них долетали обрывки фраз – всё так же крикливо, а то и со злостью. Злости вообще было много. Она металась в воздухе

между людьми и тоже не находила выхода. Впрочем, Лаванда не прислушивалась ни к ней, ни к отдельным словам.

Ещё одна тень выросла перед ней и почему-то не захотела сдвигаться и исчезать, как все остальные. Лаванда остановилась, упорно не поднимая взгляда, в надежде, что этому кому-то надоест и он освободит ей путь.

– Ну здравствуй, сестрёнка, – сказал сверху голос.

Лаванда подняла голову. Перед ней стоял высокий – намного выше её – молодой человек с тёмными щетинистыми волосами и странной безадресной насмешкой в чуть прищуренных глазах.

– А ты выросла, – добавил он.

Лаванда пригляделась, и смутно знакомые черты сложились наконец в единое целое: изумлённо она вспомнила, где раньше видела этого человека.

– Феликс!

Он улыбнулся и протянул ей руку:

– Добро пожаловать в Ринордийск.

2.

Феликс был её двоюродным братом и был на одиннадцать лет старше Лаванды. У неё со всей яркостью сохранились детские впечатления от этого человека, но они с Феликсом не виделись очень давно. Один раз он приезжал ненадолго в Юмоборск и попутно успел охаять этот город, который, хоть и не отличался ничем особенным, как все новостройки, но для заполярного пункта держался очень достойно. (Лаванда, впрочем, не обиделась тогда: не сказать, чтоб она сама когда-то любила Юмоборск. Город был хорош, но чужд ей).

Они довольно быстро оставили позади центральные проспекты – необъятные и грандиозные – и шли теперь по улицам, всё ещё широким, но попроще, – из центра те расходились к окраинам. Прохожие здесь попадались только изредка, и можно было разговаривать, не перекрикиваясь через чужие головы. Феликс (будто джентльмен!) сразу же перехватил у неё чемодан и теперь легко катил его по тротуару, притом умудрялся даже не заваливать набок, несмотря на сломанное колёсико.

– Так зачем всё-таки ты меня вызвал сюда? – Лаванда вспомнила про телеграмму.

– Ну, – Феликс махнул свободной рукой, – когда стало понятно, что расселять вас будут по соседним деревням, я подумал, а с какого, собственно, фи́га? Почему я не могу взять

тебя сюда, в Ринордийск, раз уж мне повезло тут жить? Конечно, могу. Зачем же в таком случае тебе связываться со всеми этими аварийными амбарами, пайками по карточкам и прочей прелестью отечественной эвакуации...

– Но это, наверно, создаст тебе трудности, – заметила Лаванда.

– С чего бы вдруг? Я живу один.

– Не в этом дело. Не только в этом, я хотела сказать, – последние реплики отчего-то смутили её, а тут ещё надо было думать, как бы поаккуратнее выразить словами простую мысль: «тебе ведь придётся содержать меня».

– Я же нигде не смогу работать, – сказала Лаванда и прибавила тихо. – Я ведь даже не доучилась толком.

Феликс вдруг задумался, будто эти сведения были для него новостью.

– Мм, об этом я не подумал. Сколько тебе? Семнадцать?
– Шестнадцать.

Она помолчала, затем пробормотала осторожно, чтоб чисто информационную фразу не приняли за чёрную неблагодарность:

– Вроде бы эвакуантов обещали приписать куда-нибудь в экстренном порядке, но это же по спискам. А по спискам я где-то там, в Иржице...

– С этим тоже не надо связываться, – перебил Феликс. – Знаем мы эти приписки. Тихий ад.

Пока Лаванда раздумывала, не спросить ли, что именно

он знает про приписки и как выглядит тихий ад, Феликс улыбнулся и перебил уже сам себя:

– Ничего, средства у меня есть, нам вполне хватит и на двоих. В крайнем случае... Да много есть вариантов. А ты, что касается школы... Сейчас дёргаться уже всё равно нет смысла, а к осени решишь сама, как тебе лучше – закончить эти полтора класса или там колледж какой-нибудь... В общем, на подумать у тебя ещё почти вся весна и целое лето.

– Угу, – кивнула Лаванда.

По правде говоря, ей едва ли хотелось что-то из этого выбирать, да и просто думать сейчас об этом. Вот бы не приходилось вообще никуда ходить, заниматься какими-то делами этого мира и своей маленькой, прозрачной до невидимости жизни: тогда можно было бы только грезить наяву, только сидеть замороженно и вглядываться в проплывающие образы нездешних миров – она называла их сферами, потому что они были такими обширными, безграничными, что едва ли находились только в её голове. Да они просто не поместились бы там. Где они – Лаванда никогда не задумывалась. Может быть, где-то за небесами – далеко-далеко, куда не может проникнуть телесный человек собственной персоной. Если бы не приходилось отвлекаться от них, от тихого счастливого созерцания, на дела повседневности, ворчливо требующих всей ответственности. Но так можно было только очень давно – так давно, что, может быть, и никогда.

Но, по крайней мере, можно не думать о делах сейчас

– когда вокруг всё внове и занимает всё внимание. В воздухе ещё висели остатки утренней дымки. Солнце, проходя сквозь них, распадалось песчинками, и из-за этого улица немного искрилась. Дома – не особо высокие, но длинные – выстраивались по обе стороны, справа и слева, и тянулись вдаль, туда, где улица, вдоволь наизгибавшись горбами, сливалась в одну точку.

– Если ты не замёрзла, пойдём пешком? – предложил Феликс. – Не люблю транспорт.

– Нет, тут тепло.

Он коротко рассмеялся:

– Ну, если *это*, по-твоему, тепло... А хотя да, ты же северная. «Девочка с севера, девочка ниоткуда», – вполголоса промурлыкал он. Лаванда сдержанно улыбнулась.

Ей было, пожалуй, даже немного жарко в синтепоновой курточке, и Лаванда потянулась расстегнуть воротник, шуршащий вокруг шеи. Рукав отполз с запястья, выпустив на волю браслет из птичьих перьев.

Взгляд Феликса тут же уцепился за новый предмет.

– О, это что? Перья настоящие?

– Настоящие, – кивнула Лаванда. – Я сама его сделала. Вернее, делаю постепенно.

– Это как?

– Если я нахожу красивые перья, то вплетаю их в браслет. И так многие годы. С самого детства. В каждом новом месте оказываются другие птицы.

– Это что-то вроде оберега, да? – Лаванда удивлённо вскинула брови. – Ну, или амулета...

– Н-нет, – она покачала головой. – Его просто приятно носить. Он красивый... и успокаивает. Когда тревожно и непонятно, чего ожидать, приятно чувствовать, что он по-прежнему на руке.

– Ясно, – Феликс кивнул так, будто и вправду понял. Забавные у него всё же порой были выводы о причинах и целях всего вокруг.

Какое-то время прошли молча. Тишину, правда, уже гасили проезжавшие машины и резко прибавившие в числе пешеходы. В спешке они иногда спотыкались о трещины в асфальте и при этом забавно сердились.

– Сейчас придём, бросим твой чемодан, – вновь заговорил Феликс, – поедим чего-нибудь, а потом пойдём гулять.

– Хорошо.

– Или ты устала? – словно вдруг вспомнил он.

– Нет, мне хотелось бы на воздух, – после нескольких суток поезда и вправду хотелось – чтоб вспомнить и убедиться, что настоящий мир большой, а не ограничен тесными стенами, за которыми ничего.

– Отлично! – Феликс вновь взмахнул свободной рукой. – Значит, пойдём в парк. Кстати, как тебе престольная? – спросил он без перехода и пытливо уставился Лаванде в глаза.

– А?

– Как тебе Ринордийск?

Лаванде хотелось ответить что-то вроде «Ты знаешь, не в моём вкусе», но она понимала, насколько невежливо это бы прозвучало. Настолько невежливо, что даже добавленное «Но вообще ничего» не спасёт.

– Ты знаешь, я ещё не очень поняла, – сказала она вместо этого. – Надо присмотреться, познакомиться с городом поближе.

– Это ты успеешь! – рассмеялся Феликс. – Это я тебе обещаю.

3.

Они наскоро позавтракали яичницей с тостами, которые после трёх дней поезда пришлись весьма кстати, и вышли вночь.

Улица жила теперь увереннее. Золотистый свет, правда, исчез за то время, что они пробыли в помещении, только небо хмурилось свысока и молча накрывало сплетения проспектов, перекрёстков с суевающимся движением и тонких, как паутинка, переулков. Временами ряды домов вдруг расходились, улица прерывала на минуту бесконечный бег, и глазам открывалась мощёная площадь или тенистая зелень какого-нибудь парка.

В Ринордийске, как заключила Лаванда, было множество парков, но Феликсу из них всех приглянулся почему-то один, почти у самого центра – Турхмановский. Видимо, близость Главной площади придавала ему особый статус: он выглядел ухоженнее, чем большинство улиц и скверов, видно было, что за ним следили. Большие кованые ворота, чёрной решёткой встающие в небо, были приоткрыты на одну створку и охотно пускали посетителей внутрь.

Людей за оградой, правда, ходило не так много: несколько там, несколько здесь, компанией или парой, но чаще поодиночке. Они прогуливались бок о бок – кто не спеша, кто почти вприпрыжку, – и, хотя они не были вместе и не знали

друг друга, получалось, если замереть и прислушаться, уловить тонкий-тонкий, едва различимый резонирующий гул. Это было как на вокзале, только там люди кричали, а здесь молчали, оставляли слова мыслями, и носилась по рядам здесь скорее не злость, а... что же, что же...

– Нравится парк? – сбил всё Феликс. Он будто хвастался чем-то.

– Тут красиво, – искренне ответила Лаванда. Высокие величественные деревья и вправду нравились ей, даже без листвы. Они выглядели старыми и мудрыми, проводившими не одно поколение приветственным колыханием ветвей.

– Считаешь? Тут красиво летом, – Феликс, прищурившись, огляделся, будто припоминал что-то. – Когда включаются фонтаны.

– Фонтаны?

– Да. Идём, покажу. Сейчас, правда, тоже ничего, но летом – ни в какое сравнение. Тут тогда всё блестит, сияет и много людей. Прямо праздник жизни.

Сойдя с асфальтовых дорожек, что огибали парк по краям, они углубились в тихую, нетронутую пока сердцевину: здесь всё пронизали гравийные тропинки, а между ними прилегла пожухшая прошлогодняя трава; местами ещё сохранился снег. Феликс указал на глубокие траншеи, тут и там пересекающие землю. Изнутри они были выложены плиткой и металлом.

– Вот, это фонтаны. На зиму их выключают. Они начина-

ют работать только в конце весны.

– Как много, – удивилась Лаванда.

– Это один большой, по сути, – пояснил Феликс. – Фонтаны переходят друг в друга и замыкаются в одну систему. Когда правил Пихтарь, ему пришло в голову сделать из Турхмановского парка парк-фонтан, у него вообще была тяга ко всяким необычным штукам. Говорят, эту идею он подсмотрел где-то за границей.

Теперь Лаванда увидела: и вправду, рытвины были соединены, перетекали одна в другую. Вот широкая пиала, а вот от неё отходит правильный прямоугольник. От него же каскад ступенек поднимается ввысь, к большой плоской плите, а оттуда, наверно, вода устремляется вниз, как с обрыва, и с грохотом разбивается о гладь пруда, взбаламучивает спокойную ширь и тонет в ней. Но сейчас только неподвижные каменные уступы стояли здесь. Царили молчание и дремлющий покой.

– Правда, – продолжал Феликс, – говорят, горожане не оценили результат: называли Пихтаря вредителем и самодуром. В парк почти перестали ходить, хотя это всегда было популярное место... Но указом Пихтаря тут всё равно продолжали всё поддерживать в идеальном порядке. Этот парк-фонтан у него был чем-то вроде идеи фикс. Впрочем, – он кинул взгляд на гуляющих людей, – кажется, нынешнее поколение не разделяет мнения предшественников.

За фонтаном – по ту сторону каскада и плоской плиты –

виднелось старое здание, и вид его чем-то привлёк Лаванду. Оно стояло в глубине парка, среди зарослей кустов и, утратив, видимо, со временем все яркие краски, терялось в зеленоватых тенях. Но даже и так оставалось заметным, что когда-то оно было очень красивым.

– А что это за дом?

– Какой? – Феликс обернулся. – А. Это дэка.

– Что? – не поняла Лаванда.

– Дворец Культуры. «Дэ Ка» – сокращённо. Ну, то есть сейчас это давно уже никакой не дворец, но в прошлые века здесь часто собиралась творческая богема. Писатели, художники, музыканты... Устраивали тут сходки.

– Что, правда? А известные люди там бывали?

– И известные тоже. Никогда же не знаешь заранее, кто станет известным, а кто нет, – Феликс как-то странно всматривался в «дворец», будто видел что-то, чего там не было.

– Давай подойдём? – предложила Лаванда. Она и сама не знала, чем притягивает её старое здание, но почему-то очень хотелось оказаться ближе, погулять около него.

Феликс не возражал и даже как будто обрадовался. Подойдя, они остановились у широкого крыльца. Мраморные ступени в сетке трещин, будто шлейф платья, спускались к сухой траве; по бокам от них изломанной линией тянулись парапеты, а наверху, закрывая от взоров дверь вовнутрь, поддерживали скат крыши изящные колонны.

– А сейчас тут что-нибудь есть? – спросила Лаванда.

– Насколько я знаю, нет, – протянул Феликс. – Вроде одно время тут пробовали устроить музей, но что-то не пошло. Сейчас изредка используют для всяких выставок или чего-то в этом роде. Но большую часть времени здание пустует.

И правда, «дворец» явно был заброшен. Краска на стенах потрескалась, местами осыпалась штукатурка. Большинство окон были заставлены кусками картона или фанерой. Здесь давно не встречалось людей.

– А когда это было – когда они тут собирались? – поинтересовалась Лаванда.

– Это было их знаковое место из века в век, пока не пришло запустение, – чуть улыбнулся Феликс. – Последние встречи проходили, наверно, лет восемьдесят назад. Как раз в «чёрное время».

– А сейчас этого нельзя, да?

– Почему, можно. Просто это никому не надо.

Они примолкли. Лаванда оторвала взгляд от лестницы и фасада, обернулась и – что это? На момент ей показалось, что кусты шевелятся, что по гравийным дорожкам парка пронеслось лёгкое движение – и вот они, те, кто жили тут десятилетия назад; они все по-прежнему здесь – танцуют в закатном свете старинный вальс. Один только миг, а потом снова всё исчезло, и снова было пусто и молчаливо.

– Вот были тогда люди, – как-то мечтательно и в то же время с горечью пробормотал Феликс. – Не то что...

Он вдруг замолчал и с подчёркнуто жизнерадостным ин-

тересом начал осматриваться по сторонам.

– Не то что – что? – переспросила Лаванда.

– Ничего. Не обращай внимания.

Они не спеша двинулись обратно. Уже замаячил впереди выход из парка, но, проходя мимо собравшихся на асфальтовых дорожках людей, Лаванда притормозила. Сейчас (видимо, по контрасту с тишиной) особенно чётко стало слышно, что чуть заметный резонирующий гул невысказанных мыслей был, он не померещился. И то, что входило в резонанс, было...

Это была тревога.

Это была спешащая, отводящая быстрый взгляд тревога, за спешкой и брызжущей активностью скрывающая страх потерять в секунду всё. Это было желание успеть пожить на полную катушку сейчас, потому что потом будет только хуже: сомкнутся стены, закроются окна и двери и нельзя будет даже того, что всё ещё можно.

То же, – вспомнила Лаванда, – смутно было рассеяно и по всему городу, от окраинных улочек до главных проспектов, оно курилось над землёй и по домам и деревьям поднималось к нахмуренному небу. Но тут – вблизи от центра, в толпе людей – ощущалось отчётливее. Будто тень висела над Ринордийском.

Будто тень висела над душами людей.

– Феликс?

– Мм-да?

– А в Ринордийске всё спокойно?

Феликс взглянул одновременно с интересом и настороженностью:

– А почему ты спрашиваешь?

– Мне кажется... что-то не так с этим местом. И что-то не так с этими людьми. Вообще со всем городом. Как будто что-то угрожает. Что-то большое, тёмное. Как будто пока всё нормально, но оно выжидает.

– Ты тоже это чувствуешь? – быстро проговорил он.

– Да... Так оно и вправду есть? Это не кажется?

– Не кажется, – Феликс отвёл взгляд. Зачем-то быстро огляделся по сторонам. – В Ринордийске действительно не всё спокойно. Если хочешь, я тебе расскажу. Но только не здесь.

– Хочу, – закивала Лаванда. Конечно, она хотела. Кто откажется узнать тёмные пугающие тайны.

– Тогда пойдём к фонтану. Там безопаснее.

4.

Они прошли в дальнюю, совсем безлюдную сейчас часть парка. Котлованы и траншеи сходились здесь к одному огромному и глубокому круглому фонтану. В центре его возвышалась зеленоватая статуя: воинственная дева заносила меч над припавшей к земле и готовой к прыжку мантикорой. Наверно, этот вид поражал воображение, когда фигуры стояли начищенные до блеска и орошённые брызгами воды, но сейчас они были как старое воспоминание о величии и красоте.

Феликс присел на бортик фонтана, жестом пригласил Лаванду устроиться рядом.

Каменный бортик оказался довольно холодным, да и было вокруг странно, точно в брошенном на зиму городе, где никто не живёт.

– А почему тут? – спросила Лаванда.

– Здесь некому подслушивать. Летом тут толпы людей и говорить о чём-то небезопасно, но до того, как заработают фонтаны, сюда никто и не посмотрит. Зимой на это место вообще не обращают внимания.

Она невольно обернулась в поисках людей, которым за чем-то понадобилось подслушивать их разговор, но здесь и правда никого не было, кроме них двоих. Только прохладный ветер гулял в пожухшей стелящейся траве и над пустой

чашей фонтана.

– Так ты хотел рассказать? – напомнила Лаванда.

– Да, – Феликс, казалось, собирался с мыслями и решался на что-то. Наконец он заговорил. – У нас всё не очень-то хорошо. Это из-за Нонине.

– Из-за чего?

– Софи Нонине, – повторил он, но, наверно, взгляд Лаванды выдавал, что понятнее ей не стало. – Правительница нашей страны, – и уже совсем удивлённо. – Ты что, не слышала?

– А! – вспомнила Лаванда и закивала. Это имя она, конечно же, слышала то тут, то там. – Да, разумеется, о Нонине я знаю. Но... причём тут она?

– А вот в этом всё и дело. Это я и собирался рассказать.

Софи Нонине пришла к власти около десяти лет назад. Лаванда тогда была совсем ребёнком, а кроме того, ещё не жила в Юмоборске, а значит, едва ли могла это помнить.

К тому времени страну уже много лет возглавлял Эдуард Чексин, несменяемый президент-узурпатор, окончательно в итоге доставший не только протестные массы, но и многих своих сторонников, а кроме того, успевший развязать войну на нескольких окраинах страны сразу. Поэтому все, казалось, вздохнули с облегчением, когда группа подпольщиков во главе с Нонине положила конец власти Чексина и после серии коротких, хоть и кровопролитных восстаний оконча-

тельно утвердилась наверху.

Софи стала законным президентом, её поддержали очень многие. Казалось, жизнь начала налаживаться. Но...

– Скажи-ка мне, Лав, – прервался Феликс. – До какого момента вы успели пройти историю? «Чёрное время» уже было?

– Это... – Лаванда попыталась вспомнить всю эту запутанную терминологию и связи её со смыслом. – Это когда был тоталитаризм, да?

– Да, демократический тоталитаризм так называемый. Тогда дальше, ты поймёшь...

...Но только показалось.

Начав со всенародной эйфории и небывалого подъёма страны, Нонине довольно быстро оборотилась другой стороной. Иногда казалось, что это просто реинкарнация Чексина пришла к власти, а никакой Софи Нонине, которая так нравилась всем, никогда и не было.

Первые звоночки раздались, когда спешно были прикрыты только успевшие открыть рты альтернативные газеты и телеканалы.

– Она перевела всё на госуправление, и сейчас все источники завязаны на неё. Кроме тех, что запрещены, разумеется. Так что у нас теперь только хорошие новости, – усмехнулся Феликс.

Дальше – больше. Похоже, для Софи было очень важно, чтобы все преисполнились сознанием величия страны: огромные средства тратились на свежеизобретённые «народные праздники», названия которых даже не сохранялись в памяти, и, без сомнения, эффектные, но явно не самые необходимые населению проекты, вроде подготовки шикарных международных соревнований или недостроенного по сию пору квартала небоскрёбов в Ринордийске. В школах вводились программы углублённого изучения истоков отечественного патриотизма – таково было полное официальное название... В повседневную же жизнь, с которой приходится сталкиваться каждый день, начало возвращаться – сначала осторожно, по краешкам, а потом вполне уверенно – привычное со времён Чексина запустение. Личная идея Нонине – так называемая ГГД, грандиозная дорога на сваях, пересекающая страну с запада на восток, – давно застряла где-то на полпути, в междугорожье. Сверкающей лентой тянулась она сквозь вырубки и покосившиеся дома посёлков.

– А после переизбрания, – проговорил Феликс, – президентского поста ей стало, по-видимому, мало. Наша Нонине объявила себя единоличной и абсолютной правительницей. И обращаться к ней теперь следовало «Ваше Величество».

– Она стала королевой? – удивилась Лаванда.

– Нет... Слово «королева» ей чем-то не понравилось. Просто – Правительница. Наша Правительница Софи Нони-

не. Это ведь так просто и понятно, разве может быть иначе.

Сразу после введения нового титула зашептались: Нонине то и дело сравнивали с основателем «демократического тоталитаризма», чей образ на века отпечатался в истории. Сторонники её, впрочем, утверждали, что это бред: будь это действительно так, не очень-то получилось бы шептаться. Но что уж точно – Нонине неожиданно обнаружила страстную тягу к всевозможным запретам. Ей не нравились жилые дома ниже пяти этажей в высоту в городской черте (нерационально используется пространство), ей не нравились пробки для шампанского, вылетающие в незапланированном направлении, а заодно и вся стеклотара (нарушение техники безопасности), ей не нравилась любая символика, не зарегистрированная официально строго оговоренным порядком... Всё, что не нравилось Нонине, попадало под запрет и становилось вне закона.

Но больше всего она не любила неуважительные речи о своей персоне. Запрещались они теперь не только в официальных источниках, но и в частных разговорах. Была создана целая отслеживающая сеть, которая работала днём и ночью. Такое ощущение, по крайней мере, складывалось по результатам этой работы.

Поэтому недовольный шёпот был не особо громок, когда Нонине «запретила интернет» (на самом деле не совсем так, но официальный налог на любые устройства, имеющие до-

ступ к сети, и неофициальное выдавливание всех операторов, кроме государственного – с чёрным списком и никакой связью, – сделали своё дело). И когда почти закрылись границы страны – ибо разрешение на выезд приходилось выпрашивать в частном порядке – тоже был молчок.

– А не опасно тогда говорить вот так, как мы сейчас? – Лаванда настороженно покосилась на отдалённые аллеи под ветвями деревьев.

– Здесь – нет, – мотнул головой Феликс. – Я же сказал, никто не будет тут подслушивать. Но вообще, конечно, нужно поосторожнее. Мне-то, судя по всему, хуже не станет, а вот чтоб это коснулось тебя, мне бы не хотелось.

– А что будет? – любопытно спросила Лаванда.

– В первый раз, может, и ничего, – Феликс всматривался в сгущающиеся сумерки. – Да и в следующие разы не обязательно. У Нонине весьма странная логика мер воздействия. Но на всякий случай, чтоб ты знала, – люди, которые ей чем-то не нравятся, как правило, куда-то исчезают.

– Их расстреливают?

– Нет... – Феликс чуть заметно усмехнулся. – Иногда им фабрикуют какое-нибудь громкое обвинение и запирают в тюрьме. Но это редко. Чаще с ними случается какая-то фатальная неприятность. Обыкновенный несчастный случай, произошёл только очень вовремя, какое совпадение. Но обычно их просто больше никто никогда не видит.

Он обернулся на фонтан, кивнул на статую, что стояла в центре:

– Знаешь, что говорят про мантикору? Того, кто попался ей в лапы, она съедает целиком – с костями и одеждой. Поэтому если человек просто исчез и никто не знает, что с ним случилось, это значит, что его съела мантикора. Вот так.

Лаванда тоже невольно оглянулась на статую. Прекрасная дева-воительница в удивительном спокойствии возносила свой меч, но чудовищный лев с обезображенным человеческим лицом уже готов был прыгнуть и проглотить её в долю секунды. Мгновение застыло монетой на ребре. Ещё ничего не было решено.

Феликс поёжился и бросил взгляд на проглядывающие за деревьями кованые ворота.

– Темнеет уже, – заметил он. – Пойдём?

5.

В надвигавшейся темноте улицы выглядели совсем по-другому. Они теряли чёткость и направление, превращались в замысловатые загогулины и спирали.

Феликс, впрочем, шёл вполне уверенно – видимо, не раз проходил здесь и знал дорогу назубок, так что Лаванда следовала за ним чуть позади почти без опасений. Не останавливаясь, чтоб не отстать и не потеряться, она тем не менее крутила головой то направо, то налево. Всё ей казалось странным здесь, всё было внове.

Дома по краям улицы нависали громадинами – застывшие, безмолвные. Только их чёрные окна, казалось, равнодушно наблюдали за всеми, кто проходил мимо, следили, считывали.

– Кажется, как будто у домов есть глаза, – поделилась она представившимся ей вдруг так ярко, что можно было почти поверить.

– Мм?

– Нет... ничего.

Конечно, не стоило ему этого говорить: Феликс всё равно не увидел бы, это не подлежало сомнению. Люди вроде него всегда видят всё по сторонам, но никогда – в глубине.

И снова они шли в молчании. Лаванда гадала, действительно ли так и Феликс просто не замечает, или это ей чу-

дится то, чего нет. Эти дома...

Они казались гораздо старше, чем им полагалось быть. Может быть, старше самого времени. Будто они стояли здесь вечно, глядя на проходивших, всё запоминая, храня всё бывшее на дне своих чёрных глаз и не вмешиваясь, никогда не вмешиваясь, только стоя неизменными гигантами.

Улица петляла между ними, как лабиринт. Возможно, сейчас, свернув в полутьме не туда, по ней можно случайно выйти в совсем другую эпоху, другие года... Хотя не всё ли равно в потёмках. Века, наслаивающиеся друг на друга, почти не отличаются один от другого, пятый от четвёртого, первый от последнего. У них на всех – одна дорога сквозь лабиринт.

Нет, Феликс просто не замечал – как обычный человек из плоти и крови, человек этого и только этого мира. Хотя вот шорохи – вполне здешние, всамделишные – наверняка должен был слышать. То тут, то там между домами проносилось движение: кто-то невидный перебежал, прятался, шуршал мусором и сухими листьями, что перезимовали под снегом.

– А кто это там? – снова спросила Лаванда.

– Где? – насторожился Феликс.

– Шуршат.

– А... Так крысы же.

– Крысы? – удивилась она. – Я не знала, что они бывают в больших городах.

– Как раз в больших городах больше всего крыс, – злобная усмешка чуть заметно скользнула по его губам. – Включая тех, что на самом верху.

Лаванда не поняла, о чём он, но что-то подсказало, что не стоит сейчас это уточнять.

Чем ближе к окраинам, тем более ветхими и заброшенными казались постройки. Стены их обветрились и торчали неуютно. Асфальт уже редко лежал ровно, а то дыбился горбом, то вдруг ухал из-под ног без предупреждения. Кусты и подстриженные деревья исчезли. Вместо красивых фонарей в небо вздымались столбы с лампами на вершинах. Половина из них не работала.

– Но в одиночку ты тут по ночам лучше не ходи, – предупредил Феликс.

– А с тобой можно?

– Со мной можно.

Лаванда сильно сомневалась в этом, но переубеждать его не стала.

Вдруг острое ощущение чьего-то присутствия, чьего-то невидимого взгляда остановило её. Она быстро огляделась. Нет, ничего особого не видно, могло и показаться... Но Лаванда готова была поклясться, что здесь, на улице, есть кто-то третий.

В поисках неведомого соглядатая она пристальнее осмотрелась по сторонам. Как будто никого... Хотя нет: вон там, сбоку от дороги, в воздухе повисла какая-то огромная тень.

Лаванда остановилась, взглядываясь в неё, пытаясь разобраться и понять.

– Эй, ты чего там? – подал голос Феликс. – Не отставай.

– Что это? – она не отрывала взгляда от тени.

Феликс вернулся назад к ней.

– Где, это? Это памятник, ничего особенного.

– Памятник? – удивилась Лаванда. – Кому?

– Этому... Ну, как его, – Феликс взмахнул рукой, словно это помогло бы ему вспомнить. – Который правил в «чёрное время»... Ну, ты меня поняла.

– А... – она кивнула. – Я думала, их все поносили.

– В основном снесли, конечно, – подтвердил Феликс. – Тем, кто помельче, вообще снесли полностью – Шмульнову, Миловицкому, Эрлину и прочим сволочам... А его памятников, наверно, было слишком много. Так что кое-где ещё остались, особенно на окраинах.

Феликс замолчал на момент, взгляделся в каменный силуэт. Затем негромко, но ядовито рассмеялся:

– Этот, наверно, оказался слишком большой. Всем влом с ним возиться. Пойдём? – он отвернулся и зашагал по дороге.

Лаванда ещё раз пристально всмотрелась в тень. Значит, всего лишь памятник...

Но нет, ей всё же не показалось. Она не знала, откуда ей известно, но была уверена. Оттуда, из тени, за ними наблюдали чьи-то глаза.

Лаванда медленно покачала головой:

– Там кто-то есть ещё. Кто-то кроме памятника.

– Это глюки. Пошли.

Наверху, укрывшись от случайного взгляда за огромной каменной ногой, стояла Софи Нонине.

Поплотнее запахнув плащ из крысиных шкурок, – на высоте холодно – с внимательной неприязнью всматривалась она в двух прохожих, что двигались вниз.

Парень – Феликс Шержвэдичев – был прояснён вдоль и поперёк и никакой актуальной угрозы не нёс, а кроме того, он, хоть и не догадывался об этом, был под полным контролем.

А вот девчонка...

Её Софи не знала, и это настораживало. Лет пятнадцати или шестнадцати, лицо неприятно детское, концы светлых волос нелепо болтаются чуть ниже ушей, синтепоновая куртка, слишком лёгкая для погоды... Кто такая, откуда? Надо бы проверить архивы.

Да, надо бы, – кивнула она.

Что-то в незнакомке тревожило Софи.

Очень тревожило.

6.

Квартира у Феликса располагалась на втором этаже и была довольно вместительна – в две просторные комнаты.

В одной из них помещался большой письменный стол, в другой стоял маленький телевизор.

Феликс сразу заявил, что телевизор он почти не смотрит, потому что это зомбоящик и дурно влияет, но следом почти без паузы предложил посмотреть вместе: «иногда можно» и вообще «кое за чем всегда лучше следить».

Лаванда была совсем не против: в Юмоборске первое время был телевизор, но потом он сломался, а опекуны решили, что чинить его будет слишком дорого. Поэтому довольствовались радио.

Она с живым интересом уставилась на аппарат, когда выяснилось, что к нему необязательно подходить, чтобы включить или настроить канал. Нет, это был один из тех телевизоров, что управляются пультом: Лаванда видела такие в фильмах и рекламе, но никогда – вживую.

На засветившемся экране ярко-оранжевый поток вливался в огромный стакан, а подоспевший за картинкой голос как раз успел воспеть хвалу мандариновому соку «Чин-Чин». Но вот стакан пропал, и раздалась торжественная, летящая куда-то музыка. На экране завертелись и исчезли разноцветные шары и прозрачные сферы, и на их месте возникла девуш-

ка в чёрном офисном платье. Волосы – тоже чёрные – были аккуратно убраны назад, идеально ровный пробор пересекал их посередине.

– Здравствуйте, с вами «Главная линия» и Китти Башева.

– Китти Башева, – прыснула Лаванда. – Какое нелепое имя.

– Мм? – Феликс, казалось, вынырнул из каких-то своих мыслей, не связанных с передачей. – Думаешь?

– Нет, отдельно имя и фамилия звучат нормально, но вместе...

– А, это бывает, – Феликс тоже улыбнулся. – Мода на иностранные имена и всё такое... Сейчас вроде уже поветрие прошло, но среди наших двух-трёх поколений осталось немало жертв культурного смешения. Не всем повезло с фамилией, – он рассмеялся.

Девушка сидела за столом, и её тёмные глаза неотрывно смотрели прямо на зрителя. Перед ней на столе лежали какие-то бумаги, но она только изредка подсматривала в них, будто безошибочно знала, что и когда следует говорить. Она вообще почти не двигалась, а только говорила: губы, не изменяющие радушной улыбки, быстро шевелились и выпускали слово за словом, как бесконечную нить запутанного плетения. Смысл отдельных фраз ускользал, оставалась только уверенность, что всё идёт так, как надо.

– Она тоже ведущая? – поинтересовалась Лаванда. – Я её нигде раньше не видела...

– Ну... да. Она ведёт только «Главную линию». Это выпуски, которые исходят как бы лично от Нонине.

– Это как?

Феликс криво усмехнулся:

– Традиционный ежевечерний разговор матери народа со своими детьми. Сказка на ночь, если хочешь. Раньше Нонине появлялась на экране сама, когда желала что-то сказать, а теперь соизволяет показаться лично только в исключительных случаях. В остальное время за неё говорит кто-нибудь из её людей... Чаще всего Китти Башева. Но есть и другие.

– Может, она опасается камер? – предположила Лаванда.

– Скорее своего народа, – мрачно проговорил Феликс.

Лаванда вдруг поняла, что абсолютно не представляет Софи Нонине внешне. Только имя – случайный набор звуков, обозначающий именно этого человека, а не какого-нибудь другого.

– Но если её почти нет в телевизоре... Не боится ли она, что люди так вообще забудут, как она выглядит?

– Забудешь тут, – проворчал Феликс. – Ты разве не заметила?

– Что?

– Все эти агит-постеры на улицах, фото в эффектном антураже во всех газетах и журналах... Нужный образ растиражирован и впихивается в головы людям. Насколько это похоже на настоящую Нонине, уже никому не важно. Да вот хотя бы, – он поднял со стола газету и протянул Лаванде. –

Взгляни, если так рвёшься её увидеть.

Лаванда с любопытством всмотрелась в небольшую фотографию на передовице.

Нет, эта женщина явно не собиралась ничего бояться. Лицо сильное, волевое, яркие глаза смотрят прямо в камеру. Высокий лоб, заострённый, немного хищный нос. Узкие, плотно сжатые губы чуть усмеваются самыми краешками. Часть тёмных волос собрана в кокон у затылка, остальные спадают гривой.

– Она так молодо выглядит, – удивилась Лаванда. Софи – Мать народа – представлялась ей женщиной уже скорее пожилой.

– Это не самая новая фотография, – отозвался Феликс. – Тут ей тридцать, а сейчас тридцать семь. Впрочем, она мало изменилась.

Лаванда ещё раз взгляделась в фото.

– А что это на ней такое?

– Это? Плащ из крысиных шкурок. Сколько помню, она всегда только в нём и появлялась. Царская униформа, можно сказать.

– А зачем он ей?

– Понятия не имею. Думаю, только сама Нонине и знает. Но ей подходит. Соответствует действительности.

– Какой действительности? – не поняла Лаванда.

– Ну, она же крысиная королева, – Феликс поймал её недоумённый взгляд и пояснил. – Так её называют в народе.

Лаванда уже успела заметить, что у него был будто выработанный рефлекс – презрительно фыркать и начинать говорить гадости каждый раз, как речь заходила о Нонине.

– За что ты её так ненавидишь, – тихо рассмеялась она. – Явно что-то личное.

– Личного нет, но, помимо всего прочего, мне по статусу положено.

– Почему?

– Потому что я оппозиционный журналист.

– Какой журналист? – не поняла Лаванда. Первое слово было ей знакомо только очень смутно.

– Оппозиция, – пояснил Феликс, – это, как бы объяснить... Ну, это люди, которые не согласны с тем, что делает официальная власть, которые противопоставляют себя ей.

– А! – догадалась Лаванда. – Ты революционер?

Феликс удивлённо посмотрел на неё, потом захихикал, зажав рот рукой. Он встал с места и заходил по комнате.

– Что? – не поняла Лаванда. – Что-то не так?

Феликс ещё долго не отвечал, только плечи его подёргивались от смеха. Наконец он развернулся к ней.

– Это ты хорошо сказала, – он значительно потряс пальцем. – На революционера я, конечно, не тяну... Но за комплимент спасибо.

Перестав наконец смеяться, он заговорил как будто даже грустно:

– Если б я был революционером, мы бы уже давно свергли

Нонине. Но истинные борцы с тиранами остались в далёком прошлом. А я – только писака. Издаюсь в этой вот брошюрке, – он кивнул на лежавший на том же столе журнал.

– Так это же запрещено? – вспомнила она.

– А мы подпольно, – заявил Феликс с видом самой невинности. Затем засмеялся вновь. – Так что смотри, Лав, быть моей кузиной довольно опасно. Не боишься?

Она разочаровывающе покачала головой:

– Нет.

7.

Здесь была она – Софи Нонине. Здесь было логово Волчонка и кабинет Её Величества.

Она что-то писала или, скорее, раз за разом перезачёркивала уже написанное. Кедров обычно избегал смотреть в её бумаги – даже случайно, сидя рядом. Это было одно из негласных табу.

Сегодня Софи, похоже, находилась в хорошем расположении духа. Руки её не тянулись поминутно к сигаретам, взгляд был спокоен, а улыбка – как обычно, слегка насмешлива.

– В Ринордийске больше не шумят. Не так ли?

– Да. Кроме отдельных элементов, возмущений нет.

Софи недовольно и одновременно снисходительно поджала губы:

– Отдельные элементы есть всегда. Если не идти у них на поводу и вовремя принимать меры, когда их заносит, они ничему не мешают. Пошумят и угомонятся... Другое дело, если пытаться поговорить с ними как с людьми – так скоро самим придётся уходить в подполье. Успел уже соскучиться, Эндрю? – так давно повелось, что Софи кликала его на иностранный манер, хотя Кедров был просто Андреем.

– Мы ведь только оттуда, – Кедров позволил себе сдержанно улыбнуться. С Софи всегда приходилось балансировать между почтительным преклонением перед Правитель-

ницей и панибратством старых друзей – ей это нравилось.

Нонине рассмеялась.

– Я пока планирую конференцию на середину мая, – продолжила она затем. – Если всё действительно спокойно, её можно будет провести в открытом режиме, чтоб пришли все, кто хотят прийти, и спросили всё, что хотят спросить. Можно даже под открытым небом. Когда последний раз в Ринордийске были конференции под открытым небом? – она вопросительно прищурилась, будто и в самом деле забыла.

– Двадцать лет назад, – механически ответил Кедров. – Но, Софи, тебе не кажется, что это слишком?

– Слишком что? – взгляд её в мгновение стал колючим и цепким.

– Слишком небезопасно.

– Но ведь твои люди позаботятся об этом. Я права?

– Конечно, – кивнул он. Как многие другие вопросы Софи, этот имел только один правильный вариант ответа.

Нонине, услышав, коротко кивнула в ответ.

– Кроме того, необходимо усилить охрану по городу, – продолжила она. В голос вкрались капризные ноты. – Вчера наш давний знакомец заявился на вокзал, и его даже не проверили.

Софи говорила о Шержведичеве, который, похоже, вызывал у неё раздражение чисто рефлекторное. Кедров и сам относился крайне неприязненно к этому человеку, и безобидность журналиста казалась ему преувеличенной, но он ни-

как не мог понять, что за странную игру ведёт с Шержведичевым Нонине. Считая его одним из главных своих врагов, она могла бы уничтожить его уже сотню раз, но почему-то не делала этого. Будто выжидала... чего?

Сомневаясь, чего конкретно она сейчас хочет, Кедров тем не менее убеждённо заговорил:

– Всё это время мои люди пристально следили за ним, и, уверяю, если бы в его действиях было хоть малейшее...

– Ладно, я поняла, – прервала Софи – так, будто это было вовсе не главное, и что-то гораздо важнее, гораздо выше и величественнее занимало её мысли.

– Я вытащила эту страну из пропасти, – негромко, но отчётливо заговорила она. – Я спасла её, когда она гибла, и не дала ей распасться. Поэтому теперь я имею право заправлять всем, и они будут делать то, что я им скажу, а не то, что им захотелось. Я чувствую эту страну, как продолжение себя самой. Разве знает кто-то лучше меня, куда нам идти?

Этот взгляд... Он всегда несколько пугал Кедрова, да и вообще всех, кому приходилось замечать такой взгляд у Софи Нонине. Потому что это не был взгляд человека – существа нечеловеческого рода, более совершенного, мудрого и могущественного, чьи мысли текут не по земной логике, чьи чувства не могут быть понятны, чьи планы и решения предсказать невозможно. Что оно видит, оказавшись случайно в мире людей? Неудивительно, что угольный карандаш... Впрочем, об этом лучше не думать.

Минута – и вновь была земная Софи, Волчонок. Лицо её вернуло по-деловому весёлое выражение.

– А, вот ещё, – она выудила из кипы папок и бумаг на столе географическую карту. – Что там с ГГД?

ГГД – Главная Государственная Дорога – была текущей стройкой века и личным проектом самой Нонине, видимо, очень значимым для неё. Кедров вздохнул:

– Софи, ты же знаешь, это не по моей части.

– И всё же? – она внимательно смотрела на него.

Кедров подумал немного, мысленно подытоживая всё, что до него доходило.

– Насколько мне известно, с начала зимы она всё там же.

– Под Камфой?

– Да.

Софи недовольно нахмурилась:

– Плохо. Они что, совсем там не работают?

– Работают, но ландшафт не располагает. Приходится долго расчищать место.

Софи кивнула под свой стол, где в нише (как знал Кедров) хранилась небольшая гипсовая фигура:

– В его время ландшафт способствовал не больше, как я понимаю. Но у него как-то получилось.

– Тоже не полностью, Софи.

– Он просто не успел. А я собираюсь успеть.

В следующую секунду она уже стояла, склонившись над картой, и пристально всматривалась в нарисованные конту-

ры под широко расставленными цепкими пальцами.

– Что если начать строить и с востока тоже? С самого побережья – и навстречу тем, первым. Тогда примерно в середине следующего лета они должны будут встретиться... примерно в середине же страны, – Нонине ткнула в карту. – Что думаешь?

– Думаю, это удачная идея.

– Разумеется. Можно будет даже устроить празднество в каком-нибудь из приозёрных городов, какой там окажется поближе. А под это дело объявить и о начале расцвета восточных регионов. По-моему, весьма к месту.

Кедров с видимым энтузиазмом кивнул.

Он не стал напоминать, что в эпоху правителя, на которого так любила кивать Софи, дорогу в приозерье строили ссыльные каторжники и в них не было недостатка, в отличие от наёмных рабочих.

Молчал он и о том, что после зимы, в которую работы почти не велись, дорога находилась не в лучшем состоянии. Насыпи частично размыло тающим снегом, многие доски прогнили, и требовалось их заменить. (Кто он, чтоб указывать Правительнице на непродуманность её проектов, видимую или действительную. В конце концов, это и вправду не по его части).

Ну а про то, что ни на какие восточные регионы просто не хватит бюджета страны, Софи и так наверняка знала прекрасно. Если казалось, что Софи Нонине не знает про что-

то, это почти всегда значило: нет, конечно же, знает, только смотрит на это иначе, чем вы. Достаточно будет объявить, что пришли тяжёлые времена, но мы справимся, как уже не раз справлялись, – а откуда выделить средства на задуманное, найдётся.

– Вот и отлично, – Софи провела красную жирную линию с востока на запад. Довольно посмотрела на то, что получилось. – Значит, решено. Можешь пока идти, Эндрю, я позову, если понадобится.

Кедрову хотелось было задать на прощание вопрос, который давно уже хотелось задать, из чистого любопытства: зачем всё-таки ей понадобилась именно деревянная дорога на сваях и ничто другое. Но в последний момент Кедров передумал. Это можно запросто спросить у хорошо знакомой и в доску своей Софи, но можно ли сейчас... Он не был уверен, а потому не рискнул. Может, как-нибудь потом.

Волчонок. Софи. Её Величество Софи Нонине.

Сложно было всё же понимать, что это один и тот же человек.

8.

В какой-то раз Лаванда попросила Феликса всё же дать ей прочитать его статьи – как он обещал. Феликс дал – с готовностью и, как показалось, даже с затаённой гордостью. Похоже (хоть этого и не было сказано напрямую), от неё, нового своего читателя, он ждал, что уж она-то оценит по достоинству его работу, вникнет во все тонкости и, подумав, во всём с ним согласится.

Лаванде и вправду было очень интересно. Она как раз достигла той степени вовлечённости, когда считать, что все эти политические дела не имеют значения и вообще не существуют, уже не получалось и хотелось, наконец, всё разъяснить для себя и разложить по полочкам.

Но, увы, статьи Феликса мало ей в этом помогли. Она прочитала их три штуки и, устав, уже несколько наискосок просмотрела четвёртую. Все они были из последних номеров «брошюрки» – журнала с тонкими просвечивающими листами, оформленными всё же с претензией. Под статьями, видимо, считая свою фамилию не лучшим образчиком запоминающегося названия, Феликс обозначал себя как «Шержень».

Без сомнений, писал «Шержень» абсолютно искренне и со знанием дела – ну, или с уверенностью в этом знании. Но раз за разом возникало чувство, что написано это было ис-

ключительно для «своих» – тех, кто в целом уже в курсе ситуации и кто в принципе придерживается похожих взглядов, кого не надо перетягивать на свою сторону. Феликс шутил, Феликс высмеивал и высмеивал жёстко, но ко всему этому, наверно, должен был прилагаться особый шифр в голове, который сделал бы понятными все эти шутки, намёки, все эти парафразы цитат и отсылки к некогда имевшим место событиям. Мельком брошенный эпитет – и сразу станет ясно, в чём проблема, почему всё так плохо и что именно плохо. Наверно, люди, находящиеся на одной волне с Феликсом, нашли бы в его статьях то, что искали. Но, к сожалению, не человек со стороны.

Потеряв цель и забыв, в чём она состояла, Лаванда отложила номера в сторону, на край дивана (впрочем, не закрывая их), и просто сидела теперь, смотрела в стену и мимоходом думала о чём-то, она даже не улавливала точно о чём. Старая привычка – вглядываясь вдаль, отключаться от всего окружающего – не покинула её и здесь. Стена поплыла перед глазами, рисунок обоев переплетался лентами, искажался и исчезал, видимое становилось прозрачным, отступало куда-то назад, терялось из виду...

Она летела над землёй – высоко-высоко.

Так высоко, что было неясно, где это и что вокруг, да и неважно вовсе. Выше птичьего полёта, выше самого неба, куда не ступают живые, ибо здесь нет им места. Только свет – бесконечный свет солнца, такого огромного, занимающе-

го весь мир. Прянь вверх – и захлебнёшься светом, растворишься в тепле без остатка и тебя больше не будет.

(Лаванда так делала всего несколько раз за всю жизнь, и это были особые случаи).

Но сейчас – нет, сейчас ей туда не нужно. Лаванда мягко нырнула вниз и, открыв глаза, обозревала теперь землю под собой.

Там, далеко внизу, расстилались бескрайние зелёные луга. Холм вставал за холмом, долина пролежала за долиной, они были так неизмеримо далеко, но всё же видна была каждая травинка, колышима ветром. Иногда от особо сильных порывов траву пригибало к земле, но через секунду она уже исчезала из поля зрения и оставалась где-то позади, а новая зелень новых холмов всё так же открывалась взору.

С севера повеяло холодом. Свежий воздух дышал морозом и солью и был так знаком, что Лаванда почти подалась ему навстречу, чтобы лететь туда, где, она знала, опадают холмы, теряет свою яркость зелень, а дальше, на самом краю земли вот-вот блеснёт полоска...

Нет, туда нельзя. Никогда нельзя. Даже если очень хочется. Даже так.

Лаванда помнила это и быстро повернула обратно. Память успокоилась и сейчас же всё забыла, как это уже бывало не раз. Главное ведь, что будет дальше, какие ещё причуды готовят зелёные луга, чьи ряды набегают, как волны. Пролети ещё немного – и увидишь воочию.

Там, за холмами, лежало что-то новое, чего не бывало прежде, – она знала это. Там, за холмами...

– Эй, Лав!

От звука голоса холмы исчезли, Лаванда открыла глаза. Феликс стоял рядом и смотрел как-то подозрительно, со скрываемой тревогой.

– А? Я просто задумалась, – после резкого скачка язык едва слушался.

– Что-то ты глубоко задумалась, – он в сомнении покачал головой.

– Да нет, всё нормально, – Лаванда повертела головой в поисках чего-нибудь, чем можно было бы подтвердить свои слова. Взгляд упал на раскрытые журналы. – Вот, я прочитала твои статьи.

Это моментально переключило Феликса.

– Да? И как тебе?

– Ну... – замялась Лаванда.

Феликс присел рядом на корточки, придвинул журналы поближе к себе и жадно заглядывал ей в глаза.

Лаванда попыталась быстро вспомнить и подобрать какие-нибудь универсальные приятные слова.

– Ты... пишешь действительно хорошо... – осторожно начала она, – и образно. Увлекательно. Но...

– Но?

Она подумала и всё-таки призналась:

– Я не всё поняла.

Кажется, по его лицу проскользнуло разочарование. Да, совершенно точно проскользнуло, хоть он и попытался всеми силами это скрыть.

– А что именно непонятно? – осведомился он бодрым тоном.

– Ну... Это не так просто сформулировать.

– Хорошо, – Феликс порывисто встал и улыбнулся. – Тогда скажи, как сформулируется, ага? Я буду в той комнате.

Он вышел.

Лаванда попробовала подвигаться, встать с дивана. После путешествий в сферы тело обычно было не в ладах с ней, казалось тяжёлым, неповоротливым, будто не своим. (Хорошо сидеть на прибрежном песке и без спешки приходить в себя). Наконец руки и ноги вернулись к ней, и она обернулась теперь на двери комнаты.

Уже стемнело, и из кабинета Феликса пробивался неяркий свет – примерно как от телевизора. Но телевизор был здесь, в гостиной. Гадая, что это может быть, Лаванда подошла и заглянула туда.

Свет действительно шёл от экрана, но это был не телевизор. Станный агрегат помещался в нише шкафа за откинутой дверцей. Феликс сидел перед ним на полу и что-то делал. Лаванду он пока не заметил.

Она поняла теперь, что это: вспомнила, что видела такой аппарат на картинках. Один из тех маленьких компьютеров, что умещаются на коленях.

– У тебя есть компьютер? – удивлённо спросила она.

– Ага, – бросил Феликс.

– Но ты же сказал, что их почти невозможно держать законно.

– А я незаконно, – он повернулся к ней с самой своей невинной улыбкой. – Формально у меня его нет.

– Не боишься, что обнаружат?

Феликс пожал плечами:

– Пока не обнаружили. Впрочем, не удивлюсь, если Нонине давно в курсе.

– Значит, от неё сюда всегда могут прийти? – Лаванда тревожно нахмурилась.

– Естественно. И по этому поводу, и по многим другим. Я же сказал, что быть рядом со мной опасно.

(Он повторял это с видимым удовольствием, будто рад был похвалиться хотя бы таким странным достижением).

Лаванде подобные настроения не очень-то нравились, и она переключила внимание на монитор компьютера. Там видны были буквы, отдельные фразы...

– А чем это ты занимаешься?

– Переписываюсь с нашими. Так удобнее узнавать о всём, что происходит, – объяснил Феликс. – Если есть какие-то новости, то тут они распространяются моментально. Я уж молчу, что о многих вещах в других источниках вообще не скажут.

Лаванда всмотрелась внимательнее. Лента текста на мо-

ниторе – короткие рваные сообщения, протянувшиеся сверху вниз, – похоже, складывалась в разговор. Лаванда, правда, не очень вникла в смысл: кажется, разговор шёл уже давно и начало его затерялось где-то на просторах ленты.

– И часто вы так переписываетесь? – любопытствовала она.

– Обычно каждый вечер. Всегда кому-то есть что сказать. Поделиться чем-то или просто выразить мнение... Слить эмоции, в конце концов. Плохо только, что, кроме Ленты, куда-то выйти отсюда практически невозможно – оператор всё тот же, главный государственный, а у него почти всё в чёрном списке. Некоторые как-то умудряются туда проскочить, понятия не имею как. Да и из Ленты постоянно исчезает часть сообщений.

– Цензура? – догадалась Лаванда.

– Ага.

Больше он ничего не сказал, и Лаванда мысленно порадовалась, что он не вспомнил про статьи: она пока так ничего и не сформулировала и мысли бродили вокруг очень разрозненно.

– Кстати, пора бы поужинать, – заметила она.

– Пора... – задумчиво ответил Феликс, но, кажется, был несколько не здесь, а где-то по ту сторону монитора.

– Я приготовлю что-нибудь?

– Что? А, да. Было бы хорошо. Спасибо.

Но Лаванда не ушла сразу, а всё смотрела ему в затылок

и раздумывала над одним вопросом, который крутился в голове, но в этичности которого она сомневалась.

– Феликс?

– Да?

– А твои статьи читают?

Он удивлённо обернулся:

– Конечно, читают.

– А кто?

– Ну... как кто... Люди.

– Какие люди?

– Обычные люди, – он недоумённо пожал плечами. Не понимал, о чём она, или не хотел понимать?

– Только ваша компания? Или ещё кто-нибудь? – и совсем тихо добавила. – Может быть, миллионы. Или...

– Откуда я знаю, – Феликс резко отвернулся к экрану, но, кажется, уже не вчитывался в Ленту, затылок выдавал его. Раздражённо потряс головой. – Я за этим не слежу. Наверно же, и кто-то кроме.

Скорее всего, догадалась Лаванда, скорее всего, эти мысли приходили ему в голову и раньше. И, скорее всего, они ему не нравились. Не имея возможности проверить, он предпочитал не задумываться об этом, как она сама предпочитала не задумываться о блестящей полосе.

Лаванда постояла ещё немного и ушла на кухню – посмотреть, что там можно найти, что сгодилось бы для ужина.

9.

Она сидела в сквере на старой скамейке и ненавязчиво наблюдала за всеми вокруг.

Людей здесь было много сегодня – они проходили вереницами, один за другим, шеренга за шеренгой.

Ещё чуть-чуть, и начнут маршировать в ногу, – подумала Лаванда и несмело улыбнулась своим мыслям.

Она отдыхала сейчас: она прошла довольно много от их дома до этого сквера; хотя для Феликса это наверняка были бы сущие пустяки, но она не привыкла столько ходить пешком. Но день выдался такой чудесный, что варварством представлялось прятаться в трамвае от бледно-голубого неба с лёгкими мазками облаков, застывшими на его холсте. Полупрозрачное, оно как бы окунало день в стакан воды, и всё вокруг наполнялось едва заметным воздушным свечением.

Люди, похоже, разделяли её мнение, что день чудесный, иначе вряд ли их собралось бы здесь столько. Лаванда наблюдала украдкой, словно её и не было тут вовсе.

Вон та девушка в пышной юбке, с наушниками и тёплым шарфом – интересно, о чём она может думать сейчас?

А этот мужчина с саквояжем в руке и усталым лицом рабочего? Что привело его сюда?

А вот пожилая пара – они так трогательно поддерживают друг друга под руки, но ни о чём не говорят: наверно, им уже

не нужно.

«Помоги», – вдруг промелькнуло в воздухе вместе с пронёсшимся мимо скамейки движением. Лаванда повернула голову вслед: но нет, никто к ней не обращался, да и вообще не произносил ни звука.

«Помоги», – пронеслось снова. Не успела она посмотреть, кто это был, как волна пришла в третий раз.

Всё то же – призыв? просьба? приказ?

«И почему именно ко мне?» – подумала она удивлённо. Разве она может что-то сделать? Разве она имеет право? Кто-то, может, и имеет, но Лаванда, сколько помнила, всегда отказывала себе в этом...

«...помоги, помоги, помоги...» – со всех сторон и ниоткуда одновременно.

Она поняла: это был резонанс их мыслей, та общая волна, которая собирала их в одно целое и которую Лаванда, будучи не с ними, находясь в стороне, могла уловить.

И призыв обращён к ней именно потому, что больше услышать его некому.

Запах гари. Она вспомнила вдруг, что почувствовала, когда летела над холмами, в тот самый момент, когда Феликс прервал её полёт: да, именно запах гари. Он вернулся сейчас, он был так силён, будто наяву, – запах тревоги, запах беды, что стелется вместе со стаями птиц, пересекающими небо из края в край...

Птицы. Лаванда быстро нащупала на правом запястье

браслет из перьев. Здесь, в незнакомом и людном месте, приближение тех сфер – совсем некстати; нужно уцепиться за здешний, человеческий мир, не выпасть из него.

Перья – мягкие, рельефные перья, такие осязаемые и живые – лънули к пальцам и возвращали чувство реальности. Это всегда помогало, Лаванда давно успела заметить.

В основном здесь были белые перья чаек и лесных голубей. Много лет она собирала их – одно за другим, вплетала в единый круг, в неразрывную связь. Чаячи, конечно, были постарше: в Юмоборске чайки не водились. А вот диких голубей там хватало в окрестных лесах.

Сегодня, когда Лаванда собиралась выйти на прогулку, у неё была мысль и здесь найти одно-два красивых пера, чтоб вплести и их в браслет, – перья ринордийских птиц. Но в Ринордийске, похоже, в принципе не было птиц. А те, что остались, выходили такими странными, непонятными, что их перьев не хотелось. Что-то было не так в их пронзительных криках, в их тяжёлом сбите полёте. Что-то в них самих было неправильное, искажённое.

Как и во всём городе.

Не потому ли бьётся в воздухе невысказанная просьба? Не потому ли запах гари с далёких холмов?

«Но я ведь и правда ничего не могу сделать, – подумала Лаванда. – Я тут никто».

Да, это, пожалуй, лучше всего освобождает от любой ответственности: она здесь – случайный прохожий. Ничего

больше.

Можно даже сделать вид, что она никого не слышала. По сути, так ведь оно и есть – кто же станет прислушиваться к призрачным голосам, звучащим лишь в голове? Да эти люди первыми бы направили её в психушку.

На всякий случай сделав засечку на памяти, Лаванда успокоенно и почти даже в хорошем расположении духа вновь огляделась вокруг. Люди по-прежнему шли и по-прежнему не встречались с нею взглядами...

Взгляд.

Лаванда рывком вскочила со скамейки.

Бывшее уже ощущение чьего-то присутствия захлестнуло её. Кто-то наблюдал за ней – точно так же, как сама она наблюдала за пешеходами. Кто-то не сводил с неё пристально-го взгляда.

Но нет, вокруг – никого такого. Даже памятников нет.

Ну, что тебе почудилось, глупая? Кто тебе там опять привиделся?

– Софи? – тихо позвала она.

Никто, конечно, не ответил. Да и сама Лаванда едва ли понимала, почему именно эта странная мысль пришла ей в голову.

Даже если у Софи такие масштабы контроля и слежки – ну зачем бы ей понадобилось. Кто такая эта Лаванда, чтобы выслеживать её.

Но лучше всё-таки уйти от этого места. Она и так провела

здесь много времени – куда больше, чем планировала. А город ждёт движения и с капризным недовольством косится на тех, кто его не поддерживает. С Ринордийском ей хотелось бы поладить.

10.

Софи вместе с Кедровым внимательно просматривала результаты съёмки со скрытых камер, установленных в разных районах Ринордийска.

Кедров предварительно доложил ей, что ничего подозрительного ни на одном из просматриваемых участков обнаружено не было, – всё уже проверено многочисленными сотрудниками. Но Софи придерживалась мнения, что лучше перепроверять лично («Ни на кого нельзя положиться»). А с тех пор как недовольные крики и обвинения в адрес «крысиной королевы» на краткое время наполнили город без всякой утайки, она готова была скорее пересмотреть все съёмки со всех скрытых камер и прослушать все телефонные линии, чем упустить потенциальную опасность. К сожалению, это было физически невозможно, приходилось довольствоваться случайными отрывками суточных записей. Это стало одним из обычных её занятий и давно вошло в привычку.

Не отслеживала Софи только интернет: она была не в ладах с новейшей техникой. Вместо неё контроль на этой территории осуществляла Китти.

Китти она не настолько доверяла, как Кедрову (всё-таки это не она была бок о бок с Софи все долгие годы борьбы с режимом Чексина и установления новой – своей – власти), но достаточно для того, чтоб та занимала пост лично-

го секретаря. К тому же Китти отлично справлялась с работой, касалось ли это «Главной линии», проверки интернета или непосредственно секретарских обязанностей. И были ещё кое-какие обстоятельства.

Сейчас же по запросам Софи Кедров переключал трансляцию с камеры на камеру, то отматывая назад, то возвращаясь в реальное время, то снова перематывая к самому началу.

«В Ринордийске всё спокойно, мерно башенка звонит»... Совсем как в старой песне.

Иногда, указывая на кого-нибудь из прохожих, Софи спрашивала: «Ну а что ты скажешь про этого человека?» Кедров отвечал ей, с виду только скользнув взглядом по указанному, а на самом деле подмечая всё: темп и направление движения, походку, одежду и всякий багаж, настрой, манеру держаться, а также кучу других мелочей, по которым с большой вероятностью можно было догадаться, кто этот человек, куда и зачем он идёт.

Это как раз и нравилось ей всегда в Кедрове, это же выдавало в нём истинного потомка ссо-шника. (Видимо, тот, кто назвал «секретарями по связям с общественностью» людей с понятными обязанностями, отличался специфическим чувством юмора). Что касается лично Кедрова, то, думается, он вполне мог бы занять место своего прадеда в «чёрное время» – никто бы не заметил подмены.

Главная площадь, юго-западный район, улица Кобалевых,

Турхмановский парк...

Зелёный сквер на востоке города. «Зелёный» – это название, на самом деле зеленью здесь никогда и не пахло независимо от времени года. Софи жестом остановила Кедрова, чтоб посмотреть, что происходит там прямо теперь.

В общем, всё как обычно, ничего особенного. Люди... Ходят, разговаривают. Их тут всегда гуляет какое-то количество – то меньше, то, как сейчас, больше. Но взгляд цеплялся за что-то, Софи даже не сразу поняла, за что именно.

А, та самая девчонка, которую она уже видела на улице, с постамента. Конечно, она тоже может здесь гулять, но Софи нахмурилась, заподозрив неладное: очень уж странно та вела себя. Почти сразу, как началась трансляция, девчонка вскочила со скамейки и стала озираться по сторонам. Будто почувствовала, что на неё смотрят. Да и что-то не нравилось Софи в самом этом человеке, как часто не нравится большое непонятное насекомое: может, оно и безопасно, а если нет?

Она и сама не понимала, в чём дело: это ведь всего лишь девчонка, самая обыкновенная и ничем не примечательная, таких много... Забавно, подумалось вдруг Софи: примерно в таком виде – светлые волосы, не достающие до плеч, голубые глаза, простоватое открытое лицо – обычно рисуют страну, когда хотят изобразить её человеком. Только рисуют её всё же чаще в сарафане или платье цветов национального флага, а девчонка по-прежнему была в курточке и джинсах. И, возможно, кого-то ещё она напоминала...

Прекратив озираться, она быстрым шагом вышла из зоны обзора камеры. Видимо, у неё первой сдали нервы. Софи чуть усмехнулась, но продолжала молчать в задумчивости.

– Что-то не так, Софи? – вполголоса осведомился Кедров. – Я ничего подозрительного не вижу, но, может, ты...

– Нет, всё нормально, – она отмахнулась. По экрану взад и вперёд всё так же ходили сероватые люди. – Выключай, мы сегодня хорошо поработали. Всё же необходимые меры были приняты вовремя.

– Благодаря дальновидности Вашего Величества, – полусмешливо заметил он.

– А также благодаря работе твоих людей. Надо признать, ты умеешь организовать их. Но смотри, Эндрю, – Софи предостерегающе подняла палец, – если что, ты у меня первый под прицелом.

Она рассмеялась и хлопнула по карману, где у неё лежал револьвер. Кедров в ответ сдержанно улыбнулся.

Эта шутка повелась у них с давних пор, так же, как повелись в их компании названия «Эндрю» и «Волчонок».

Можно вспомнить и остальных. Хотя нет, не стоит. Они уже вычеркнуты.

11.

К вечеру они успели даже немного поцапаться – после того, как Лаванда спросила, что за человек Софи Нонине. В промежутках тишины было слышно, как зрачки кошки на стене щелчками следовали за секундами, а потом их снова перекрывали голоса. Стрелки подползали к пяти.

– Я же тебе объясняю! – всё больше раздражался Феликс. Досада брала его, что ему не верят на слово. – Я же говорю, что так всегда и бывает. Все они сначала такие: альтруисты, патриоты, любимцы народа... Потом уже начинается. А когда начинается, то уже слишком поздно: все только стоят с открытыми ртами – «ой, как же это так, а раньше так не было, ой, а может, нам правителя подменили, а мы и не заметили, ой, а что же теперь, ой, это, наверно, так и надо, ему виднее, переживём как-нибудь»... А нифига так не надо, просто никто не понимает, что можно и по-другому.

Лаванда хотела что-то возразить, но Феликс перебил снова:

– Вот пока страна будет доверять всяким сволочам и бывшим ссо-шникам, всё так и останется. Люди вроде Нонине будут пользоваться этим в своих целях.

– Вот целей её я и не понимаю, – заметила наконец Лаванда, уличив просвет между потоком слов. – Я не верю, что Нонине просто вот так пришла и просто вот так чинит зло,

чтоб всем было плохо, без всякого смысла. Я бы поверила, если б она была отрицательным персонажем книги, но Софи всё же – человек, какая она ни есть. Ради чего бы ей понадобилось всё это?

Феликс пожал плечами:

– Ради власти. Разве это не очевидно?

– Власти... Но что она такое, эта власть, сама по себе? Нет, я не понимаю, – она покачала головой. – Ради особых возможностей, ради материальных благ, в конце концов... Но ведь это всё было бы у неё и так.

– А фиг её знает, – раздражённо отмахнулся Феликс. – Слушай, по-моему, не суть важно, чем там руководствуется Нонине, главное – что делать с последствиями.

– А мне кажется, – тихо проговорила Лаванда, – мне кажется, что, возможно, это и есть самое важное... Если бы знать, как всё в действительности. Как это происходило, что и когда случилось точно, пока не стало как сейчас. Если б было у кого спросить это всё, кто бы всё это помнил...

– А это идея, кстати, – с внезапным интересом отозвался Феликс. – Вообще, конечно, человеческая память – штука ненадёжная и подвержена всяческим причудам. Когда речь идёт об исторических событиях, даже очевидцы начинают со временем забывать, как всё было на самом деле. Известная вещь, что на их рассказы нельзя слепо полагаться.

– И на твои, значит, тоже?

– Разумеется. Но поскольку, – досада на его лице смени-

лась просиявшей гордостью, – я был в курсе такого обстоятельства, то заранее придумал кое-что понадёжнее.

– Что же?

– У меня хранится архив газетных и журнальных вырезок, – вполголоса, торжественно заявил он. – Я их начал собирать лет в пятнадцать, ещё до того, как пришла Нонине. В них – все значимые в масштабах страны события за все эти годы, и никакие причуды памяти их не изменят. Правда, я это вовремя придумал? – Феликс тихо рассмеялся.

Глаза Лаванды широко открылись:

– Всё за последние годы... – восхищённо выдохнула она. Так вот он, тот ликбез, который она тщетно искала. Если проштудировать это, может быть, в её голове и устоится что-нибудь понятное и определившее форму, что уляжется ровными кирпичиками и не будет больше тревожить своей неопределённостью.

– На самом деле, не только за последние, есть и более давние номера, – как бы между прочим уточнил Феликс. – Конечно, уже не с такими подробностями, но, если мне попадалась какая-нибудь старая газета или журнал, я пытался утащить их к себе.

– А этот архив, – осторожно поинтересовалась Лаванда, – он секретный, да?

– Почему? Обычный архив. Я, правда, устроил для него тайник, но это просто на всякий случай. А так не секретный, конечно.

– Я бы взглянула на него... – ещё осторожнее заметила она. – Ну, то есть, если можно...

– Конечно, можно! – тут же оживился Феликс. Горящий энтузиазм в его глазах выдавал, что просто обладания архивом ему не хватало и что уже давно хотелось показать его кому-нибудь.

– Я его держу в кабинете, – затараторил он. – Сейчас покажу. Там не только все важные новости, есть и просто знаковые для эпохи вещи: награждение там какого-нибудь деятеля или чей-нибудь приезд... Ну, сама сейчас увидишь, там всё по годам. Можешь прямо тут, в кабинете, и устроиться, я тебе мешать не буду, – и тихо пробормотал, видимо, сам себе. – Попробую пока дописать эту чёртову статью.

12.

Ринордийск... Древний и вечно новый, вечно шумящий и блистающий и – в то же время – зловеще молчаливый; город фейерверков и чёрных теней, переменчивый, обманчивый, как витражи Сокольского собора: не поймёшь, в улыбку или оскал сложились эти губы, мирное спокойствие отражается в глазах или затаённая горечь. Как большой зверь, разлётся он на холмах: то тихо дремлет, то приоткрывает неспящий лукавый глаз, то закрывает вновь.

Играет, будто сам по себе. На самом же деле следит внимательно: смотрят ли на него, следуют ли за ним, любят ли, внимают ли.

И да, точно – огромная страна вращается вокруг него.

Сидя на полу рядом с тайником (архив хранился под днищем шкафа, за узкой съёмной панелью), Лаванда неспешно и внимательно перебирала папку за папкой и просмотренные уже листы откладывала в стопки около себя.

Подборка у Феликса, надо сказать, и впрямь была обширная. Самые ранние номера отсылали ещё в позапрошлый век. Таких вырезок, правда, нашлось немного, но были они весьма красноречивы.

На самом первом – пожелтевшем и помятом – листе глаз привлекали две новости. Одна – на лучшем месте передовицы, про празднование пятидесяти лет правления императора

Константина III Неизменного. По центру листа торжественно разместилось фото – старое, в сепию, с мягкими, точно сглаженными контурами. Император Константин застыл на нём изваянием и с добродушной улыбкой смотрел на читателя. Этого пожилого человека вообще отличала какая-то доброта во взгляде и во всём облике. Недлинная борода лучиками расходилась от подбородка. В руке император держал хрустальную сферу – символ власти, который, как помнила Лаванда из школьной программы, обозначает мир людей; в лице жителей страны он как бы вручается в руки правителя.

Ниже расположилась заметка поменьше: сообщалось, что по случаю пятидесятилетия восшествия императора на престол была открыта Арка Великого Стояния, на одном из холмов, в самой высокой точке столицы. Арка была облицована цветным мрамором и возносилась на десять метров вверх, название же для неё выбрали в память о старой полузабытой легенде. У подножия арки были выгравированы описания всевозможных заслуг Константина III, а наверху, над проходом стену украшал барельеф, созданный лично В.С. Цапелем – известным скульптором того времени, как следовало из заметки.

На барельефе была изображена прекрасная дева-воительница, побеждающая чудовище – мантикору со злобно открытой пастью. Лаванда удивлённо всмотрелась: да, контуры чуть-чуть другие, менее изящные, драматично заострён-

ные, но в них безошибочно узнавалась скульптура паркового фонтана. В заметке говорилось, что по замыслу фигура девы символизировала народ в целом, а мантикора – некоего абстрактного угнетателя, поработителя.

Удивилась же Лаванда вот чему: сколько она помнила по фотографиям и всевозможным описаниям Арку Великого Стояния, над её проходом всегда красовался вовсе не этот барельеф, а государственный герб. Более того, хотя сюжет на тему воительницы и мантикоры был довольно распространён, первые упоминания о нём ассоциировались с временами куда более поздними – с эпохой нововластья, когда императоров заменили первые выборные президенты. Запечатлённое в камне противоборство стало тогда символом победы над старым строем, но ни о каком скульпторе Цапеле при этом речь не заходила. Лаванда вообще не помнила, чтоб ей где-то прежде встречалась его фамилия. Может быть, этот Цапель не был уж так известен, как утверждала статья? Либо же здесь скрывалась какая-то тайна.

Оставив этот вопрос будущему, Лаванда продолжила изучать папку. На странице следующего номера, более позднего, но не так уж намного отстоящего от первого, говорилось о строительстве грандиозного моста через реку Тусконку, отделявшую западные области вместе с Ринордийском от центральных и восточных регионов. До этого момента сообщение через реку осуществлялось только посредством лодок и мелких паромов. Сделано это было, помимо прочего, во из-

бежание массового бегства нарушителей закона подальше от столицы. Открытие моста, как радостно заключала статья, ознаменовало момент, когда необходимость в этом отпала: ведь наступили новые, просвещённые и гуманные времена. Кроме того, это означало, что центр и восток станут ближе к Ринордийску и сменят упадок на процветание.

К этой статье фото не было, только чёрно-белая картинка с аккуратно выведенными тонкими контурами. Мост на ней казался таким лёгким, почти невесомым, а ведь наверняка он был рассчитан не только на одиночных пешеходов, но и на огромные грузовые фуры. Вокруг конструкции всё ещё суетились маленькие фигурки: что-то подправляли, подрихтовывали, подкрашивали, наводили последний лоск. Неве­ро­ятно, как они всё же смогли это построить.

А время шло, промелькнули годы и десятилетия. Большая стройка железных дорог и распространение самолётов, революция и конец императорства, новые эйфории нового мира, совпавшие с первыми годами нового столетия, расцвет науки и искусств, которые были наконец с лихвой поддержаны государством, спонтанно возникающие повсюду общества и движения... Внезапный раздор в рядах высших лиц – похоже, они не могли договориться об общих приоритетах и дальнейших действиях – фактически закончился исчезновением официального правительства, и какое-то время страна существовала вообще без всякой постоянной верхушки. Эйфорическим настроениям это не помешало, они даже уси-

лились, правда, приобрели какой-то почти разрушительный характер. Чтоб почувствовать это, не обязательно было даже вчитываться в новости: фото тех лет и заголовки передовиц говорили достаточно. («Депутаты отпраздновали День солнца костром на крыше парламента», – гласила крупная надпись на одном из листков).

Дальше вырезок становилось заметно больше, сложены они были более упорядоченно, причём встречались в них не только заметные события, но и эпизоды обычной жизни, да и просто разные интересные мелочи – вроде старой полустёртой фотографии танцовщицы на городской площади («Новая звезда Ринордийска», – пояснял заголовок).

Объявившийся вдруг новый правитель пришёл внезапно, будто бы из ниоткуда. Сначала его тоже называли президентом, но эту игру в приличия он поддерживал недолго и через год честно провозгласил себя просто Верховным Правителем. (Софи Нонине, вспомнила Лаванда, прождала дольше – целых пять лет). Тут начиналась эпоха, которую позже в учебниках окрестят «чёрным временем».

Впрочем, оно наступило не сразу, не вдруг. Несколько лет – долгих, насыщенных невозможными событиями лет – жизнь сражалась с обрушившимся на неё камнепадом, не хотела проигрывать. И, конечно, проиграла, но что это были за годы...

Время расцвета творческой интеллигенции, когда на каждом клочке под солнцем теснилось по несколько шедевров

сразу, время безрассудства и отчаянного веселья, как в последний день, время красивых жестов – бессмысленных, но эффектных, время открытых ещё протестов и всеобщих забастовок как будто на пустом месте, время настоящих подлостей и самоотверженных поступков, время общепринятой трусости, время неожиданного и подлинного героизма.

Лаванда всматривалась в эти лица, пробегая по ним пальцами: лица художников, лица рабочих, лица репортёров, которые рискнули что-то освещать в такое время, лица людей из правительственных кругов и лица маргиналов, подвешенных в воздухе эпохи...

Среди всевозможных газет и журналов попалась вдруг плохо отпечатанная листовка на тоненькой бумажке – скорее всего, делали самостоятельно, подручными средствами, и при взгляде на содержимое становилось понятно почему.

Текст – с опечатками, с кое-где не прорисованными буквами – сообщал о суде над неким поэтом, ещё совсем молодым человеком, который обвинялся в государственной измене и подрыве авторитета действующей власти. Вроде бы он написал какую-то эпиграмму на правителя, – ах да, Лаванда вспомнила эту историю. С любопытством всмотрелась она в бледную, но с чёткими контурами фотографию. Очевидно, снимок был сделан задолго до всех этих событий: мужчина в гражданском, по моде тех лет, выглядел вполне довольным жизнью и никак не походил на осуждённого. Не походил он, однако, и на пламенного борца с режимом, каким представ-

ляли его учебники по литературе. Это был скорее человек не от мира сего, мечтатель, сам плохо понимающий, кто он и где находится, и которому не так уж много дела до окружающих людей и их проблем. (Как это было понятно и знакомо...)

Когда Лаванда отложила листовку и перешла к следующей бумаге, это оказался куда более новый газетный номер, изданный примерно в середине прошлого века. Наверно, сюда он был вставлен не в хронологическом порядке, а по тематике: в статье разбирались теперь, спустя десятилетия, все обстоятельства того длинного и запутанного дела.

Очевидно, покровы, призванные хранить неприглядные стороны власти Правительства, были теперь сдёрнуты, и многое всплывало теперь на поверхность. Сотни желающих готовы были перерывать документы и свидетельства очевидцев, выживая новые и новые факты.

Зачитавшись и погрузившись в подробности этой истории, Лаванда не заметила, как сзади подошёл Феликс.

– Про что читаешь?

Она вздрогнула от неожиданности и обернулась.

– Про поэта, который написал эпиграмму... и про эту девушку...

– А, дело Лунева, – Феликс навис у неё над плечом и внимательно рассматривал номер, будто не видел его уже десятки раз. – Красивая была эпоха.

Он отошёл немного и задумался, улыбаясь чему-то.

– Стрёмная, но красивая. Вырезки по «чёрному време-

ни» я специально собирал. Выискивал их везде, где можно. Неплохая коллекция получилась, а?

– Да, неплохая, – согласилась Лаванда. – А почему именно «чёрное время»?

Феликс пожал плечами:

– Просто... нравится. Всё-таки это было время великих людей и великих дел.

– Думаешь?

– Да... Что ни говори, теперешние люди сильно измельчали. Да и вообще многое измельчало, – он как-то горько усмехнулся, но быстро переделал эту усмешку в горделивую улыбку. – Кстати, а ведь Лунев учился в том же университете, что и я в своё время.

– Правда?

– Да. Только тогда он назывался РФИ – Ринордийский филологический институт, – а сейчас называется ГУЖ и СМИ.

– А что это значит? – не поняла Лаванда.

– Государственный университет журналистики и средств массовой информации, – насмешливо почему-то расшифровал Феликс.

– А... – Лаванда мало что смогла уловить в этом нагромождении слов. Её больше занимало, о чём думает Феликс, когда, как недавно, смотрит с чуть заметной улыбкой в пространство, будто видит там что-то своё.

– Ты хотел бы жить в ту эпоху? – негромко спросила она.

– Ээ... почему? Нет, конечно, – вопрос, кажется, сбил его

с толку, но в следующую секунду Феликс уже вернул себе обычную уверенность. – Нет, это было бы глупо. Жилось там не очень-то легко, я думаю.

Он вроде бы собирался покинуть кабинет, но остановился в дверях. Лаванда пристально смотрела ему в спину. Настоящий ответ, поняла она, наверняка был «да».

Да – потому что жизнь невыносима, со всеми своими мелкими неприятностями и редкими моментами сомнительного удовольствия, со своей ненасытной рутинной, поглощающей всё. Да – потому что в душном пространстве так не хватает чего-то величественного и героичного. Да – потому что достаточно было пары строчек, чтоб ярко вспыхнуть и тут же сгореть и, если повезёт, даже оставить след в истории и в памяти, и не надо было бы больше раз за разом писать длинные однообразные статьи, которые никто не читает.

Ведь ты этого хотел бы на самом деле, правда, братишка?

Но скажи она сейчас всё это вслух, оно прозвучало бы насмешкой и, скорее всего, било бы по больному. Поэтому Лаванда промолчала.

Феликс обернулся, уже изображая обычный свой жизнерадостный вид:

– Через пару часов начнётся «Главная линия». Если закончишь к тому времени – приходи, сравнишь. Новости разных эпох довольно забавно смотрятся рядом.

– Я постараюсь, – кивнула Лаванда.

Феликс оставил её.

Откладывая листок за листком в скопившиеся вокруг стопки на полу, Лаванда постепенно продвигалась от давних и мрачных годов к современности.

Перед ней промелькнули лица самых истовых приспешников Правителя: Лаванда увидела и как их награждали в годы его власти, и как после его внезапной кончины они лишались этих наград, как имена их предавались анафеме, а большинство из них ждала совсем уж незавидная участь. Ну, кроме разве тех, кто успел почтить собственной смертью (как министр внутренних дел Шмульнов, что мирно преставился в своей постели), и тех, кто – как, например, Кирилл Эрлин – вовремя отчалил за границу.

Года постепенно стали медленными, тягучими – не потому даже, что вырезок снова поубавилось, нет, сама жизнь теперь текла так: мерно, несколько однообразно, прерываясь лишь внезапными причудливыми идеями очередного президента, да нарушающими приличия скандалами, да иногда локальными военными конфликтами в отдельных регионах, почему-то постоянно одних и тех же.

В целом же всё двигалось, как широкая равнинная река, и даже становилось уже слегка скучно просматривать всё это, хотя, несомненно, жилось в те года совсем неплохо.

Но тут в воздухе повеяло чем-то тревожным, недобрим. Будто в ночной тишине подозрительного вида автомобиль остановился у соседнего подъезда.

Появился Чексин.

13.

Эдуарда Чексина часто называли диктатором и узурпатором. В некотором смысле так и было.

Всегда очень эффектный и производящий впечатление, он, казалось, старался задушить и припечатать к земле всё, что хоть немного расходилось с его воззрениями, чтобы потом в одиночестве возвышаться над поверженными противниками. Возможно, это даже доставляло ему определённое удовольствие. Тем не менее поначалу Чексин многим нравился – именно за грубоватую силу, за откровенность в выражениях, за уверенный взгляд победителя по жизни. Даже внешний его вид очень подходил к этому образу: Чексин был высоким и подтянутым, похожим чем-то на крадущегося чёрного ягуара, профиль его был строгим и чётким, а глаза – светлыми, почти прозрачными. Давно страна не помнила такого правителя – настоящего, такого как надо.

Постепенно, однако, становилось понятно, что за громкими словами и смелыми обещаниями, как правило, ничего не следует – или следует совсем противоположное. Яркая мишура цветастых фраз, в которой бесполезно было искать смысл, застилала взор, и после уверений, что вот-вот жизнь наладится и станет лучше, казалось, что так и будет. Но лучше всё не становилось и не становилось. Это несколько поубавило симпатий к Чексину, да и от его манер ссо-шника были

в восторге далеко не все.

Но то ли президент не понимал этого, то ли ему не было дела, что там думают о нём все эти люди. На фото последних годов Чексина маска сильного и справедливого правителя словно пошатнулась: в нём проглядывало уже что-то откровенно агрессивное, хищное. Чексин будто бы точно решил, что ему необходимо, и точно знал, что прав в этом, а какой ценой дастся желаемое – уже неважно. Любое противодействие давилось в зародыше, будь оно гражданского или личного характера. Со своими врагами Чексин расправлялся безжалостно.

Последней ошибкой, которой ему, видимо, так и не простили, стала вспыхнувшая с новой силой война на южных и западных окраинах страны. Когда очередные осложнения в процедуре внутренних полётов и железнодорожных поездов, вопреки обещаниям, никому не улучшили жизнь, в нескольких областях поползли разговоры об отделении. Реакция Чексина была мгновенной. Только на этот раз что-то не сработало в безотказном механизме госпропаганды: прежние приёмы дали сбой. Не так-то легко оказалось убедить людей, что ввести войска в свои же земли и сражаться со своими согражданами, которые вдруг стали врагами, было и вправду необходимо. Многие остались несогласны и недовольны, и, хотя прямых призывов и демонстраций почти не было, что-то странное завитало в воздухе. Как-то подозрительно стало нарушаться сообщение с крайним востоком, да

и центральные области смотрели на столицу в глубокой задумчивости.

Разруха, нехватка самого необходимого и – главное – бесконечная и бессмысленная война подрывали спокойствие страны, но не Эдуарда Чексина. С последнего фото, где он предстал ещё в качестве президента, глядел умиротворённый человек, абсолютно уверенный, что всё сделал правильно. И в самом деле, разве кто-то усомнился бы в этом?

Возмездие пришло неожиданно и неотвратимо.

Возмездие пришло в виде подпольной группировки, около дюжины молодых и дерзких ребят, которые – в силу ли связей, личной харизмы или просто везения – сумели добыть себе оружие и народную поддержку. Долгое время в прессе не мелькали даже имена этих людей; они именовались только как одно целое и безлично: сначала бандой, потом преступной группировкой, затем – мятежниками, после – группой повстанцев и, наконец, отрядом Сопротивления. Примерно начиная с «повстанцев» они стали появляться на фото – сначала изредка, как бы по ошибке, потом всё больше и больше. Это было что-то дикое, ничем не сдерживаемое, опасное и в то же время притягательное. Каждый раз их было по два или три человека, не больше, всегда не позируя, как бы случайно попав в кадр. Но чаще остальных встречалась она.

Софи Нонине.

Нет, никто пока не называл её так, вообще ещё никак не называли и не выделяли из остальных. Но Лаванда безоши-

бочно узнала эту всегда ускользающую, почти неуловимую тень. Немного нелепая, похожая то ли на мальчишку, то ли на девчонку-сорванца, она мелькала то там, то здесь на перекрытых войсками и баррикадами улицах Ринордийска.

На одном из фото – Лаванда внимательно вгляделась в него – камера успела поймать Софи возле загоревшегося торгового центра, когда она на секунду обернулась, покидая это место. Порыв ветра откинул назад тёмные волосы, за которыми постоянно скрывалась Нонине, и лицо её в отсветах пламени мерещилось переменчивым и потусторонним – будто она была не живым человеком, а призраком, спустившимся на поле битвы.

Кто это – явление будущего или случайный фантом? Надежду несёт или погибель? Тогда ещё никто не мог знать.

Несколько месяцев и вдруг – радостная новость: Чексин побеждён! Отряд Сопротивления захватил его резиденцию, а сам президент, засидевшийся на своём месте, оказался в плену. Так сообщала передовица одного из основных государственных изданий, которое прежде упоминало Чексина не иначе как с учётом его абсолютной непогрешимости. А уж как пестрели вырезки из оппозиционных газет и журналов...

Как именно развивались события в ночь переворота: как сумели повстанцы пробраться в неприступное здание резиденции, как справились с охраной и добрались до самого Чексина, – этого никто точно не мог сказать. Сами участники событий, когда им задавали такой вопрос, только мило

улыбались (или не очень мило, уж как умели) и ограничивались общими фразами о взаимовыручке и вере в победу. Но в одном они все сходились: без Софи Нонине этой победы бы не было. Одолела Чексина именно она.

Это случилось на исходе октября...

Ноябрь прошёл в смятении и эйфорической суматохе. Пока заканчивали с оставшимися сторонниками «режима», пока обнаруживали и обезвреживали тех, кто под шумок хотел договориться с иностранными интервентами, пока... Да мало ли находилось дел в первые недели свободы, и мало ли проблем вставало теперь на каждом шагу. Нонине в эти дни почти не появлялась на публике, хотя о ней говорили повсеместно. Только один раз – на публичном, пусть и неофициальном суде над Чексиным: не произнося речей, она лишь дала отмашку, бросив «Пусть его судит народ». (Эта короткая фраза привела всех в восторженное умиление: Софи Нонине – с простыми людьми).

Народ осудил: толпа разорвала Чексина на части.

В начале декабря, в тёмные и холодные дни первой зимы, столица стояла необычно притихшая, малолюдная. Страна – теперь хорошо можно было различить это – зависла на самом краю.

Казна была выпотрошена, все связи – нарушены, будничное течение жизни – сбито и остановлено. На окраинах ещё полыхали пожары войны, а в Ринордийске обыкновенные пожары только начинали затухать. Равнодушная к людской

суете, сверху их присыпала пороша.

Нужен был кто-то главный, кто-то, кто будет решать и возглавит всё, кто спасёт от неминуемой гибели и скажет, что делать дальше.

Очень быстро речь зашла о Софи Нонине (спонтанно или с чьей-то подачи – было уже не суть важно). Теперь все хотели видеть во главе государства только её: ведь это она освободила их всех от Чексина.

Та минута, когда они вручили власть ей – своей новой правительнице, – была навсегда запечатлена в вырезке из старой газеты. Чёрно-белая фотография вобрала всё: Софи, стоящую на старой крепостной стене, толпу курток и шапок внизу, тёмное хмурое небо... Небольшое усилие – и можно было увидеть это как вживую, так, как оно наверняка и происходило в тот день... Или почти так. Вот она, Софи: большая чёрная фигура, немного на возвышении, но не слишком высоко. Глухое чёрное платье до земли, плечи укутаны – нет, ещё не плащом – только короткой пелериной из крысиных шкур. Лицо осунувшееся и обветренное, как и у всех, кто здесь: тяжёлые теперь времена. Она почти не движется, только ветер слегка треплет тёмные космы волос, на них белыми хлопьями падает снег. Взгляд её мрачен, но полон решимости.

– Кто-то должен взять на себя ответственность за то, что происходит, – говорит Софи твёрдо, шурясь на ветру. – Ответственность за всех здесь присутствующих, за всех жите-

лей страны. Кто-то должен повести теперь всех вперёд. Нам нужен правитель. И это вы, граждане страны, должны его выбрать.

Люди толпятся внизу и, задирая головы, смотрят на неё. На лицах – тревожное ожидание и надежда. Сначала они молчат, лишь невнятный шёпот ходит по толпе. Потом кто-то подаёт голос:

– Пусть Нонине будет правительницей!

– Да, пусть Нонине!

– Пусть Нонине правит нами!

– Нонине!

– Нонине!

– Нам не нужно никого другого!

Усталая улыбка появляется на лице Нонине, а в глазах, кажется, блеснули слёзы. А может, и нет.

– Спасибо, – произносит она тихо, но её всё равно слышат, и ликование разносится в ответ.

– Спасибо! – повторяет Софи громче, встряхивает головой, откидывает волосы и, выступив на шаг вперёд, начинает говорить – много, горячо и убеждённо.

– Сейчас мы должны обратить взоры в будущее, – говорит она. – Разруха, застой, беспредел правительственной элиты длились годами, и мы ничего не могли поделать с этим. Но теперь мы вместе положили конец безобразию, и пора вступить на новый путь, путь нашей новой жизни. Да, нам будет нелегко – всегда нелегко вставать из пепла и грязи. Но

мы справимся, как справлялись уже не раз с теми трудностями, что подкидывало нашей стране течение истории. Здесь и сейчас начинается дорога, по которой мы выйдем в светлое и радостное будущее, то будущее, которого мы действительно заслуживаем. Я поведу вас.

Они смотрят на неё, не отрывая взглядов, внимая каждому слову. Они верят Софи Нонине и готовы следовать за ней, готовы делать то, что она скажет.

Кем бы ни была Софи Нонине, она сдержала обещание и повела их. Наверно, она знала куда. А может, и нет.

Это было трудное время. Во второй год правления Нонине ко всем прочим неурядицам добавились капризы природы: после летних пожаров по всей лесной полосе выдалась беспокойная зима. Снежные бураны как бы в насмешку перекрыли только лишь восстановившие работу автомобильные пути и железные дороги, страна была на грани транспортного коллапса. Ещё больше пострадал прибрежный север: разбушевавшаяся стихия выгнала из берегов моря, многие селения были сильно порушены, иные просто перестали существовать.

Впрочем, едва ли Нонине могла что-то с этим сделать. Она в это время гасила войну на юге, та всё не собиралась утихать. В какой-то момент Софи даже сама покинула столицу и отправилась на поля сражений. Так по крайней мере говорили. Точно то, что в Ринордийске в этот момент её не

видели.

Несколько месяцев – и конфликт был задавлен. Некоторые замечали, что можно было обойтись и меньшей кровью, кто-то сетовал, что Нонине связалась с местными отбросами общества и привлекла их на свою сторону, что якобы и решило исход дела. Но, по правде, все вздохнули с облегчением: начинало ведь уже казаться, что бои никогда не закончатся. В глазах людей Нонине была теперь, помимо прочего, победительницей и миротворцем, а в статьях тут и там мелькало тихо, не для официальных заявлений, но уважительно, что она «натравила крыс на своих врагов».

Медленно, шажочками, но, кажется, начиналась нормальная жизнь – какой она и должна быть и какая успела подзабыться.

От новых номеров веяло успокоением – неужели смогли пережить? – и надеждой на лучшее. Не ползали больше сепаратистские настроения за Тусконским мостом, начинали работать давно заброшенные фабрики и предприятия, в Ринордийске, в Турхмановском парке, забили фонтаны, что были отключены уже много лет. Не всё делалось сразу – так и не могло быть, все прекрасно понимали. Но ощущение, что путь вперёд открыт, превалировало над всем остальным и превозмогало все временные невзгоды.

Больше всего ощущением этим наполняли речи самой Нонине. Раз за разом повторяла она одно и то же: мы теперь будем жить по-новому, мы будем жить совсем по-новому, мы

уже живём по-новому...

Вот тут постепенно стало закрадываться подозрение, что что-то идёт не так.

Слишком уж часто за восторженными и хвалебными речами терялись вести обо всём, что не вписывалось в светлую картину. Что так же продолжают убийства на окраинах Ринордийска, где лучше вообще не появляться после наступления темноты, что странная и нелепая дорога на сваях остановилась промеж городов и почти не движется с места (а ведь на неё были выделены огромные деньги), что нехватку и голод в глубинке – снова неурожайный год – не может перекрыть даже скудеющий поток импорта, и многое, многое другое...

Нет, они по-прежнему верили Нонине: она же сказала, что поведёт их. Она же предупреждала, что будет трудно, но только на время... Наверно, у неё есть свои – до мелочей продуманные и мудрые – планы, надо только подождать. А может, госпожа президент не всё знает? Наверно, злобные чиновники ей не докладывают...

Впрочем, свои планы она теперь озвучивала реже и реже: вообще почти перестала показываться на экранах телевизоров и фото официальных заседаний. Только имя её было повсюду, да аналитические статьи и новостные выпуски ссылались на Нонине как на непогрешимый авторитет. А светлое будущее... По сравнению с годами минувшими мы уже в нём – вы разве не заметили, граждане?

Среди вырезок такого вида Лаванда, кроме того, обнаружила подборку коротких заметок о закрытии того или иного новостного издательства – целую пачку, схваченную металлической скрепкой. Да, тут Феликс собирал придирчиво: видимо, для него это значило слишком много.

К концу четвёртого года – последнего года президентского срока – передовицы разразились неожиданной и удивительной новостью: Нонине распустила народный совет, который традиционно, хоть и во многом формально, существовал при правительстве последние полвека. В идеале он должен был заниматься просьбами и предложениями, поступавшими в приёмную от частных лиц, рядовых граждан. По факту участникам совета то и дело не хватало на это времени, но иногда что-то из присланных писем всё же озвучивалось и обсуждалось, а порой из этого что-нибудь и выходило.

Нонине, впрочем, объяснила, что совет по сути своей бесполезен: как положено он всё равно не работает, а содержать этот балласт довольно накладно. Можно, конечно, и перестроить, но легче просто распрощаться с ним. Тем более, неужели она, законно выбранная правительница, сама не понимает, что сейчас нужно стране и её народу? Конечно, понимает и разберётся во всём без всяких бутафорских советов.

Если, конечно, народ по-прежнему считает её законно выбранной правительницей.

В те дни Нонине всё-таки появилась на публике и – впер-

вые за долгое время – обратилась к зрителям и читателям. Стоя за кафедрой, перед микрофонами и камерами, она выглядела как будто несколько мрачно, словно тяжёлые мысли довели над ней. Пелерина на плечах обернулась длинным плащом, который буровой мантией спускался почти до пола.

Она готова и дальше нести ответственность за всё и вся, – сказала Нонине. Если они доверяют ей, она скажет, куда идти и что делать. Но тогда никто не должен мешать ей, – вот её условие. Итак, если они согласны, пусть подтвердят то, что уже сказали ей однажды.

И они переизбрали Софи Нонине.

То ли оттого, что тогда, за кафедрой, обращаясь к ним, Софи была так обворожительна, так по-свойски близка и так до боли знакома – почти как родной человек, как то, без чего не представляешь своей жизни. То ли потому, что особого выбора у них и не было. Не случилось других нормальных кандидатов на президентский пост.

Подтвердив свой статус, Нонине принялась за дело с новым энтузиазмом. Внезапно её охватила страсть к контролю над всем вокруг. Началось всё с Государственной Базы Данных (ГосБД). Этот проект создавался под личным присмотром президента и был призван облегчить жизнь населения в привычных и бытовых мелочах. Сведения для ГосБД – довольно стандартный набор – были обязаны предоставлять са-

ми граждане. Ходили, однако, разговоры, что в базу идут не только эти данные, но и многая другая, куда более подробная информация, которая уж кто знает как добывается людьми Нонине.

Потом были камеры наблюдения на вокзалах и в аэропортах, в городском транспорте, в парках, просто на улице... Целая сеть камер и прослушивающих устройств окутала Ринордийск, другие города пока обходились, но готовились последовать примеру. В правительстве начинались разговоры об официальном прослушивании телефонных линий, а также о контроле почты и интернета.

В оппозиционных кругах зашептались первыми: Нонине, похоже, хочет внедрить тотальную слежку. Тут вспомнили, конечно, и «чёрное время», и множество книжных антиутопий – заграничных и отечественных... Софи услышала и Софи отреагировала: довольно резко она заявила, что любые средства оправдывают себя, когда под угрозой безопасность страны, а она под угрозой, это известно достоверно.

Люди поддержали Нонине – действительно, что может быть важнее безопасности, – а недовольные оппозиционеры оказались в меньшинстве: никто не слушал их. Им оставалось лишь возмущаться и делиться подозрениями друг с другом.

Впрочем, и это долго не продлилось.

Мы не можем позволить себе такой широты мнений, как это обычно принято в демократических государствах, – ска-

зала Нонине. Сейчас слишком опасное время для этого. Именно тогда впервые прозвучало выражение «внутренние враги», потом вошедшее в широкое употребление.

Внутренние враги – самые опасные, ибо их так просто не заметишь. Это они подрывают государство изнутри: это провокаторы, настраивающие народ против законной власти, искажающие действительное положение вещей и втаптывающие в грязь все лучшие начинания.

Слушайте меня, только меня, и всё будет хорошо, – сказала Нонине, не совсем в таких выражениях, но поняли её верно. Зачем вам что-то ещё? За мной – последняя истина, я – последняя инстанция. Просто доверьтесь мне, и всё будет хорошо.

Теперь всем печатным издательствам критиковать действия властей было официально запрещено, не говоря уже о теле- и радиоканалах. Дальнейшая подборка вырезок превратилась в сухую хронику происшествий, иногда перемежающуюся сообщением о приезде какой-нибудь важной персоны или «народном» празднестве, фото с которых подозрительно отдавали постановкой. Встретилось, правда, ещё несколько статей с хвалебными речами в адрес Нонине, но на этом всё. Наверно, догадалась Лаванда, подобных статей было куда больше, но Феликсу претило хранить их у себя. Эти же он, скорее всего, оставил в качестве «знакового для эпохи».

Впрочем, всеобщее возмущение прокатилось в открытую

ещё один раз. Произошло это, когда Нонине назвала регулярные выборы слишком сложными и не отвечающими сложившейся ситуации и объявила себя бессрочным верховным правителем – Её Величеством Софи Нонине.

Всколыхнулись не только официальные и не очень СМИ, но и отдельные известные люди; будто бы из ниоткуда возникли протестные течения и кружки, многие просто шумели в одиночку. Кто-то на просторах интернета остроумно поздравил Нонине с новым титулом «Крысиной королевы». Шутка оказалась удачной и тут же пошла в массы. Дошло до небывалого: по Ринордийску прокатилась череда митингов, что в последний раз случалось ещё в позапрошлом веке, незадолго до конца императорства. Разные источники называли разные цифры (Лаванде одинаково трудно было представить их все), но, если судить по фотографиям, людей в те дни на улицы вышло *очень* много.

Конечно, за этим последовала череда арестов и судов. Особенно досталось журналистам, но, впрочем, далеко не только им.

Видимо, специально под это дело была введена статья против подрыва авторитета действующей власти – совсем как в «чёрное время». Формулировка её была весьма расплывчата, как это часто бывало при Нонине и при её предшественнике Чексине. Но, по сути, она позволяла считать любой частный разговор, в котором проскользнуло упоминание Нонине в негативном ключе, уголовно наказуемым деянием.

Всё это случилось так быстро и так неожиданно, что многие не поверили и не приняли всерьёз. Казалось даже, что многие специально ходят по грани и провоцируют: последует возмездие сверху или обойдётся, когда речь идёт о такой чепухе. И зря – статья и впрямь применялась и, наверно, даже чаще и охотнее, чем все остальные.

Либо Нонине действительно разозлилась, что пошла на такие меры...

Либо действительно испугалась.

Но чего? Ведь вся народная поддержка была её.

Вся страна была её.

Что произошло? Что щёлкнуло в голове у правительницы и когда это случилось? На эти вопросы Лаванда так и не могла ответить, сколько бы не разглядывала вырезки и листовки, сколько бы не читала интервью и статьи, сколько бы не всматривалась в застывшие лица на фотографиях. Не понимала.

А ведь, возможно, это и было важнее всего...

Имелась и ещё одна странность: на протяжении всех этих лет то и дело всплывали известия о непонятной гибели людей, так или иначе перешедших Нонине дорогу. Политические противники, иностранные партнёры, с которыми не вышло договориться, искатели компромата и разоблачители тёмных тайн... Причём погибали они как будто совершенно случайно: попадали в катастрофы, становились жертвами несчастного случая или просто кончали с собой. Едва ли

здесь можно было говорить о вмешательстве Нонине. Единственное – все эти смерти случались очень вовремя для её планов, но на этом всё. Похоже, она сама была тут совершенно не при чём.

И, что самое странное, – бывшие соратники Софи. Против трёх человек было громкое дело по обвинению в госизмене. Но большая часть никогда и ни за что не преследовалась, их даже отмечали наградами... А потом то с одним, то с другим вдруг случалась какая-нибудь летальная неприятность. Иногда, впрочем, они просто исчезали с фотографий, а имена их вдруг переставали упоминаться в статьях. К восьмому году правления Нонине рядом с ней не осталось почти никого из тех, с кем она начинала.

14.

Лаванда досматривала мельком последние листы, когда из второй комнаты донеслась знакомая уже музыка из заставки «Главной линии».

Самые поздние новости были ей, в принципе, уже известны, а потому не вызывали интереса. Последние вырезки: затопление северного побережья в западной части страны, уровень воды в Юмоборске продолжает повышаться, на помощь высланы все вертолёты спасательной базы, проводится эвакуация, база для пострадавших разбита в центре соседней области (Иржице), – обо всём этом она и так знала куда больше, чем хотелось бы. И даже больше, чем было в архиве: здесь не упоминались ни недельное молчание, в то время как вода всё прибывала, ни возникшая путаница с документами и продовольственными карточками, ни многое другое.

Лаванда закрыла последнюю папку и, оставив ту лежать у тайника вместе с другими, перебралась к Феликсу.

Тот уже смотрел «линию», сидя при этом на самом краешке дивана, будто готов был в любую секунду сорваться и бежать куда-то. Лаванда тихо опустилась в соседнее кресло.

– Я прочитала.

Феликс сейчас же повернулся к ней:

– Да? И что ты думаешь?

– Думаю, это очень хороший архив... – сразу проговорила

Лаванда, подбирая между тем слова для других, менее очевидных мыслей по этому поводу.

Феликс продолжал внимательно смотреть ей в глаза: было понятно, что он ждёт чего-то и о самом предмете их разговоров, а не только формальной похвалы. (Хотя похвала, безусловно, была ему приятна: он удовлетворённо прижмурился, как зверь у тёплого камина).

Лаванда машинально скользнула взглядом по экрану: там всё та же Китти Башева что-то говорила, долго и беспрерывно.

– Мне кажется, – наконец заметила Лаванда осторожно, она не знала, какой будет реакция, – мне кажется, у Софи есть какие-то цели... Какие-то большие, грандиозные цели. И она действительно пытается вести всех туда – туда, где, по её мнению, находится какое-то всеобщее благо, земля обетованная.

– Неужели, – насмешливо протянул Феликс. – Наверно, это обетованная земля для неё и её ближайшего окружения? Тогда может быть. А всякий люд там нужен исключительно в качестве услуги.

– Нет, не то, – Лаванда помотала головой. – Нонине не похожа на человека, который преследует собственную выгоду... Только собственную выгоду, по крайней мере. Там есть что-то ещё. Нечто большее, что движет ею.

– Может, ты даже знаешь, что?

– Не знаю, – печально призналась Лаванда. – Может

быть... Величие страны...

Феликс громко и нарочито рассмеялся.

– Нонине – и мысли о стране? Да. Смешно.

– Мне кажется, она любит страну, – с усилием проговорила Лаванда, пока Феликс не переставал смеяться. – Да, страну она по-своему любит – как-то очень по-своему. Другое дело, что она совершенно не любит людей... Я бы даже сказала, терпеть их не может. И, возможно, боится.

Феликс кивнул:

– Отличные качества для правителя.

– Как правитель она тот ещё подарок, конечно, – согласилась Лаванда. – Но как человека её можно попробовать понять. Мне кажется, она просто запуталась где-то... Ей видится, что она делает всё правильно, она искренне думает, что действует во благо. А на самом деле...

Она замолчала, присматриваясь к образам, которые возникали в голове. При мысли о Софи почему-то представлялось что-то не из человеческого мира: что-то дикое, стихийное, что-то суровое и величественное, что-то опасное и несущее гибель, но в то же время прекрасное в своём одиночестве.

– Да-да, конечно. Нонине просто ничего не знает. Ей не докладывают. А на самом деле она белая и пушистая.

– Этого я не говорила, – возразила она. – Нонине далеко не ангел. Но у неё есть какая-то своя правда, не такая, как у нас, но для неё эта правда – единственная. Если бы можно

было поговорить с ней...

– И что? – Феликс смотрел вопросительно и немного мрачно. – Поговорить и всё объяснить – это ты имеешь в виду? И что дальше? Нонине скажет «Я запуталась, я раскаиваюсь», да?

Лаванда вздохнула:

– Ну не так, конечно. Но мне кажется, с ней всё же можно было бы договориться. Хотя бы попробовать.

– Попробуй, – Феликс пожал плечами. – Наверно, можно прийти вот так в резиденцию, сказать, что у тебя есть разговор, и попросить провести к правительнице...

– Что, правда? – заинтересовалась Лаванда.

Феликс испуганно устался на неё:

– Господи, нет, конечно. И не вздумай мне тут... лишних телодвижений... Это сейчас опасно, – он покачал головой.

Она задумчиво кивнула:

– Я уже поняла...

15.

И ночь пришла к ней.

Глубокая беззвёздная ночь – тёмная без фонарей, что остались за толстыми и надёжными стенами резиденции.

Софи не спала. Она слушала, как тихо, на тысячу тонов рокочет Ринордийск.

Этот рокот никогда не оставлял её в покое. Казалось, надо продолжать что-то делать, нельзя просто лечь и заснуть.

Можно ещё раз перечитать отчёты за день... Впрочем, выудить из них что-то новое она уже вряд ли была сейчас способна – до следующего раза.

Однако уложить всё в голове, прояснить и составить единую картину будет нелишне.

Она не включала свет в кабинете – она почти никогда не включала свет по ночам, – только зажгла свечу на столе. Незачем тем, кто смотрит снаружи, знать, что она не спит. Кто бы ни смотрел.

Там, за стеной, шумело, будто город переговаривался на разные лады. Странные шорохи, далёкий, чуть слышный вой, шум прокатывающихся по асфальту колёс... Изредка слышалось тихое многоголосье: то вдруг резкий окрик, то сдержанное шипение, то невнятный гул, требующий чего-то.

Софи знала: это голоса Ринордийска, всегда нового и с рождения старинного, плывущего по волнам времени и все-

гда остающегося на том же месте.

Ринордийск тоже не спал. Огромным чёрным зверем поднимал он порой голову, взмахивал длинным хвостом, подёргивал чуткими ушами. Жёлтые глаза вспыхивали мутными огоньками, а зубы готовы были клацнуть, если не вовремя протянуть руку.

С ним не спали все те, кто жил здесь когда-то. Это их голоса просачивались сквозь щели в окнах, сквозь каменную кладку стен. Победители и побеждённые, подлецы и герои, получившие по заслугам и невинные жертвы... Ринордийск не забывал никого.

Они шелестели всё настойчивее и настойчивее, они пели тут каждую ночь. Как же ей надоело это пение...

Впрочем, нет, это всего лишь крысы, – в очередной раз решила Софи. Их ведь так много в городе.

Да, крысы... Софи подобрала откинутый на стул плащик, завернулась в него поплотнее: ночью тут становилось холодно. Вот они, все здесь – её трофей, её добыча; теперь они были обезврежены и абсолютно безопасны.

Софи не любила крыс, но поверженные они её не пугали. Ведь теперь она полностью властвовала над ними.

Она снова вернулась к отчётам: пробежала их мельком глазами, разложила на столе, как причудливый пасьянс, передвигая туда и обратно отдельные листы, объединяла, разъединяла, ловила взглядом все значимые моменты и снова сводила всё воедино.

Здесь нельзя отворачиваться ни на минуту: или всё, что было твоим, выскользнет из твоих рук и будет утрачено навсегда, а те, кто были с тобой, сотрут тебя в порошок. Голоса за стеной знали. И они шептались и об этом тоже.

В Ринордийске не всё спокойно, что бы там ни пелось в глупой старой песенке. Софи хорошо это помнила.

16.

Феликсу, по его же собственному признанию, крайне повезло с работой: не надо таскаться на другой край города каждое утро, да и вообще куда бы то ни было таскаться. Статьи он писал, когда было удобнее, а потому таким прекрасным днём, как этот, ничто не мешало погулять.

Солнце светило с неба, и небо было глубоким, бездонным и ничем не ограждённым. Неосторожное движение – и мир ухнет туда.

Здесь, внизу, только высохший после потоков снега асфальт набух трещинами: каждая обострилась, вычернилась, но прохожие всё равно их не замечали, всё так же спотыкались и так же куда-то торопливо бежали.

Справа Феликс рассказывал что-то. Кажется, начал он с истории той высокой башни, ярко белеющей в отдалении, и с того, что и когда в ней располагалось, но очень быстро перескочил на что-то ещё, и ещё, и ещё, и Лаванда давно потеряла нить повествования. Было сложно слушать и потому, что слева то и дело проносился гул очередного автомобиля. Она уже свыклась с мыслью, что они едут по своей дороге и можно не оборачиваться каждый раз, разглядывая, стоит ли отскакивать в сторону. Но звук этот всё равно напрягал и отвлекал на себя внимание. Да ещё и солнце... Люди... Весь этот шум и блеск.

Они двое не шли куда-то определённо, просто гуляли по центру Ринордийска. Хотя Феликс всё равно то и дело переходил на быстрый размашистый шаг, потом вспоминал, видимо, что идёт не один, притормаживал, но скоро разгонялся вновь.

Лаванда же, наоборот, слегка уже отставала. Ей было трудно вот так шагать и шагать. Солнце, отражающееся в стёклах и на металлических изгибах, люди, то выныривающие из-за спины, то движущиеся навстречу, – и те, и другие шли сплошным потоком, лица их были полны решимости добраться туда, куда они идут, пусть и сметая других, и гудели машины, и запах бензина и выхлопов наполнял дыхание, делал его тяжёлым...

Она запнулась, вскинула было взгляд на горизонт, чтоб не потеряться в гвалте и месиве, но горизонта, похоже, не существовало в этом мире. Почувствовав, что слабеет, Лаванда в последней попытке глубоко вдохнула, но асфальт всё равно поехал и начал приближаться.

Упасть она, правда, не успела: Феликс подхватил её.

– Лав? Что случилось?

– Воздуха... – пробормотала она. – Просто глоточек воздуха.

– Так, пойдём-ка.

Аккуратно обхватив Лаванду за плечи, Феликс увёл её куда-то, в сторону с оживлённой дороги. Куда – она поняла, только когда он усадил её на скамейку под большими ветви-

стыми деревьями. Похоже, это был парк.

Сгорбившись и зябко сведя плечи (дурнота всё ещё накачивала, хоть и волнами помельче), Лаванда исподлобья оглядывала кусты и тропинки вокруг. Вполне возможно, тот самый Турхмановский парк, где они гуляли в первый день.

Феликс опустился рядом на краешек скамейки. Он выглядел обеспокоенным:

– Так что всё-таки случилось, Лав?

– Нет... Нет, ничего. Всё нормально.

– Принести тебе воды?

– Нет. Не надо, – она перевела дыхание. – Просто... Большой город... Я ещё не привыкла.

Феликс смотрел так, будто только что вспомнил что-то, о чём напрочь забыл прежде, и сам себе удивлялся, как это так – забыл.

– Хочешь домой? – тихо спросил он.

– Домой? – Лаванда удивлённо подняла брови. – Куда это – домой? С тех пор как...

Она осеклась, но только помолчала немного и закончила, спокойно покачав головой:

– У меня больше нет дома.

Феликс смутился и, видимо, желая отвести взгляд, что-то высматривал по сторонам. Похоже, он не знал, что сказать дальше.

– Я привыкну, – твёрдо сказала вместо него Лаванда. – Ещё немного времени, и я привыкну.

– Правда?

Лаванда кивнула.

– Вот и молодец, – Феликс поспешно обрадовался, словно с него сняли тяжёлый выюк, слегка потрепал её по волосам и вскочил со скамейки. – Я всё-таки принесу тебе чего-нибудь.

Он тут же исчез из вида.

Оставшись одна, Лаванда поглубже запахла свою курточку. Слабость и дурнота уже прошли, остался только лёгкий озноб.

Внимательнее теперь она осмотрелась вокруг. Да, точно, это был Турхмановский парк: вон фонтаны, по-прежнему отключённые, а за ними виднеется знакомое здание бывшего дворца. Лаванда улыбнулась ему.

Некоторые места в Ринордийске ей искренне нравились – это, скажем, – и было жаль, что город не принимает её пока, смотрит хмуро и недружелюбно, что она не может его понять, влиться во всеобщий поток жизни. Вот как Феликс, например... В этом городе он был, похоже, как рыба в воде. Трудно было и представить его вне всей этой суеты, вечного бега, шума улиц и вечерних огней.

Лаванда выпрямилась и уставилась вдаль – туда, где чернела ограда парка, но ограды она сейчас не видела. Ей вдруг чётко вспомнилось, что она почуяла ровно перед тем, как начала терять сознание.

Над городом крылатой тенью нависла опасность. Это звучало в отражённом солнце и чёрных трещинах асфальта,

тонкими эхами звенело в проходящих людях. Это нёс с собой невидимый ветер – холодный вестник далёкого ещё шквала, сметающего всё на своём пути. Люди не слышали его шёпота, не разбирали слов и даже не понимали, отчего тревожно на душе, почему зловещим веет тёплый и ясный день: они отворачивались, хмурия лоб, и спешили скрыться в сплетении улиц.

Кто же это? Всё-таки Софи? Или что-то другое, неизведанное?

Так же неожиданно, как исчез, Феликс вновь бухнулся на край скамейки.

– Вот, держи.

Он вложил ей в руки мандариновую воду и маленькую ореховую шоколадку. Лаванда улыбнулась:

– Спасибо.

По правде, ей не нужно было ни того, ни другого, но это было так трогательно с его стороны, что она не могла не улыбнуться.

– Послушай, Феликс...

– Да?

– Помнишь, мы говорили... – она вспомнила вдруг об осторожности и бдительно осмотрелась по всем сторонам. – Здесь не опасно разговаривать? – добавила она шёпотом.

Феликс тоже обернулся, окинул взглядом малолюдный парк.

– Без имён – можно.

– Когда мы говорили... тогда, у фонтана... Ты упомянул «чёрное время»... и сказал, что это что-то похожее.

– Ну да, – подтвердил Феликс. – Такое же время всеобщего страха. Ты и сама сказала, что что-то такое почувствовала.

– Но ведь... Сейчас совсем другое – сейчас же нет ни расстрелов, ни переполненных тюрем, ни даже каторжных работ. Тогда почему? Я тоже чувствую какую-то угрозу, опасность, как будто всё хорошее может закончиться в любой момент. Но почему? Отчего это так?

Феликс кивнул в знак понимания и, кажется, подбирает слова получше.

– Помнишь, я говорил тебе, что люди, которые стали неудобны, в итоге куда-то пропадают? – заговорил он.

– Да, я читала обо всех этих случаях в твоём архиве... Но многие из них погибали так, что почти невозможно было бы подстроить. Какое отношение к этому всему имеет она.

– А вот это самое интересное, – Феликс хитровато улыбнулся и снова мельком глянул по сторонам. – Если хочешь, я тебе расскажу. Только учти, тут замешана мистика.

– Ничего, – кивнула Лаванда. – Я привыкла к мистике.

– Тогда слушай...

17.

В очень далёкие времена – настолько далёкие, что они почти стёрлись из памяти людей и висели только призрачной серебристой дымкой, – в те века, когда Ринордийск был ещё мал и неказист и, свернувшись кольцом, недоверчиво посматривал на дикие леса вокруг, несколько человек бежало оттуда, из оплота всей возможной тогда безопасности, на восток, где разлеглись бескрайние и никем не заселённые территории. Кто-то говорил, что они бежали из рабства, кто-то – что от гнева некоего большого начальника, за что-то их невзлюбившего... Так или иначе, преодолев все трудности, беглецы добрались до горного края, где только острые скалы вздымались к небу и ветер свистел в лабиринте ущелий. Людей это вполне устраивало: здесь никто не стал бы искать их, а они бы уж как-нибудь обустроились. Жизнь в том диком и суровом мире вырастила их неприхотливыми.

Но не тут-то было. Горы только казались необитаемыми: здесь издревле кипела своя, тайная, совсем иная жизнь. Местные обитатели чутко охраняли свой край и были совсем не в восторге от появившихся чужаков.

Кем они были: духами этих гор, последними древними волшебниками или отделившимся на заре человечества одиноким племенем, что не утратило связи с колдовством, – этого уже никто не сможет сказать. Ясно одно: эти создания не

желали просто так мириться с потревоженным покоем и собирались отстаивать свой дом.

Люди нашего мира и жители мира иного почти ничем не похожи, а потому война велась не оружием, привычным человеку. Поначалу переселенцам и вовсе показалось, что их соседи ушли куда-то, и это, конечно, вызвало немало веселья.

Однако, им лишь показалось. Обитатели гор затаились ненадолго, а затем нанесли внезапный и страшный удар. В ход пошло колдовство – древнее как мир, а потому особенно действенное. Это была та самая слепая сила, что толкает убивать, уничтожать всех без разбора, бесцельно, бессмысленно; что сметает всё на своём пути.

Колдовство посеяло раздор между людьми. И они не преодолели этой силы, поддались ей.

Они начали войну друг против друга – они, кого сплотили общая беда, долгий путь, все пережитые и будущие трудности. Они будто забыли об этом и в злобе и ярости бросались в смертельные схватки, один на другого.

Но, наверно, всё же добрая звезда улыбалась этим людям. Пятеро из них – самых мудрых и сильных духом, кто успел понять, что происходит и чем закончится постигшая их напасть, – общими усилиями сумели всё же подчинить колдовство себе: очертить его рамками, уgomонить, сделать понятным и управляемым, почти ручным. Тогда они направили на горных жителей их же оружие и так смогли победить в этой

войне.

Оставалось решить, что делать с приручённым колдовством. Вот оно, перед ними, и кажется – такое послушное, такое безопасное... Отпустить, пусть бредёт куда хочет? А если оно одичает и вернётся вновь? Уничтожить? Едва ли это под силу простым смертным. Заключить в какой-нибудь предмет, амулет, чтобы можно было всегда носить его с собой? Да, пожалуй, именно то, что нужно.

Но ведь амулет, в котором поселится это колдовство, будет столь же силён и столь же смертоносен. Какую огромную власть он даст владельцу! И если человек решит воспользоваться данной ему властью в своих интересах и всё подчинить себе, противопоставить ему будет нечего.

Тогда решено было разделить уничтожающую силу между пятью амулетами – по числу тех пяти человек, что смогли перехитрить горный народец и одержать победу. Каждый амулет был как бы слепком своего владельца и отражал главные порывы его души – то, что вело его по жизни. Серый графит – ясное понимание и трезвый расчёт, зелёная глина – живучесть и умение приспособиться ко всему, красный кирпич – несгибаемость и железная воля, чёрный уголь – жажда справедливого возмездия и белый мел – связь с лунным миром, призрачным миром грёз.

Что было дальше со скитальцами, легенда умалчивает. Из этого можно заключить, что всё сложилось более менее хорошо.

Колдовские амулеты затем то и дело мелькали на страницах истории. Поговаривали даже, что в разные моменты они попадали в руки то одному, то другому государственному деятелю и, конечно, помогали им развернуть события в свою пользу. Впрочем, к нашему времени большинство амулетов утрачено и след их потерян...

– Интересная легенда, – сказала Лаванда, когда поняла, что Феликс закончил рассказывать. – Даже красивая.

Он кивнул:

– Да, это было бы только красивой сказкой, если бы не одно «но».

– Какое? – поинтересовалась Лаванда.

– Как минимум один из амулетов – чёрный уголь, жажда возмездия – действительно существует. И он дошёл до наших дней.

– Правда? – даже ей, всю жизнь стоявшей на грани мира реального и мира призрачных видений, сложно было поверить.

– Правда. Я не знаю, как... Никто, в общем-то, не знает, как это возможно. Но колдовской уголь есть, это по факту так. И хранится он у Нонине.

18.

Софи перекидывала ворох бумаг по столу. По крайней мере, так это выглядело со стороны – слишком быстро, слишком хаотично и уж наверняка бесцельно. Но Кедров знал, что нет, не так: позже всегда оказывалось, что Софи не только всё запомнила, но и успела сделать выводы и принять некие решения. Решения эти, правда, зачастую удивляли своей странностью и будто бы нелогичностью. На самом же деле, как не раз приходилось убеждаться, это была просто другая логика, неподвластная обычным людям. В предыдущие годы многие действия Софи, казалось, неразумные и не имеющие смысла, били в самую цель.

Иное дело, что и цель у Софи зачастую была другая, не как у обычных людей.

– Что думаешь, Эндрю? – лишь только мельком скользнув по бумаге, она, не глядя, сунула ему.

На сером отпечатанном листке тускло проступало:

«Ущерб на 29.03

государственных объектов: 0

жилых домов: 1

прочих построек: 5

человеческих жертв: 9

финансовые потери инфраструктуры...»

– Думаю, – медленно, параллельно обдумывая дальней-

шее, проговорил Кедров, – это в пределах, но вокруг человеческих жертв возможна шумиха.

– Кто виноват, что они погибли? – ровно спросила Софи, просматривая уже какие-то другие документы.

Кедров несколько секунд вглядывался в немой профиль, пытаясь угадать правильный ответ. Затем уверенно заключил:

– Вертолётчики, конечно. Должны были действовать по-расторопнее.

– А ещё?

Он подумал:

– Местные чиновники.

– Разумеется, – кивнула Софи. – Как думаешь, стоило бы отставить губернатора области?

– Да, конечно. Он должен немедленно подать в отставку.

– Немедленно не надо, – отрезала Софи. – Попозже. Когда с наводнением будет закончено и у них пройдёт первый шок.

– Они наверняка потребуют виновника, как только очухаются, – согласился Кедров. – Тогда губернатор будет очень кстати.

Софи подняла на него взгляд, слегка усмехнулась:

– Надо же, идеально следуешь за моими мыслями. Прямо не знаю, зачем мне такая точная дублирующая система.

– Я не так быстро соображаю, как вы, Ваше Величество, – спешно попытался исправить положение Кедров. – Приходится повторяться.

Она снова усмехнулась, как будто снисходительно, и отвернулась от него к бумагам.

Привычка к стёбу и насмешкам осталась у Софи со времён их дворовой юности, когда у неё – младшей в компании, да ещё и девчонки, пусть даже пацанки, – не было никаких других способов хоть как-то повысить свой статус. Это потом уже у Волчонка появился револьвер и всё сопутствующее...

Впрочем, когда Софи стебалась, это давало повод относительно расслабиться: скорее всего, вам сейчас ничего не будет. Если вдруг она прекращала, это могло означать только одно: она что-то задумала.

Софи переложила ещё несколько документов, зависла над какой-то совсем мелкой запиской. На просвет Кедров заметил только написанные от руки латинские буквы. Софи раздражённо сдвинула брови, будто что-то в тексте ей не понравилось. Затем на лицо её напоззла хитроватая улыбка.

– Китти? – с чуть заметной ехидцей в голосе. – Ты хорошо училась в школе?

Китти Башева, сидевшая в своём углу так тихо, что можно было забыть о её существовании, тут же откликнулась, оторвавшись от компьютера, будто ждала этого вопроса:

– Да, Ваше Величество.

Софи облокотилась на стол, подалась вперёд:

– А вот мне почему-то кажется, что английский ты должна была подзабыть, – она как бы невзначай взглянула на за-

писку в руке и протянула её вперёд. – На-ка, прочитай. Хочу проверить, поймёшь ли ты, что тут написано.

Китти плавно приблизилась к столу и приняла записку из пальцев Софи. (Эта подчёркнутая изящность и плавность в каждом движении всегда отличали её. Было в них, пожалуй, даже что-то неприятное).

Быстро пробежав взглядом по записке, Китти заговорила с дежурной улыбкой ведущей новостей:

– Здесь написано, что они не рассматривают нас как экономического партнёра по причинам...

– Это, допустим, я и сама вижу, – оборвала Софи. – Скажи лучше, почему эта записка лежит у меня на столе, когда должна быть в экономическом отделе и, копией, в отделе иностранных связей.

– Копии уже находятся там, – не моргнув, ответила Китти. – Но зная, что Ваше Величество предпочитает лично контролировать все важные дела, и полагая, что комментарий нашего основного партнёра достаточно важен, я посчитала нужным оставить оригинал у вас.

(То ли она действительно не понимала, что Софи ведёт с ней свою любимую игру в вопрос-ответ, то ли у этой девушки железные нервы).

Лицо Софи приняло задумчивый вид.

– Что ж... – протянула она. – Это, пожалуй, верно. Лучше всё проследить самостоятельно.

Она забрала у Китти записку, ещё раз взглянула на текст

и недовольно скривила рот.

– Но меня раздражает эта латиница. Сбивает с мысли каждый раз, приходится переключаться. Китти, будь добра, перепиши по-нормальному. Надеюсь, – губы её вновь сложились в усмешку, – до конца перевести сможешь, без того чтоб я тебе диктовала?

– Конечно, – учтиво ответила Китти и, приняв записку, вернулась на своё место. Скорее всего, она уже догадалась – не могла не догадаться, – что Софи не знает английского, равно как и любого другого иностранного языка. Но на лице Китти это никак не отразилось.

(По правде говоря, Софи вообще не закончила школы: в те трудные времена были дела поважнее. Документы же появились много позже задним числом – на всякий случай).

– Просто напиши с обратной стороны, ещё бумагу на них тратить, – кинула Софи вслед секретарше, затем добавила с той же ехидцей. – Только, Китти, разборчиво. Чтоб можно было хотя бы понять, что это.

– Да, Ваше Величество.

(Если уж честно, Кедров всегда недолюбливал эту Мисс Безупречность, но вот к чему-чему, а к почерку Китти было сложно придаться).

– Всё приходится проверять самой, – вздохнула Софи. – Мои подчинённые ничего не понимают, а министры вообще никуда не годятся. Хотя... – она подпёрла кулаком подбородок и задумчиво уставилась вдаль, – может быть, и я на са-

мом деле ничего не понимаю... Да, Эндрю?

– Вы отлично всё понимаете, Ваше Величество.

19.

– А это точно правда – про уголь? – недоверчиво произнесла Лаванда, когда они поднимались уже по лестнице в квартиру. – Постоянно же ходят разные слухи, ты сам говорил.

– Точно, – Феликс кивнул с видом человека, у которого есть совершенно неоспоримые доказательства, но который не видит смысла их приводить.

– Но откуда это известно?

– Это... ну, это сведения такого сорта, что особо и не скрываются. Давай дойдём сначала.

Оба замолчали и не произносили ни слова до того, как закрылась входная дверь квартиры и ключ дважды со звоном перевернулся в замке.

Феликс, пройдя в комнату и удовлетворённо подбрасывая всю связку на ладони, продолжил:

– Есть же разные виды «тайн». Что-то действительно скрывается, что-то не очень... Кое-что, наоборот, муслируется, чтобы массы знали, – например про то, что Нонине лично участвовала в боях на юге (я, впрочем, в этом сильно сомневаюсь). А вот, скажем, тот факт, что у неё поддельный диплом, – это как-то не очень удобно и как-то не вяжется с образом мудрой матери народа. Поэтому эта инфа действительно тайная. Хотя и её, как ты видишь, можно раскопать.

– Ну а уголь? – нетерпеливо напомнила Лаванда. То, что, в глазах Феликса, Софи есть собрание всех пороков, она и так знала.

– Уголь... Ну а зачем им скрывать про уголь? Это ведь даже играет на руку. Все знают, что в случае чего Софи стоит только написать углём имя человека и сжечь потом бумажку с этим именем – и всё, человека нет. Даже если она ничего подобного делать не будет, всё равно, страх – великое орудие власти.

– Написать и сжечь... – задумчиво повторила Лаванда. – Это так говорят, да? Похоже больше на детскую страшилку.

– Про «написать и сжечь» – это из той же легенды. Все амулеты действуют ровно таким же образом, – Феликс недовольно поджал губы. – А про то, что уголь у Нонине... Тебе не хватает всех этих исчезновений и таинственных несчастных случаев?

– Не особо, – покачав головой, призналась Лаванда.

– Ну хорошо, а то, что раньше уголь принадлежал Чексину? И вот это уже точно: это заявляли такие люди, которые не стали бы разбрасываться словами. (Разумеется, делали они это много позже и когда уже были на безопасном расстоянии). Думаю, амулет вполне мог перейти к Софи как трофей.

– Ну, допустим, – Лаванда опустила на диван напротив его кресла и пожалала плечами. – Но почему в таком случае она так редко им пользуется? За столько-то лет могла бы уже устранить всех недовольных и править теми, кто останется,

так, как захочется.

– А смысл? – Феликс развёл руками. – Смысл править голыми камнями и сожжённой землёй? Они даже не смогут подтвердить, что ты ими правишь. А те, кто останутся... На всё согласная и вечно всем довольная кучка? Это неинтересно. Ей нужны живые люди. Человеков можно ломать, прогибать под себя, подчинять их...

Лаванда попыталась подавить смешок, но у неё не получилось:

– По твоим словам она выходит какой-то маньячкой и бесцельной садисткой.

– А почему бы и нет?

«А почему бы и да», – подумала Лаванда, но говорить этого уже не стала: с Феликсом было бесполезно спорить. Любопытно, однако, как в голове у кузена возникла такая странная конструкция побуждающих причин. Либо вычитал где-нибудь, либо, где-то в самых тёмных закоулках души, она была не вполне чужда и ему самому.

– И даже если Нонине удастся сместить с поста, уголь всё равно останется при ней, правильно я поняла? – спросила она вместо этого, чтоб как-то примириться и загладить несогласия.

– Именно что, – кивнул Феликс. – Даже если случится невероятное и мы её свергнем, она быстро вернёт себе власть обратно. И, конечно же, всё припомнит тем, кто был причастен.

Он ненадолго замолчал, затем усмехнулся:

– Только этого не случится. Никто не станет её свергать.

– А как же вы? – удивилась Лаванда. – Ты же говорил...

– Нас мало. Если бы люди поднялись и вышли на улицы...

Но сейчас не та эпоха, – он покачал головой. – Они не поднимутся.

– Думаешь?

– Определённо, нет. Так что нам остаётся только болтовня. Надо же напоминать друг другу, что мы против, – Феликс невесело улыбнулся.

20.

Лаванда шла по старому коридору с довольно низким потолком и неровными обшарпанными стенами. Она специально пришла сюда, хотя и не думала, что это место будет таким мрачным.

Но ведь в любой момент можно остановиться и выйти отсюда, – напомнила она себе. Вернуться обратно – в обычный человеческий мир, где буднично гудит холодильник на кухне, а у окон тихо колышутся светлые шторы. Но перед этим ей надо было выяснить – ей надо было поговорить.

Лаванда не знала, насколько происходящее в сферах соответствует событиям реальным, но что-то подсказывало ей, что все эти картинки и образы не просто так – что в сферах, как в кривых стёклах, преломляется и отражается земная человеческая жизнь, только по-своему, в непривычном виде. А стало быть, разговор с человеком, с которым никак не поговоришь иначе, не будет громыханием бессмысленных звуков.

Медленно продвигалась она по коридорам. Те загибались, уходили в стороны, за угол, переходили один в другой, но почти не отличались друг от друга. Тёмные, заброшенные – похоже, это были чьи-то подвалы, хранящие горы ненужной уже утвари. У стен стояли бочки, какие-то коробки и ящики, валялось разное тряпье. Всё это копилось тут в беспорядке и

уже покрылось пылью. Похоже, здесь давно не было людей.

Впрочем, нет. Лаванда быстро обернулась: ей показалось, что чей-то взгляд уставился ей прямо в спину. Но коридор позади неё был пуст.

Решив не выяснять пока, было ли что-то в действительности или почудилось, Лаванда двинулась дальше.

Коридор вновь загнулся, сузился и вывел на незастеклённую лоджию. Под ней угадывалось обширное и куда более просторное помещение с упиравшимися в потолок толстыми балками, с какой-то старой мебелью, которая, хоть и была в пыли, стояла с видимой упорядоченностью. Вниз вела винтовая лестница.

Пожалуй, туда. Лаванда осторожно шагнула на мелкие покатые ступени. Они были довольно высоки, и кое-где их края поотбивались. Время не щадило их, а они, в свою очередь, не пощадили бы того, кто был бы здесь недостаточно осторожен. Лаванда крепко вцепилась в перила, но им тоже не стоило доверять слишком сильно: очень уж хлипко и расшатано держалась вся лестница.

Она почти спустилась, когда – вот, снова – кто-то прошуршал там, наверху и застыл, остановился у ступенек. Был неподходящий момент оглядываться – был вообще неподходящий момент, чтоб таинственный соглядатай проявлялся сейчас. Чьё-то присутствие за спиной действовало на нервы и увеличивало шансы споткнуться и скатиться вниз. Приятного в этом наверняка было бы мало; Лаванда изо всех сил

сжала перила пальцами. Ещё несколько шагов – и она стояла на деревянном, усеянном стружками и высохшими травами полу.

Здесь уже витал дух жилого помещения – пусть и жил в нём кто-то, кого крайне сложно было назвать человеком в привычном смысле этого слова. Тёмная деревянная мебель, столы, секретеры... Неожиданно в глаза бросилась завешенная тканью довольно высокая вещь – внизу, из-под складок материи виднелись деревянная рама и блестящий кусок стекла... Зеркало, догадалась Лаванда. Большое зеркало в человеческий рост. За спиной вновь зашуршало, кто-то быстро приблизился к Лаванде, но она не стала уже оглядываться: только открыть зеркало – и всё, что позади, будет тоже видно. Лаванда шагнула вперёд, намереваясь сорвать ткань.

– Стой, – приказал голос за спиной.

Лаванда дёрнулась обернуться.

– Не поворачивайся, – сказал голос.

Лаванда застыла.

Шаги приблизились, остановились прямо за её плечом. В чужом дыхании задрожала прядь волос у уха.

Лаванда чуть повела головой в попытке скосить взгляд и хоть немного разглядеть неизвестного.

– Я же сказала, не поворачивайся! – взвизгнул голос – будто боялся чего-то и пытался это скрыть.

– Нонине, – поняла Лаванда. – Софи Нонине.

Итак, Правительница страны, та самая Крысиная королева и Её Величество, этот человек стоял за спиной у Лаванды. Пусть здесь, в мире грёз, но они наконец встретились.

– Как тебя зовут? – быстро и резко спросила Софи.

– Лаванда.

– Зачем ты здесь?

Она ответила медленно, выбирая то, что наиболее соответствовало правде:

– Потому что... эти люди... звали меня.

Узкая кисть Нонине с длинными пальцами и заострёнными ногтями мягко легла ей на плечо.

– Они звали тебя, – вкрадчиво переспросила Софи, – или меня?

Лаванда покосилась на её руку, подумала, снова подняла взгляд на занавешенное зеркало:

– Они звали меня.

Софи быстро отступила на шаг и, судя по голосу, даже обернулась спиной.

– Это неправда, – яростно прошептала она. – Им никто не нужен, кроме меня. Они сами меня выбрали.

– Это было давно, – заметила Лаванда спокойно. – Ты успела дискредитировать себя, как только можно.

– Интересно, – в голосе послышалась насмешка. – И чем же я себя дискредитировала?

– Нарушением прав... Бездействием, когда всем было трудно... – Лаванда и сама слышала, как малоубедительно и

топорно звучат сейчас её слова. – Смертями. Сколько людей ты убила, Софи?

– Это была необходимая мера, – равнодушно ответила та. – Иначе система бы не выжила.

– Система для тебя дороже человеческой жизни?

– Человеческой жизни... – с иронией протянула Софи. – Что такое эта человеческая жизнь? Священная корова гуманистов. Да и у них – только лишь на словах. Жизнь каждого индивида бесценна? Да, бесценна – ибо не стоит ничего, когда речь идёт о масштабах государственных или даже общемировых. История помнит только великое и долговечное, оно одно и имеет значение. Что значат в историческом контексте несколько человеческих жизней? Да они всё равно прекратились бы через пару десятков лет, никто не вспомнит о них. Ими жертвуют постоянно, даже не таясь, в любую эпоху и в любом обществе. Зачем же обвинять лично меня? Я только следую тенденции.

– Но ведь можно не следовать ей.

– Но ведь все ей следуют. Абсолютно все. Жизнь одного – такой пустяк... Если только она не твоя, конечно.

– Не равняй всех под одну гребёнку, – угрюмо произнесла Лаванда. – Если для тебя чужая жизнь – пустой звук, не значит, что и для всех остальных это так.

Софи помолчала немного.

– Скажи мне, Лаванда, – она снова подступила ближе и заговорила ей на ухо почти дружелюбно, – скажи-ка мне. Пом-

нишь, когда вода всё прибывала и прибывала и вы столпились и ждали вертолёт, а вертолёта всё не было, вода стояла уже выше колен и сбивала с ног... Тут появился вертолёт, и тебе он издалека показался ещё таким маленьким, ты испугалась, что вы не поместитесь туда все... Помнишь, что ты подумала в тот момент?

Лаванда замерла, дыхание её застыло.

– Отвечай мне, Лаванда, – проворковала Софи. – Отвечай мне, милая девочка.

– Ты была там? – быстро и судорожно проговорила она.

Софи рассмеялась и отступила от неё, будто услышала всё, что хотела:

– Нет. Просто мы в этом очень похожи. *Все* люди в этом очень похожи.

– Так, мне надоел этот разговор, – Лаванда шагнула вперёд. – Сейчас я открою зеркало.

– Ещё одну секунду, – остановила её Софи. – Только секунду, потом можешь срывать.

И бросилась прочь. Лаванда услышала и обернулась за ней, но успела увидеть только, как что-то тёмное шмыгнуло за угол.

– Софи! – она вспомнила про зеркало, обернулась, сорвала ткань. Гладкая блестящая поверхность отразила лишь её собственное взбудораженное лицо.

– Софи Нонине, – вздохнула Лаванда с досадой. – Опять я её упустила.

21.

Кое-что беспокоило Софи куда больше, чем какие-то заявления иностранных партнёров, паводок на севере или даже недостроенная ГГД. Одна мелочь, казалось бы, не имеющая никакого значения в глазах обычного человека, однако Софи знала: вполне возможно, она возникла не просто так.

Один телефонный разговор, который Софи чудом успела поймать при дежурной полуночной прослушке линий. Несколько ничего не значащих фраз... Или значащих слишком много.

«Давай завтра, всё у меня».

«Завтра на улице?»

«Да, будет много».

Вот и всё: на этом они закончили и положили трубки.

Что это? О чём это было?

«Будет много»...

Кого это – много? И для чего много?

И почему они выражались такими короткими рублеными фразами, из которых ничего невозможно понять постороннему? Может, как раз для того, чтоб посторонний не понял? Конспирации ради.

«На улице»...

Но Софи не покидало чувство, что она всё поняла верно.

Дальше она действовала спокойно и чётко.

Прежде всего она прослушала записи всех разговоров обоих номеров за сегодняшний и вчерашний день. Разговоров было много, но во всей этой гуще реплик и фраз не прозвучало больше ни единого слова, намекающего на возможное. Эти двое говорили о каких-то бессмысленных рабочих проектах, о каких-то тупых развлечениях, выясняли мелкие и никчёмные отношения, говорили о чём угодно, но не о том, что искала Софи.

Не найдя ничего, Софи приказала Китти Башевой пробить по базе владельцев номеров. Через минуту Китти отчиталась: Вальтасаров Дмитрий и Цухновский Серж. Первому тридцать восемь лет, проживает в Ринордийске. Женат, детей нет, мелкий управленец в сантехнической фирме, имеется автомобиль. Не привлекался, не замечен. Второму тридцать два года, проживает в области, Каменное. Холост, рабочий-застройщик, последние полгода занят на том же объекте, что и компания, где работает Вальтасаров. Не привлекался, не замечен.

Как будто всё очень миленько и невинно, но это ничего не значит, понимала Софи. Хотя в базу и заносится любая вновь поступившая информация, она всё равно далеко не полна.

Надо будет завтра поручить это дело Кедрову. Пусть внимательно проверит этих двоих, почти наверняка что-нибудь найдётся – Софи чувствовала.

Или время не терпит? Ведь «на улице» уже завтра. Лучше бы прямо сейчас позвонить Эндрю и вызвать сюда: форс-

мажор, чёрт возьми.

Впрочем, выкурив ещё сигарету и подумав, Софи решила, что форс-мажор преувеличен. Если на завтра действительно что-то готовится, это можно легко предотвратить: утроить охрану по всему городу, а по главным улицам и площадям пустить парад. Парад и народное празднество – давно проверенное и всегда действенное средство. А уж чуть раньше или чуть позже понесут наказание виновные – не суть важно.

Только вот повод для празднований... Надо что-нибудь историческое, идейно-объединяющее. Софи покопалась в памяти, прикидывая, какое событие можно прицепить к восьмому апреля. Ну, это просто (что-что, а историю, равно как и географию, Софи знала отлично). Вот хотя бы сто тридцатилетие со дня возведения Тусконского моста. Разве день единения с центром и востоком не достоин того, чтобы напомнить о нём и кинуть ещё горстку благодарности на могилы далёких предшественников?

Такие размышления несколько успокоили Софи, но другие дела больше не лезли ей в голову. Мысли постоянно возвращались к телефонному разговору. Нет, нельзя это сейчас оставлять просто так: в деле безопасности лучше перебдеть, чем недобдеть.

И она вновь склонилась над приёмником, щелчками тумблеров переключаясь с одной линии на другую. Она спешила, она пыталась услышать их все сразу, чтоб не пропустить ничего важного, чтоб враги государства, её враги, не суме-

ли ускользнуть от её внимания и неожиданно нанести удар исподтишка. Это так просто – самонадеянно замешкаться и очнуться, когда уже слишком поздно. Чексин так уже сделал. Она – не будет.

Стемнело, Софи зажгла свечу. Переключать линии и слушать голоса она могла и в почти полной темноте.

Множество, множество разговоров. Они, казалось, готовы были болтать всю ночь, но Софи всё равно держала их под контролем. Нет, никуда они от неё не денутся. Нет, никуда...

Голоса говорили, и говорили, и говорили, шумели в ушах, шелестели прибоем, шелестели, шелест...

На рассвете Китти подошла к дверям кабинета Софи. Они были открыты.

Софи спала за столом, уронив голову на сложенные руки, как это часто с ней бывало. Старый приёмник – новым моделям Нонине не доверяла – что-то ещё тихо отщёлкивал. Свеча оплыла и почти догорела.

Китти внимательно оглядела свечу, не переступая порога. Решив, что та не сможет создать пожара, а значит, не надо вмешиваться, Китти ушла.

Софи приоткрыла один глаз. Конечно, она слышала, как подходила Китти. Та всегда двигалась почти бесшумно, но у Софи был идеальный слух.

Но Китти молодец – не стала переступать порог, чувству-

ет границу между своими обязанностями и тем, что непозволительно. За пять лет она ещё ни разу не ошиблась. И правильно, – с усмешкой подумала Софи, – незачем рисковать личиком, когда оно такое хорошенькое.

Китти была её почтовым ящиком, блокнотом и громкоговорителем, точно так же как Кедров был механическим продолжением её рук и универсальным биноклем. Китти выступала от её имени по телевидению и сопровождала на официальных приёмах, всегда стоя ближе всех к Софи. Кедров держался в стороне от масс-медиа, он появлялся, чтоб выполнить данное ему поручение и исчезнуть вновь. Китти была её тенью, Кедров – невидимкой.

И, пожалуй, кроме этих двоих, ей не на кого было положиться.

Хотя и с ними нужно всегда быть начеку.

22.

Судя по всему, Софи что-то сильно озаботило, – это Кедрову было ясно.

И да, она тут же подтвердила догадку, изложив суть проблемы.

Дымя сигаретой, Софи волком в клетке бродила по кабинету и недовольно хмурилась.

– Я не знаю, о чём они там говорили, – раздражённо кидала она. – Но это твоя задача – выяснить. Все результаты – мне на стол, что бы там ни было.

Он подтвердил, что, конечно, всё сделает.

– Когда? – Софи смотрела ему в глаза цепко и пристально. Кедров прикинул всё необходимое в уме.

– К завтрашнему утру, – уверенно сказал он.

– Почему только к завтрашнему? – чуть заметная перемена тона.

– Чтобы проверить всё лучшим образом, Софи. Впрочем, если ты считаешь, что дело срочное...

– А ты так не считаешь? – мгновенно среагировала она.

Кедров поднял на неё взгляд, пытаясь понять, чего она хочет: услышать ответ или чтоб с ней согласились.

– Если честно, я не вижу большой угрозы в этом разговоре, – всё же признался он.

– Плохо. А должен видеть, – Софи села за стол, всем ви-

дом выражая неодобрение. – Стареешь, Эндрю. Стареешь...
– К сожалению – в отличие от Вашего Величества, – Кедров с прискорбием опустил глаза.

(На самом деле он был только пятью годами её старше).

Видимо, той части, на которую Нонине всё же была женщиной, это понравилось. Софи несколько смягчилась:

– Хорошо, к завтрашнему утру. Но не позже.

Вскоре она отослала его.

И зачем он полез к Правительнице с какими-то своими соображениями... Знал же, что Софи Нонине всегда разбирается в ситуации лучше и раньше их всех. Если она где-то увидела угрозу, то наверняка же не просто так. Нужно будет проверить всё досконально.

Тогда, в разгар южной войны, она тоже соображала быстрее всех.

...Бои шли уже в самом центре местной столицы. В тот день горстка ринордийских солдат и местные отряды Народного войска, сформированного во многом стараниями Нонине, перешли было в атаку, но были остановлены ожесточённым обстрелом. Стреляли из окон монументальной высотки, где укрылись боевики.

Речь шла о том, чтоб прорываться и брать здание штурмом. В полевом штабе, помимо Софи, были Кедров и некоторые другие из их старой компании – Быстрицын, Эппельгауз, Савровский...

Максим Быстрицын, поминутно сверявший сообщения по громкой связи с приходящими телеграммами, вдруг обернулся с возгласом:

– Софи! У нас проблемы, в доме гражданские.

Нонине, до этого колдовавшая с картой и флажками на другом конце комнаты, пронеслась по штабу маленьким чертёнком в крысиных шкурах и, миг оказавшись рядом с Савровским, выхватила у того бинокль.

– Много их там? – крикнула она, обозревая улицу.

– Точно подсчитать не удаётся, – голос Быстрицына с трудом пересиливал шум идущей техники. – Но судя по всему, не меньше полусотни!

Софи оторвалась от бинокля:

– Пусть открывают огонь.

– Но... У гражданских почти не будет шансов.

– Это неважно! – бросила Софи. – Нам нужно взять эту точку. – Пашка, – обратилась она к Савровскому. – Организуй основных. Эндрю! Отведи резерв, перекройте пути к отступлению. Никто не должен прорваться.

Когда они ринулись исполнять её приказание, Софи приблизилась к Быстрицыну, испуганно вскинувшему на неё глаза, и снисходительно, почти по-отечески положила руку ему на плечо. С улыбкой сказала:

– Командуй наступление, Макс.

В тот день здание было взято штурмом, а боевики – уни-

чтожены. Вскоре после этого в ходе войны наступил перелом, и она быстро была закончена.

Количество жертв среди мирного населения никто не подсчитывал.

23.

Феликс фактически выставил её, так настойчиво предлагая пойти проветриться где-нибудь, что невозможно было не понять: её присутствие чем-то ему мешает. Сам он идти отказался, сославшись на то, что надо закончить статью.

Лаванда не стала выяснять истинных причин, если они вдруг были, и шла теперь не спеша вдоль широкой улицы Кобалевых, что длинной линией пересекала город по центру, минуя Турхмановский парк и Главную площадь. Это её проходили они с Феликсом в первый день, возвращаясь поздним вечером домой. Лаванде тогда показалось ещё, что эта улица – как лабиринт времён, где все века сплелись в причудливую вязь. Она ещё решила тогда, что это, может быть, от темноты.

Но нет, темнота не при чём. Сейчас, днём, солнце заливало улицу Кобалевых: от него блистали фасады и окна домов и казалось, это сделано специально, в честь чего-то. Издалека неслась музыка: звуки труб широко и величественно возносились в небо, им вторили флейты и скрипки, тянулись следом изо всех своих силёнок, и барабаны отбивали гулкую настороженную дробь. Музыка шла откуда-то из-за домов и спереди – оттуда, где бесконечная лента, теряясь за изгибами холмов, скрывалась из вида.

Этот блеск, и этот гвалт, и эта вздымающаяся дорога под ногами опрокинули было её на старые истёртые булыжни-

ки, но Лаванда сумела преодолеть всё и удержаться на ногах. Если не падать – безраздельно, бездумно – в нахлынувшее со всех сторон сияние, а спокойно пропустить его через себя, позволить блистать и греметь, но не поддаваться самой, можно идти вперёд, и смотреть, и слушать. Будто Ринордийск вдруг обернулся и лукаво подмигнул ей: «Дай руку, пойдём». Дома расступились, открывая убегающую вдаль улицу – холм за холмом, изгиб за изгибом.

И она шагнула туда. Люди шли ей навстречу, люди окружали её, но казалось, это не люди, а тени, призраки времён. Они двигались вереницей, яркие, словно на карнавальном шествии, из-за ярких одежд, но лиц не разглядеть. Они двигались, проходя сквозь века, меняя наряды и звуки названий, но были всё те же. Они играли одно большое представление, бесчисленные сцены трагикомедий сменяли друг друга и повторяли то же самое – противостояние, что никогда не могло закончиться. Мелочность против любви, воля против слепой силы, трусость против самопожертвования, память против смерти. Они сражались и бились друг с другом, но никто никогда не одержал бы победы в схватке, и вечно продолжалась война.

Лаванда уже перестала различать отдельные фигуры: для неё они слились в шумящий цветной поток. Улица несла её сквозь волны, направляла линиями домов и камнями мостовой и вытолкнула вдруг к широкой площади. Лаванда остановилась в удивлении.

На площади шёл парад. Взметались в воздух флаги, и трубы блестели жёлтыми дисками: так вот откуда музыка. Маршировали люди в форме, и всё усыпали гирлянды красных цветов.

Это было как последний аккорд, как пункт назначения, в который она пришла неожиданно-негаданно, вовсе не думая и не стремясь попасть сюда. Это было как движущаяся картинка, все изменения которой замкнуты в круг, как центр притяжения, к которому всё равно вернёшься, сколько ни убегай.

Как вечный город под чёрным солнцем...

Не желая вступать в эти пределы, не желая иметь никакого отношения, Лаванда развернулась и быстрым шагом пошла, почти побежала прочь.

24.

Он выставил Лаванду по довольно дурацкой причине. И нет, она не имела ничего общего с тем, что, как ему показалось, проскользнуло в глазах кухни. Да и не могла иметь.

Феликс через силу оторвался от череды своих же слов, которые становились слишком громоздкими, слишком картонными и кричащими и уже начинали утрачивать всякий смысл. (Сколько боролся с этим – и всё равно каждый раз возвращается всё туда же, стоит только чуть устать или просто быть не в духе). Краем сознания он уловил, что минут двадцать назад хлопнула входная дверь и кто-то прошёл во вторую комнату. И ничего не последовало – значит, Лав вернулась.

Он невольным движением задвинул блюдце за кипу журналов и потянул носом воздух.

Курево. Просто нужно было покурить. Прямо-таки необходимо. Желательно, в неконтролируемых количествах.

Эту привычку он подхватил ещё в университете: тогда, во время самых первых, скорее любительских статей Феликс курил постоянно, пока, обдумывая нужные слова, ходил по комнате. Дефицит научил обходиться и без сигарет, но, когда работа упиралась и не шла дальше, только этот старый приём и помогал.

Дымом в кабинете уже не пахло. Да если бы и пахло – что

такого. Лаванда, в конце концов, не родители, от которых имело смысл тщательно прятать следы преступления. («Нет, мам, не курю. Что? Да это просто в курилке собирались, болтали... Ну, все там собираются, что такого»). Но всё равно что-то смущало в том, что Лав будет в курсе, да и вообще во всей этой привычке, казалось бы, такой по-человечески невинной. Это как... ну, как признаться, что иногда посматриваешь порно: все так делают, конечно, но есть в этом что-то гадкое, низенькое.... Недостойное – на фоне великих порывов.

Феликс бросил взгляд на часы. Судя по совсем уже позднему времени, Лаванда пришла не двадцать минут назад, как ему показалось, а скорее час. В сомнении он глянул на свои записи: попробовать закончить или всё же подойти теперь и хоть перекинуться парой слов (как-то это нехорошо получилось, днём).

Но заканчивать тут, пожалуй, было нечего, – Феликс вздохнул. Ему хотелось, чтоб его слова проносились огненным вихрем, обжигали и звали за собой, а они только теснились бестолково кучей неуклюжих закорючек. То ли он растерял квалификацию в подпольной среде, где любой антиправительственный выпад находит аудиторию независимо от качества, то ли... Впрочем, нет, причём здесь Нонине, – оборвал себя Феликс.

Он встал из-за стола и прошёл в затемнённую гостиную (Лав, по-видимому, не включала свет).

Феликс даже не сразу понял, где она: Лаванда стояла у окна, облокотившись о подоконник, и что-то высматривала снаружи, наверху.

Он подошёл к ней, встал рядом. Лаванда не обернулась. Лицо её было залито лунным светом, а глаза – странно задумчивы, будто она находилась не вполне здесь. Непонятным человеком была кухня, двойственным. От неё квартира наполнялась таким необходимым теплом – чувством, что рядом присутствуют живые люди. А когда, как сейчас, она вот так замирала и смотрела куда-то, то казалась существом нездешним, потусторонним... Будто бы и не вполне человеком.

Феликс проследил за её взглядом, но вроде как ничего там не было.

– На что смотришь? – тихо спросил он.

– Там есть звезда, – с неожиданной готовностью ответила Лаванда. – Её у меня всегда получалось найти на небе по вечерам, где бы я ни была.

– Это какая? – Феликс нагнулся, чтоб тоже хорошо разглядеть темноту наверху.

– Вон та. Она самая яркая.

– Аа, – Феликс улыбнулся. – Только это не звезда. Это Венера. Впрочем, – пробормотал он вполголоса, – именно её когда-то и называли Звездой главным образом.

– Правда? – удивилась Лаванда.

– Угу. Знаешь, – внезапно его потянуло на откровен-

ность, – один человек говорил мне, что для него эта звезда – как маяк, ориентир... Этаким путеводный талисман. Что, когда трудно и непонятно, что делать, когда забываешь, кто ты и зачем здесь, – можно посмотреть на неё и становится легче.

– Да? – на лице Лаванды вспыхнуло живое любопытство. – А кто этот человек?

Феликс уже успел пожалеть о своей болтливости, но вовремя вспомнил, что вовсе необязательно рассказывать всё.

– Одна... моя знакомая.

25.

Скрипы и шорохи с улицы, шум пробегавших машин, редкие голоса в ночи отдалялись, постепенно гасли и уходили. И остался только один звук – шелест ветра.

Он, наоборот, прибавил в силе, возрос до вершин вековых сосен, обратился в протяжный и печальный вой, что никогда не смолкает.

Лаванда приоткрыла глаза. Сколько раз она уже бывала здесь – одна в бескрайнем просторе, под одиноким указателем на выщербленной деревянной палке. Неважно, серела ли вокруг призрачная, ненастоящая тундра или, как сейчас, всё было засыпано нетронутой белизной, раз за разом она оказывалась здесь, у этой таблички. Можно даже не поднимать голову, чтоб прочесть надпись. Она и так знала, что там написано: «Ниргенд, 2 км».

«Тебе ведь до сих пор снится это место, да, Лаванда?»

Да, иногда ей снилось. И тогда она просто стояла, не двигаясь никуда.

Два километра – это пустык, их можно было бы легко пройти. Другое дело, что, даже пройдя, ты никуда не выйдешь. Там теперь ничего нет – только пустота.

Это место было уничтожено. Навсегда.

Так она стояла – среди белизны, среди сгущающегося сумрака. Только он здесь настоящий. Остальное – не более чем

иллюзия.

Какой-то... Нет, не звук – Лаванда скорее почувствовала, чем услышала, что кто-то приблизился. Она резко обернулась. Но полумрак за границей мира был уже слишком густым, чтоб что-то разглядеть.

– Кто там? – крикнула она в темноту.

Ответа не последовало.

– Я знаю, что тут кто-то есть!

Из тени в пятно света вышел человек.

– Это я.

Лаванда в удивлении уставилась на него – на неё вернее.

– *Китти?*

По правде говоря, меньше всего она ожидала сейчас увидеть Китти Башеву. Выглядела Китти в точности так, как в телевизоре, ведя «Главную линию». Разве что вместо офисного платья на ней была форма, только не такая, как теперь, а какая-то чёрная, вроде той, что носили при «демократическом тоталитаризме» охранники и конвоиры (Лаванда видела на фотографиях). Ну и нет этой её дежурной улыбки.

Всё ещё ничего не понимая, Лаванда мотнула головой и развела в воздухе руками:

– А что вы... что ты тут делаешь?

– Я искала вас, моя дорогая, – странно спокойным тоном ответила Китти.

– Зачем? – Лаванда насторожилась.

Китти вроде как слегка задумалась:

– Мне... надо сказать вам кое-что.

– Тогда говори, – одновременно с этой репликой Лаванда вся подобралась, чтобы успеть среагировать в случае чего. От этого человека она не ждала ничего хорошего.

Китти, впрочем, двинулась даже не к ней, а к табличке на шесте. Она прошла по рыхлой белизне так легко и буднично – будто по коридору своей телестудии. И как только она добралась сюда, городское неприспособленное создание.

Остановившись под указателем, Китти словно забыла о существовании Лаванды и лишь как-то рассеянно всматривалась вдаль: одна рука в кармане, вторая крепко прижата к поясу.

Наконец она обернулась к Лаванде и, вдруг перейдя на ты, обратилась к ней:

– Как думаешь, там есть человеческое жильё? Какой-нибудь домик?

На мгновение показалось, что голос её слегка дрогнул: в нём как будто проскользнули какие-то человеческие нотки. Впрочем, она каждый вечер отыгрывала телевизионное представление; думается, ей не составило бы труда сыграть и это.

Прикинув, что едва ли в сложившихся условиях это существо сейчас сильнее неё, Лаванда осмелела и холодно ответила:

– Думаю, там только снег.

– Что ж, тогда можно и здесь, – Китти повернулась к ней,

слегка прислонившись к шесту указателя. Руку она по-прежнему прижимала к поясу.

– Во-первых, – размеренно и чётко заговорила Китти, – иди туда, где тебе хочется быть. Пока это ещё можно устроить. Во-вторых...

Она закашлялась и невольно вскинула ко рту прижатую к туловищу руку. Лаванда вздрогнула. На чёрной форме было не видно, а вот ладонь у Китти была в крови.

– Китти... – пробормотала она, – что с тобой?

Та быстро прижала руку обратно:

– Обычный выстрел, ничего особенного.

– *Ничего особенного?* – Лаванда вдруг поняла, зачем Китти опирается об указатель и почему она так странно бледна.

Китти заговорила очень быстро:

– Слушай меня сейчас, потому что потом я могу этого уже не сказать. Когда ты будешь...

Внезапный порыв ветра, принёсший белые крошки, заглушил слова.

– Что?

– Когда... – второй порыв, – помни... ты!

Начинался буран. Он забрасывал всё белым – сыпучей белой крупой, которая не таяла на ладонях и пеленой скрывала всё из виду. Ветер то и дело уносил слова, да и голоса Китти, похоже, уже не хватало.

– Я тебя не слышу! – крикнула Лаванда.

– Помни, кто ты! – донеслось из-за пелены.

– Я и так помню, кто я, – пробормотала она растеряно и заведомо слишком тихо, чтоб кто-то расслышал.

– Помни, кто ты! Помни, кто...

Голос затонул в наступавшей буре и больше уже не был слышен.

Лаванда осмотрелась было по сторонам, но всё вокруг застила белая крупа. Крупная, зернистая, как рассыпанный пенопласт, – она загородила собой весь мир.

– Где всё? – Лаванда топталась на месте, оборачиваясь то туда, то сюда. – В какую мне теперь сторону? Куда надо идти? Я бы дошла, но я же не помню, куда мне надо...

Ни одно направление не имело теперь смысла. Исчезли стороны света, исчезли право и лево, вперёд и назад.

– Феликс?

– Софи?

Совсем безнадежно:

– Китти?

Никто не ответил ей. Лаванда задрала голову и посмотрела вверх, чтоб найти хотя бы ту самую «путеводную» звезду, но небо тоже скрылось за белым.

Она медленно открыла глаза. Конечно, это всё не по-настоящему – только беспокойные ненужные картинки. Лаванда помнила всё время.

Это просто ветер за окном навевает дурные сны. Не стоит обращать внимания на них, и они уйдут туда же, откуда и

пришли, – в никуда.

26.

Кедров, конечно же, не подвёл. На утро всё, что удалось накопать, лежало на столе у Софи.

И этого – накопанного – почти что не было. Не существовало в природе. Так что, может быть, и подвёл – это как посмотреть.

Дмитрий Вальтасаров и Серж Цухновский. Оба – законопослушные граждане, разве что пара административок в далёком прошлом. С оппозиционными кругами никак не связаны, самостоятельно ничего организовать не пытаются и никогда не пытались. Работают сейчас действительно на одном объекте – реставрируемой водонапорной башне за городом. Проект абсолютно никакого подозрения не навлекает: проверен много раз досконально и ведётся под госконтролем.

О чём они говорили тогда? Сложно сказать определённо, но недавно там как раз была корпоративная пьянка, и да, она была на воздухе. Вполне возможно, речь в разговоре шла об этом.

Мелкие, ничем не примечательные люди, занимающиеся своими мелкими, ничем не примечательными делами.

Софи не спеша, вдумчиво раскурила сигарету. Её любимые «Каракас», которые специальными партиями доставляли из-за границы: отечественные сильно не дотягивали до

них.

Ей не нравилась эта гладкость и кажущаяся безобидность добытых сведений. Выглядело слишком уж подозрительно: на таком ровном месте точно что-то должно быть закопано. И правда, отдельные обстоятельства могли и не всплыть сразу, не сложиться в её мозгу в чёткую и понятную картинку. Укрыться, в конце концов, от глаз Кедрова...

Да ладно? Вот уж что-что, а профессионализм Кедрова она не ставила под сомнение. Софи скорее бы поверила, что он намеренно недоговорил ей что-то...

Так. Она машинально выпустила дым и, застыв, всмотрелась в очертания города за окном своей комнаты.

Прямо за стеклом чернела тяжёлая кованая опора настенного фонаря – изгибалась мрачно и молчаливо. Наверху, сколько хватало глаз, серело утреннее небо. Вдалеке, над шпилями старинных зданий, его пересекала чёрная стая птиц.

Всерьёз подозревать Кедрова у неё не было оснований. Правда, всякие мелочи... Вроде лишь начатых и тут же замятых споров, вроде чуть заметного затягивания сроков. Конечно, это могло ещё ничего и не значить. Но всё же...

А кто, собственно, такой этот Андрей Кедров? Что можно о нём сказать при беспристрастном взгляде со стороны?

Человек-одиночка, скрытен, очень осторожен. Способен, однако, на рискованные поступки, когда видит в них смысл. Умеет устанавливать контакт и, при необходимости, раскру-

тить собеседника на откровенный разговор. Имеет отличную память, способен одновременно контролировать много дел.

Есть доступ к ГосБД и другим базам, а также к видеокерам и прослушивающим устройствам.

Блиzkих людей нет.

То есть, при желании что-то предпринять против неё, все возможности для этого у Кедрова есть, – заключила Софи.

Это, разумеется, чисто теоретически... Но взять его под наблюдение следовало бы. Под своё собственное наблюдение, конечно же.

(Вопреки тому, что мелькавшие тут и там в ленте шуточки вида «да, Нонине лично подслушивала!» были всего лишь шуточками, Нонине иногда действительно подслушивала лично).

На чём, в конце концов, держится это её доверие к Кедрову? Только на том, что это тот самый Эндрю, старый проверенный друг, с которым они плечом к плечу прошли столько трудностей? Ну так то же самое касалось и любого другого из их компании. Но все они предали Софи и все они больше не здесь.

Все предадут в итоге.

Вспомнился Эппельгауз. Старше их всех, носатый, флегматично спокойный и всегда несколько отстранённый, будто ему и дела нет, что случится с миром и с ним самим.

Это было недолгое время спустя после конца южной войны. Ещё не замолкли вокруг разговоры: кто-то прославлял

победительницу Нонине, но многие шептались... трудно даже сказать, о чём конкретно. Но почему-то над всеми витало смутное чувство, что там, на юге, произошло что-то грязное, подлое, что-то, чего не должно случаться даже на войне. Будто они знали, как должно. Софи это не тревожило: она то понимала, что всё сделала правильно.

Наступало утро. По комнате Нонине, где собралась вся компания, разливался красноватый свет зари. Её соратники молчаливо стояли поодаль и ожидали, что она скажет. Но Софи только умиротворённо наблюдала за восходом.

– Да, я знаю, что они болтают, будто бы я связалась с отбросами общества и что они перестарались, – небрежно кинула она наконец. – Что я натравила крыс на своих врагов. Ну, пусть натравила и пусть крыс – не вижу в этом ничего плохого. В конце концов, война закончена. Ведь этого они все хотели.

Эпельгауз многозначительно вскинул бровь:

– Помнит ли госпожа Президент легенду о злом священнике, который был съеден крысами?

– Ну, помню, – недовольно ответила Нонине.

– Это ведь твои крысы, Софи. Ты командуешь ими, и они сражаются на твоей стороне. Но когда-нибудь они придут и за тобой.

На какое-то время в кабинете повисло молчание, которое никто не решался прервать.

Софи искоса глянула на Эпельгауза, снова перевела взор

на рассвет за окном. Спокойно ответила:

– Может, и не придут.

Эпельгауза тоже нет. Он не выдержал проверки.

Когда имеешь дело с людьми, способными пойти по головам, всегда следует помнить, что следующая голова может оказаться твоей. И быть наготове.

Либо ты стреляешь первым... Либо они сожрут тебя. Третьего не дано.

27.

С наступлением вечера оставалось не так много занятий, которыми можно было увлечь себя. Голова тяжелела к этому времени, и все разговоры были уже проговорены, и всевозможные мелкие дела сделаны, и улица за окном не радовала и не звала погулять – лишь неясные силуэты покачивались в потёмках, да слепили жёлтые огни, – пустой мир, бесприютный, и даже грёзные переливы набрякали и обвисали бессмысленно.

Был телевизор, но телевизора Лаванде не хотелось больше. Телевизор утомлял, от него тянуло в вязкую тягучую полудрёму, из которой не провалиться даже в нормальный сон и из которой не выпутаться: силы сопротивляться просто деваются куда-то.

В квартире у Феликса нашлось некоторое количество книг, но по большей части это была справочная литература. Всё остальное: несколько исторических романов, не объёдинённых ни временем, ни местом действия, старый и толстенный сборник сатиры, цветастая книжица в мягкой обложке под названием «От любви до ненависти» некого Дж. Кессиджи и непонятно как попавший сюда томик поэзии начала прошлого века, – всё это оставляло впечатление накопившегося здесь за годы случайным образом и не выкинутого только потому, что повода не представилось.

Лаванда пролистая мельком два исторических романа, но они как-то разочаровали её с первых же страниц. Остальные книги привлекали и того меньше: не хотелось даже узнавать, о чём в них написано.

Чуть погодя она, впрочем, обнаружила среди старых номеров всевозможных журналов ещё одну тоненькую книжку – «Про край света». Похоже, что детская: большие листы были сплошь украшены рисунками и только по краешкам оставалось чуть-чуть текста, ровно столько, чтоб было понятно, что происходит на картинках. Сами картинки, правда, мало походили на иллюстрации к детской книжке. Однообразные, но очень красивые, в тонах травянистой утренней дымки, снега горных круч и розоватого касания зари, они были как бы чуть припылёнными, присыпанными грёзой и дышали умиротворением. Склоны гор, голубые озёра, альпийские луга с россыпью неярких, но прекрасных цветов, – время здесь будто остановилось и всё дремало в зачарованном сне.

На краю света, – рассказывалось в книжке, – разлеглась древняя страна гор. Горы здесь живые: они видят всё и могут разговаривать друг с другом и года для них – как для нас несколько минут. Много успели они повидать на своём веку, и много мудрости накопило время в их вершинах.

Долгие века страна гор оставалось нетронутой: никто не тревожил их покоя. Но один раз из большого мира сюда пришли мальчик и девочка – вот так вот просто пришли с рюкза-

заками на плечах и жаждой приключений. Им не было особого дела до тайн и загадок этого края, до его странного и немного печального покоя, до его неспешной жизни, скрытой от чужих глаз. Их интересовали земные и понятные вещи: они хотели с весёлым криком покататься по снежным склонам, устроить качели на свесившихся ветках низкорослых деревьев, побегать за бабочками по зелёным лугам и нарвать нежных альпийских цветов, наесться сладких ягод и выпить вкусной молочной воды из холодного озера...

На этом месте у Лаванды сильно поубавилось желания рассматривать книжку дальше. Ей не нравились внезапные пришельцы, не нравился их буйно-весёлый вид, их льющийся через край избыток жизненных сил. Они нарушали зачарованный покой этого мирка, который был так хорош без них и так напоминал что-то знакомое, родное, разбивали своим криком его молчаливость и вековые грёзы.

Вот, заигравшись, девочка и мальчик вдруг заметили, что солнце уже заходит, но вместо того, чтоб уйти отсюда, они решили разбить палатку – прямо на цветущей траве луга. Лаванда надеялась, что день-два – и детям наскучит здесь, и они уйдут на поиски мест поинтереснее. Есть же много других, куда более подходящих миров для таких людей, как они, – миров больших и ярких... Пусть покинут этот край, оставив всё как было раньше.

Но так ли заканчивалась история, по мнению автора книжки, Лаванда не знала. Да и не хотелось ей узнавать. По-

скучнев, она перевернула ещё несколько страниц, потом, в недовольстве и раздумьях, отложила книгу в сторону. Может, как-нибудь потом дочитает.

Ну что ж, остался только телевизор – с его царством приветливо улыбающихся клерков, лучших в мире железных дорог и сока «Чин-чин». На всё это можно смотреть часами, абсолютно не запоминая, что видел минуту назад, и постепенно утрачивать чувство реальности и самый смысл происходящего. Наверно, иногда это даже неплохо. Уж точно, не самая плохая перспектива.

Безнадёжно вздохнув, Лаванда щёлкнула кнопкой пульта и уставилась в медленно разгоравшийся экран.

28.

Китти Башева появилась на экране ровно в то же время, что и всегда. Наверно, сойди Земля с орбиты, она и тогда появится – как всегда безупречная, с идеально прямым пробором и строгим пучком чёрных волос, с неизменной картонной улыбкой на ярко-красных губах. Что-то в ней сильно раздражало Лаванду и в то же время притягивало, заставляло и дальше вслушиваться в набор безликих, не несущих никакого смысла слов.

– ...колоссальный подъём во всех сферах жизни. Широким ходом идёт развитие внутренних связей, повысилась вариативность и приспособляемость методов управления, которые, к счастью, позволяют предполагать...

Очень легко представлялась Китти, с такой же улыбкой говорящая: «Уважаемые телезрители, нам пришёл полный капут во всех сферах жизни. К сожалению, условия не предполагают возможности спасения. Хорошего вам дня и приятных новостей».

– ...с поддержкой Её Величества Софи Нонине, позволившей более чётко, чем когда-либо, увидеть новые горизонты и новое направление развития государства...

– Интересно, она хоть сама понимает, что говорит? – себе под нос пробормотала Лаванда.

– Конечно, нет, – отозвался Феликс, не отрываясь от ра-

боты. Он сидел тут же, на подлокотнике дивана, спиной к телевизору. На коленях у него был компьютер, и Феликс что-то на нём печатал – статью, как сказал, или что-то ещё. Зачем это делать в такой неудобной позе в одной комнате с шумящим телевизором, только самому Феликсу, наверно, и было известно.

Лаванда искоса взглянула на него и тихо проговорила, чтоб не отвлекать, если он и вправду работает:

– Но неужели и все остальные не вслушиваются... Неужели они не слышат, что это просто поток бессмыслицы.

– Их успокаивает интонация... Не думаю, что кто-то вслушивается в смысл отдельных фраз. Это ведь всё только слова. Слова ничего не значат, – он оторвался наконец от экрана и добавил с едва заметной горечью. – Ни одно слово на самом деле ничего не значит.

– Думаешь? – Лаванда удивлённо приподняла брови.

– Обычно да.

– Как же ты свои статьи пишешь?

Феликс покосился на неё с любопытством и коротко рассмеялся:

– Это хороший вопрос, конечно.

Он замолчал. Лаванда смотрела внимательно в ожидании продолжения.

– Вообще, – забормотал Феликс едва различимо, будто и не говорил этого вовсе, – если искать во всём, что мы делаем и чем гордимся, какой-то реальный смысл, тронешься очень

быстро. Если его там просто нет... О, кстати, – вдруг кинул он, бросив взгляд на экран. – Нас зовут на сходку завтра вечером. Ну то есть... как это сказать... Подпольное собрание. Пойдём вместе?

29.

Прозрачно дрогнула грань, и комната растворилась в полёте сквозь сферы. Пронеслись перед глазами луна и солнце, мелькнули на мгновение железные деревья с железными птицами на ветвях – позади них, за красными сполохами, виднелись очертания хмурого чёрного города, – и Лаванда оказалась посреди бескрайней зелени лугов, что холмами вставали вокруг до самого горизонта.

Стебельки трав легко покачивались на ветру. Они были такими тоненькими, что, казалось, тронь чуть сильнее – и они сломаются. Маленькими хрусталинками на кончиках повисла роса и не падала вниз.

Лаванда стояла, не шевелясь: она не поняла пока, имеет ли смысл что-то делать сейчас или всё само придёт в движение. Над холмами – неяркий, как бы припылённый слегка – вставал жёлтый шар.

Даль повеяла дымом. Вот он – прозрачные ещё, сизые клубочки завихрились над лугом. Безопасные пока, они совсем не казались добрыми вестниками.

Качнулся ветер, и Лаванда потянула его носом.

Запах гари.

Он был отчётливее и сильнее, чем в первый раз; его не получалось упустить, сделать вид, что это просто показалось. Гарь донеслась досюда и была теперь фактом, она была тре-

возжна, неясна и сеяла смятение.

Лаванда устремила взгляд вдаль, за горизонт, но отсюда не выходило увидеть. Пробежать, посмотреть, что там, за холмами? Но много ли пробежишь по ним? Легче уж взлететь.

Лаванда, оттолкнувшись, поднялась в воздух – земля вмиг отдалилась, травинки стали маленьким, почти неразличимыми – и ринулась вперёд.

Зелень лугов замелькала перед глазами – холм за холмом. Они все были одинаковые, и не скажешь, пока не увидишь, за которым откроется искомое.

Вот гряда и ещё гряда... Но Лаванда чужа, что дыма становится больше, он уже застил свет, и от него начинали слезиться глаза. Ещё немного, вот за эти холмом.

Что-то чернело там...

– Лав!

Голос пробился сквозь зелень и небо, всё смял и отстранил далеко. Показались очертания комнаты.

– Лав!

Она с трудом приподнялась с дивана, нераскрывшимися ещё полностью глазами уставилась на Феликса.

– Аа, всё-таки живая, – произнёс он одновременно злобно, но с видимым облегчением.

– Конечно, живая. А что случилось?

– Что случилось? Ты валялась тут в отключке! И вид у тебя был такой, как будто ты уже не здесь.

– Да это... Это нормально, – потупилась Лаванда. – Я часто так делаю, ещё с детства.

– Тогда будь добра, не надо так больше.

– Но почему?

Феликс раздражённо взмахнул руками:

– Я не хочу, вернувшись один раз, обнаружить твой трупик.

– Да я же сказала, это нормально.

Он затряс головой:

– Это ненормально.

– Феликс! – Лаванда смотрела на него с досадой.

Будто держит её за неразумного ребёнка, даром что сам, похоже, так и не повзрослел.

– Слушай, – попробовала объяснить она как человек человеку. – Ты просто не понимаешь, что это и как происходит, и поэтому...

Феликс поднял руку в останавливающем жесте:

– Просто не делай так больше. Хорошо, Лав?

Она ничего не сказала, но Феликс уже отошёл от неё и только обернулся в дверях:

– Нас будут ждать через полтора часа. Помнишь?

И, не дожидаясь ответа, вышел из комнаты. Видимо, ни первый, ни второй ответ на самом деле не были ему нужны.

30.

Лаванда не имела никакого представления, как следует выглядеть, отправляясь на подпольное собрание. Что-то подсказывало только, что на любом собрании нужно смотреться как минимум прилично.

Для «прилично» среди её вещей специально водились строгая чёрная юбка с пряжкой и белая шёлковая блузка. Их она всегда надевала на торжественные и праздничные мероприятия, время от времени проходившие в школе. Почему именно эти вещи считаются «приличными», она не знала, а потому молча соглашалась с мнением опекунов.

Лаванда вообще обычно соглашалась с их мнением, если только речь не шла о чём-то очень важном. Когда дело касалось принципов, наверно, никто в целом мире не смог бы убедить её поступиться ими. Но принципов было не так уж много. А во всех остальных случаях – почему бы не положиться на тех, кто старше и опытнее. Опекуны всегда хорошо относились к Лаванде: пытались по возможности обеспечить её всем необходимым, порой интересовались, как у неё дела, и никогда не наказывали (хотя было особо и не за что). Когда в Иржицу вдруг пришла телеграмма от ринордийского кузена и Лаванда, подумав, приняла приглашение, они удовлетворённо кивнули на это: вид их выражал чувство тщательно выполненного долга.

Стоя перед зеркалом, она неловко, но старательно поправила воротник и манжеты на блузке. Волосы её, обычно болтающиеся у ушей неровными прядками, были сейчас для аккуратности заплетены в короткую косицу.

Зеркало, правда, намекало, что она больше похожа на примерную школьницу, чем на подпольщика. Но других вариантов не было, в конце концов.

Взгляд Лаванды упал на браслет из перьев, выползший из-под манжеты. Неприглаженный, торчащий во все стороны, дикарский, – он выбивался из остального образа. Но, подумав, Лаванда решила пренебречь такими формальностями. Браслет всегда был при ней, так чего ради снимать его из-за каких-то странных, кем-то когда-то выдуманных представлениях о рамках и вкусе.

Она и в школе, сколько помнила, не расставалась с браслетом, и никто ни слова не говорил против. Одна только учительница, тётка лет за сорок, за что-то невзлюбила Лаванду и постоянно придиралась к ней по этому и другим поводам, но после разговора с директором и она угомонилась. (О том, что такой разговор имел место, Лаванда узнала случайно и много позже).

Ей вообще не делали плохого – ни учителя, ни другие ученики. Может быть, сторонились немного, но никогда не пытались обидеть или как-то задеть. К Лаванде у них у всех было как будто особенное отношение – как к чему-то хрупкому, что по возможности лучше не трогать руками. Поче-

му так, Лаванда не знала, да это и не заботило её. Она существовала отдельно, другие люди – отдельно; они занимались своими делами, имеющими мало к ней отношения, она не мешала им, всех это устраивало, и всем было хорошо.

Это только теперь начало меняться, совсем недавно.

Лаванда уверенно кивнула своему отражению: да, всё как требуется, – и поспешила на выход. Феликс, наверно, уже её заждался. Как бы не решил отправиться сам, потеряв терпение.

Феликс, впрочем, ещё никуда не отправлялся, а только метался по кабинету – к столу, к открытому шкафу, к отодвинутому стулу, к стенке, опять к столу. К удивлению Лаванды, он был в деловой рубашке, хотя довольно мятой. Он то хватался за какие-то бумаги и разные мелочи, вроде зажигалки, распахивал всё по карманам, то вдруг бросал это и начинал кружить на месте в попытке застегнуть пуговицы на рукавах. Пуговицы выскальзывали, и Феликс тихо ругался. Наконец он справился с ними и теперь только заметил Лаванду.

– Сказали, что будет какое-то важное лицо и чтоб я нормально выглядел, – объяснил Феликс раздражённо. – Я и так нормально выгляжу! Может, им и галстуки ввести в обязательном порядке или ещё какую-нибудь фигню?

Он сдёрнул со спинки стула пиджак, быстро накинул его и бросил Лаванде:

– Пошли.

– Феликс, – она остановила его, когда он уже порывался к дверям. – Подожди, ну не так же ты пойдёшь.

Пиджак Феликс надел сикось-накось. Лаванда оправила ему лацканы, чтоб они хотя бы не торчали под разными углами. Костюм, впрочем, всё равно сидел кое-как.

Феликс отдёнулся было от её рук, но пресёк это движение: похоже, это был чисто инстинктивный жест против любого насильного вмешательства.

– Да знаю, знаю, – пробормотал он. – На мне все эти их дурацкие прикиды так смотрятся, – и добавил со странной гордостью. – Я не в офисе живу, в конце концов! Пойдём.

Феликс легонько хлопнул её по плечу и, не оглядываясь, устремился к дверям. Лаванда последовала за ним.

31.

Сходка проходила на другой окраине – ближе к югу.

Их встретила большая и светлая квартира на верхнем этаже не слишком старой высотки. С улицы было и не различить, что там, горят ли окна.

Феликс вызвонил нечто, напоминающее условный сигнал, и дверь открыл довольно приятный, хоть и немного женственного вида, молодой человек с зачёсанными назад светлыми волосами. Они с Феликсом пожали друг другу руки, оба явно были рады этой встрече. Затем светловолосый окинул внимательным взором Лаванду и вопросительно покопился на Феликса.

– Это моя кухня, – беззаботно кинул тот. – Она в общем в курсе, я решил, что ей будет нелишне поприсутствовать.

Светловолосый с улыбкой поклонился ей:

– Добро пожаловать, – глаза при этом мигнули цепко и бдительно: он словно поставил засечку на память.

Здесь были довольно низкие потолки, но зато квартира раздавалась вширь: множество комнат помещалось в ней и почти везде уже были люди. Одни держали бокалы в руках, другие просто сидели на диванах и стульях, они разговаривали между собой – о чём-то своём, во что необязательно, да и как-то неловко было бы вмешиваться. Лаванду это вполне

устанавливало: так проще и безопаснее. Можно просто сидеть в сторонке и вслушиваться в их речи, даже, может быть, понимать что-то или не понимать вообще ничего, но так, чтоб об этом никто не догадался – не создавая помех и ненужной неловкости.

Феликс же, наоборот, казалось, пытался быть везде одновременно. Он оказывался то с одним, то с другим, что-то спрашивал, о чём-то шутил, смеялся и говорил, говорил, говорил... Складывалось ощущение, будто он дорвался до житейского источника после долгого перерыва.

Лаванда даже немного завидовала ему сейчас: как это ловко и с виду непринуждённо у него получалось – каждый раз находить нужные слова и жесты с любым из них и для каждого быть своим в доску. У неё никогда бы так не вышло. Впрочем, Лаванда особо не стремилась и не из-за стеснения даже, а просто потому, что она и эти люди заведомо были слишком разными, она заранее это понимала.

Одни заходили в комнату, другие выходили; небольшая компания примостилась у дверей – эти что-то тихо комментировали между собой, иногда поглядывая на зал; бокалов было уже много, они звенели друг о друга, оставлялись и брались заново; толпа покачивалась, вращалась, и Лаванда уже не разбирала кого бы то ни было в этой круговерти: все мелькали здесь попеременно, уходили вглубь и появлялись снова.

– Господа, – вдруг раздался звонкий голос, прорезавшийся сквозь гомон, и мужчина лет сорока, с бородкой и при

полном параде, обратил на себя всеобщее внимание. – Господа, а не поднять ли нам тост за наше дело?

Все одобрительно загудели и уже подхватили движение его руки, но тут Феликс, оставив очередного кого-то в глубине зала, пробрался сквозь ряды к говорящему.

– За какое это «наше дело», господин Пряжнин? – с усмешкой протянул Феликс. – Какое именно «наше дело» вы имеете в виду?

Пряжнин воззрился на него с удивлением, растерянно забормотал:

– Ну как... Наше дело... То, чем мы занимаемся...

– То, чем мы занимаемся, – повторил Феликс, язвительно прищурившись. – Увеличением числа сообщений в Ленте? Самопальными брошюрками а-ля еженедельник журфака? Может быть, пьянками?

Гудение сникло, закатилось куда-то. Феликс, не обращая на него внимания, продолжал:

– Да, пьянки нам удаются особо хорошо. Праздновать успехи мы умеем – сразу, не дожидаясь реализации, прямо как все эти торжества у Нонине. Ну так что, может, уже заметны какие-то результаты? Может, по нашему требованию отменили какой-нибудь излишне дурацкий закон? Или урезали полномочия официального правителя? Или, может быть, – свершилось, а я и не заметил! – Нонине уже не правитель?

Он покачал бокалом и тихо рассмеялся. Никто не решался

что-то сказать, и все они слушали его сейчас.

– Может, в конце концов, – продолжил Феликс, – враг оказался настолько силен и страшен, что в неравной борьбе мы понесли ужасные потери и протестное движение безжалостно задавлено? Может, были массовые репрессии и лучшие из лучших уже не с нами?

– Октистов сидит, – мрачно напомнил вдруг парень с широким простоватым лицом – один из тех, что стояли у дверей.

– Да, сидит, – согласно кивнул Феликс. – Потому что сумел как-то пробиться в официальную прессу и был там слишком разговорчив. Сидит, между прочим, по подложному обвинению, фактически ни за что. Ну и пусть себе сидит дальше, правильно? А мы будем по-прежнему собираться здесь и за что-то выпивать.

– Ты сам тоже пил! – обиженно выкрикнул кто-то.

– А я себя и не отделяю, – откликнулся Феликс.

– Лав! – обратился он вдруг к Лаванде, сразу же оказавшись рядом с ней. – Скажи-ка мне. Вот ты тут первый раз – как тебе наша сходка? А? Похоже это на подпольное собрание, как тебе представляется?

– Феликс... – тихо пробормотала она и отвела взгляд, не зная, что на это отвечать.

– Нет, я серьёзно. Похожи они – похож я – на подпольщиков?

– Феликс, я не знаю, – выдавила она. Лаванде сейчас впер-

вые хотелось отойти от него подальше и всем видом внушать, что она не с ним.

Феликс рассмеялся:

– Да нет, я вижу, о чём ты думаешь. У тебя на лице читается, что видишь ты перед собой обычную светскую вечеринку. Развлекалово такое.

Лаванда так и не подняла взгляд. Но, кажется, Феликс как-то понял наконец без слов и отошёл от неё.

– Но, может быть, вы нам что-то предложите, господин Шерзведичев? – солидно осведомился теперь Пряжнин.

Белобрысый растрёпанный парень, с которым Феликс разговаривал до того, как начать своё неожиданное выступление, рассмеялся:

– А я знаю: Феликс предложит нам устроить митинг под окнами резиденции Нонине, не меньше.

– Нет, этого я предлагать не буду, – отозвался тот уже спокойно и как будто слегка устало. – Потому что это бессмысленно и ничего не даст.

Парень с улыбкой покачал головой:

– А кто-то, помнится, говорил, что в любом случае мы можем по крайней мере выразить протест.

– Угу, – кивнул Феликс. – Вспомни ещё что-нибудь из студенческих лет. Посмеёмся.

– Нет, вообще-то, – продолжил он с новыми силами, – если предположить, что будет как в легенде о Великом Стоянии... Кто-нибудь помнит, что такое Великое Стояние, гос-

пода?

Кто-то неразборчиво что-то пробормотал, почти все изображали на лицах напряжённое раздумье, но нет – похоже, они не помнили.

Феликс скривил рот в разочарованной усмешке:

– Ну да, всё из области бывшего мы помним плохо. Особенно, если оно имеет к нам отношение.

Лаванда вдруг вспомнила и неожиданно для себя подала голос:

– Там вроде было про маленькое войско, которое не дождалось подкрепления... И когда чужая армия уже подходила, они встали на перекрёстке дорог и начали кричать, что враг должен уйти... И вражеская армия действительно как-то чудом развернулась и ушла.

– Да, почти, – Феликс кивнул. – Только это уже поздняя переработка. Изначально речь шла не о воинах, а об обычных людях, жителях страны. И прогнать им надо было не чужеземных врагов, а «захватчика, что из ниоткуда вышел и на трон уселся». То есть узурпатора.

Лаванда глядела на него в удивлении: она никогда раньше не слышала такой версии легенды. Да и остальные гости в зале, скорее всего, тоже.

– Вот если бы можно было выйти всем вместе на перекрёсток, покричать «Долой Нонине!» и она бы от этого ушла, мы бы, конечно, так и сделали. Но, – рассмеялся он, – как показывает исторический опыт, данный метод больше ни-

когда не срабатывал. Так что да, давайте поднимем тост, – Феликс вновь приблизился к Пряжнину, патетически возвёл свой бокал. – Давайте поднимем тост за борьбу с Нонине. И давайте уж будем хотя бы проговаривать это, а не отделяться всякими «нашими делами». А то будто прячемся и боимся, что нас подслушают... За победу над Нонине.

– За победу...

32.

Она делала пометки в блокноте, пытаясь не обращать внимания на левую руку. Записи очень мелкие и с особой системой сокращений, никто, кроме неё самой, это не разберёт. Конечно, блокнот хранился в ящике её стола, куда не осмелились бы сунуться, не будь даже ящик закрыт на ключ. Но дополнительная мера предосторожности никогда не будет лишней. Мало ли что случится.

Планы. Надо ещё раз привести в порядок планы.

Отдельным пунктом, переходящим со страницы на страницу, – ГГД. Воплощение её чаяний и надежд, воплощение её мощи и власти, образ, который, всплывая перед мысленным взором, придаёт дополнительных сил. Никто не понимал больше, зачем она – странная, нелепая деревянная дорога на сваях, от края до края страны. Почему бы не сделать обычную автомобильную, с асфальтом?..

Ничего они не понимают и не поймут. Софи это мало волновало. Главное, дорога будет построена, великая, но бесплотная идея обретёт материальное воплощение. Она проляжет там, где должна пролечь, и останется на века. И если не теперешнее, то уж точно будущие поколения оценят по достоинству дело Софи Нонине.

Пропаганда. Больше пропаганды. Напомнить, что ГГД должна быть построена – Главная Государственная Дорога

страны, символ её единения и счастья. Бросить клич добровольцам: сколько-то их должно найтись. Спустить директиву фабрикам и заводам: если профильные предприятия переключатся со своих дел на госпроект и пошлют туда своих работников, неужели же они не справятся всем скопом. Можно даже объявить «Великое переселение»: надо ведь возродить восток и кому, как не вам, это делать, а уж государство вам поможет, в этом будьте уверены. За обещание лучшей жизни многие возьмутся переехать за Тусконку вместе с семьями и приступить к общему делу.

А когда строительство будет завершено... Перед её мысленным взором мелькнула широкая, сверкающая гладкой древесиной лента, что воспарила над землёй – над болотами, лесным кустарником и песками степей – и пронзила страну жизнетворной артерией. По дороге движутся ровные шеренги парада: впереди оркестр с трубами и литаврами, знаменосцы с реющими в воздухе флагами, затем всё новые, и новые, и новые отряды... А по бокам, по обеим сторонам сверкающей ленты стоят люди, маленькие, забавные: они глядят на парад, в радостном изумлении задирают головы и кричат «ура!»

Да, пожалуй, даже в наше прогнившее и измельчавшее время можно найти великую идею, которая объединит всех.

Но это дело будущего, – напомнила себе Софи, чтоб не впадать в бездейственную мечтательность. Тогда, когда ГГД откроется, будет всё: и праздник, и салюты, и речи... Но

только тогда. А сейчас следует работать и работать, нельзя пускать дела на самотёк.

Следующим пунктом – госбезопасность. Здесь было много подпунктов, и они были далеко не так приятны...

В последнюю зиму что-то уж слишком много людей выпросило себе поездку за границу. Само по себе это не так значимо, но, если сравнить с предыдущими годами, тенденция вырисовывается не слишком радостная. Поднажать на госагитацию. Может, даже упомянуть в «Главной линии». И – что там сейчас вертят по телевизору? Непременно справиться и подкорректировать программу. Из фильмотеки Софи, которую она составляла лично, наверняка можно подобрать подходящие варианты, где бы ненавязчиво восхвалялся приличествующий гражданам страны образ жизни: скромный, порядочный, со своими маленькими человеческими радостями. Да, и, пожалуй, пересмотреть условия выезда за границу; возможно, их придётся ужесточить.

Болтовня в столице хоть и по-прежнему велась, но была целиком под контролем и Софи почти не беспокоила. Пусть шепчутся: это даже забавно. А если вдруг надумают перейти от слов к делу, то Нонине всегда успеет решить вопрос кардинально ещё до того, как они приступят. Не зря же... ящик стола... Впрочем, это экстренная мера, вовсе не обязательно доводить до неё, когда есть много куда более изящных способов. В конце концов, большинству людей и так надоедает бесконечное муссирование всё одних и тех же фактов: как

звачка, со временем утратившая вкус. А самые упорные, не желающие молчать, когда уже всё сказано... Не исключено, что их сожрут свои же бывшие соратники – за бесконечную болтовню, за беспокойство и мельтешение перед глазами, за свои обманутые надежды.

Шержня, например. Сожрут только так.

Поэтому эти вопросы пока не тревожили Софи. Разве что интернет... Насчёт того, что происходит там, за гранью экрана, Софи не была уверена. Конечно, Китти ежедневно приносила ей отчёт в виде кипы бумаг, а армия специальных сотрудников денно и ночью мониторила сеть на предмет опасного и запрещённого, но это всё равно было не то. Пока Софи не могла прощупать самостоятельно, ей было не вполне спокойно. Пожалуй, если бы она видела всё перед собой на бумаге, как оно есть, а не в виде рафинированных и сглаженных отчётов... После реформ, правда, активность в интернете заметно упала, мало у кого хватало упорства добираться до него через столько заслонов. Но всё равно эта активность оставалась. Может, запретить его вовсе? – мелькнуло у неё в голове. Прямо сейчас – вряд ли, но как вариант, на будущее... Стоит иметь в виду.

И, может быть, телефоны. Ввести комендантский час, в который запрещается звонить по телефонам куда бы то ни было. Не может же она все ночи напролёт без сна сидеть на линиях.

Она ненадолго перестала писать – подумать, что ещё не

охвачено. Правой рукой невольно потянулась помассировать левую повыше локтя.

Этот чёртов северный ветер...

Фильмы пригодятся ещё и потому, что людям и правда пора учиться жить скромнее. С финансированием тоже придётся везде ужиматься. Кое-какие средства ещё свободны, но они пойдут на ГГД – это обязательно и не обсуждается. Что ж, народ у нас живучий. Справятся, – Софи в них верила.

Ах да, ещё северные районы. Вода вроде бы перестала прибывать, и, судя по сообщениям, ничего экстраординарного больше не происходило. Эвакуация идёт своим чередом... В общем, с этим местные власти пока отлично справятся и сами, а дальше посмотрим.

И, конечно, конференция. Ближе к середине мая станет тепло, и можно будет устроить великолепное представление под открытым небом. Фонтаны Турхмановского парка, скажем, вполне подойдут. Как это будет эффектно: бьющие потоки, радуга в брызгах воды, и она – Её Величество Софи Нонине, мать народа, воздевшая руки, чтобы принять своих детей.

Что она будет говорить – об этом Софи не волновалась. Это всегда получалось легко, будто само собой – и они слушали её с открытыми ртами и бесконечным доверием в глазах.

Вот теперь, пожалуй, всё.

Софи закрыла блокнот, положила его на законное и неиз-

менное место – средний ящик стола, между пузырьком с таблетками и чёрным углём, для удобства заточенным как карандаш.

Это всё чёртов северный ветер... С сомнением Софи посмотрела на таблетки. Нет, – строго сказала она себе. Если к завтрашнему дню не пройдёт, можно будет принять одну. Но только одну – никаких поблажек на сей раз.

Бросив взгляд на уголь, Софи чуть заметно улыбнулась. К нему она прибегала и того реже: очень уж большую плату приходилось отдавать. Но вид его – такого удобного, просто предназначенного для того, чтоб лечь в руку и выводить буквы и строки, – этот вид успокаивал. Когда знаешь, какая огромная власть есть у тебя, вовсе не обязательно пользоваться ею. Самого знания порой вполне достаточно – и сразу чувство, что можешь всё, стоит только пожелать.

Заметно более довольная, Софи задвинула ящик.

33.

– Феликс! – окликнул его Виталий Ра́мишев (тот самый, что предполагал у своего друга намерения собраться под окнами резиденции).

Он остановился и, для вида лениво, обернулся.

– Феликс, – Рамишев пробрался сквозь толпу к нему. – Помнишь, я написал, что будет важный гость?

– Ну.

– Угадаешь кто?

Феликс фыркнул и пожал плечами:

– Понятия не имею. Какой-нибудь иностранный специалист по демократии?

Слова его сквозили насмешкой: Феликс недолюбливал подобных персон, хоть старался и не высказывать этого прямо. В той красивой чуши, что они гнали, было что-то в глубине ненастоящее, неправильное. В лучшем случае казалось, что человек с благими намерениями совсем не знает Ринордийска и не понимает, что здесь всё совсем по-другому; в худшем – что намерения у него не такие уж благие.

– Ну вот ещё, стал бы я тебе о таком говорить, – засмеялся Рамишев. – Поднимай выше. К нам пожаловал сам Виде-ри́цкий.

– О-о, – Феликс моментально посерьёзnel и даже почти протрезвел.

– И, кажется, он хочет с тобой поговорить.

– Сейчас?

– Ну да, сейчас.

– Вот чёрт, – Феликс поставил бокал на ближайший столик. – Не мог мне сказать сразу, что он здесь, пока я ещё не пил?

Рамишев с виноватой улыбкой рассмеялся и развёл руками:

– Извини, не подумал.

– А, я понял, – Феликс, прищурившись, наставил на него палец. – Это в отместку за предыдущую сходку. Я раскусил твой коварный план.

Тот только продолжал смеяться и не отвечал ни да, ни нет. Так что оставалось, видимо, отправиться на поиски Видерицкого, который был где-то «здесь».

– Он в соседней комнате! – крикнул вдогонку Рамишев.

Сигурд Анатольевич Видерицкий был главным редактором того неофициального издания, в котором печатался Феликс. Разумеется, тоже неофициально: ведь его должности, как и самого журнала, как бы не существовало. Но ни у кого и сомнения не могло возникнуть, что решает тут именно этот пожилой человек с седой бородой и хитринкой в глазах – что он альфа и омега, первопричина и последняя инстанция.

Рамишев не соврал: главред сидел за столом в небольшой комнате неподалёку – расслаблено, как дома, откинувшись на витую спинку стула. Завидев Феликса, он улыбнулся и же-

стом пригласил подойти.

Феликс сдержанно улыбнулся в ответ и устроился на соседнем стуле, пытаясь по возможности держаться так же непринуждённо. Зная за собой особенность рефлекторно лебезить перед начальством – и вообще перед людьми, от которых в какой-то мере зависела его судьба, – он всю жизнь боролся с этим. В такие моменты он обычно вспоминал своего кумира – того самого поэта, что восстал против тирана, – и это помогало.

– Феликс? Здравствуй.

– Здравсьте, Сигурд Анатольевич, – он слегка кивнул.

Видерицкий медленно, как бы раздумывая, начал:

– Я прочитал твою последнюю статью... Которую ты прислал вчера.

– Да? – протянул Феликс, настороженно вслушиваясь в слова и интонации. – С ней что-то не так?

– Да нет, всё так, – главред успокаивающе махнул рукой. – Всё даже хорошо, в ближайшем выпуске напечатаем... Ты вообще хорошо пишешь – в отличие от многих наших авторов, – он понизил голос. – Но это, как ты понимаешь, между нами.

Феликс подавил широкую и глупую улыбку, расплзавшуюся на лице.

– Спасибо, Сигурд Анатольевич.

– Да не за что, констатирую факты... У меня к тебе есть предложение. Интересное, я думаю.

Феликс вслушался ещё тщательнее:

– О чём речь?

– Видишь ли, – снова неторопливо начал Видерицкий. –

У нас в общем-то в достатке контента, материалов для печати хватило бы на годы и годы. Но вот качество, а главное, систематизированность всего этого страдают. Сейчас наши выпуски похожи скорее на сборную солянку, в которой человеку со стороны... нет, можно разобраться при желании, но весьма трудно. А если желания особо и нет... Я, конечно, пытаюсь что-то с этим делать, но я один. Так это не получится. Мне не хватает редакторов.

Феликс помолчал, ожидая продолжения, но продолжения не было, и он медленно начал:

– Иными словами... вы считаете, что я...

– Что ты вполне мог бы занимать эту должность, – кивнул Видерицкий. – Ты действительно вникаешь в дело, а не просто лепишь обвинение на обвинение, как это сейчас делают многие. Так что редакторская деятельность тебе должна быть по плечу. Работы, правда, прибавится, нужно будет присутствовать в редакции каждый день, в главном офисе... ну и зарплата будет больше, соответственно, – главред подмигнул. – И кроме того, удачное продвижение, я считаю.

Феликс на минуту отвёл взгляд и уставился в сторону больших вазонов у стенки. Решить вот так сейчас было очень и очень непросто, особенно с остаточными парами алкоголя в мозгах. Он колебался.

С одной стороны, вся ситуация, весь этот разговор подвели к тому, чтоб сейчас ответить «да». Потому что ну как тут не ответишь.

Но быть в редакции каждый день... Прощай, свободное время, прогулки по солнечному городу и ночные бдения? Нет, это чересчур.

Но Лаванда... Он как-то слишком опрометчиво решил, что после деления всех средств на два их будет по-прежнему на всё хватать. (Ладно, пофиг, сам он может сидеть на кофе без сахара, если понадобится).

Но, в конце концов, это и впрямь *продвижение*. Разве это не совпадает со всеми его приоритетами и устремлениями? Ему ведь всё время хотелось чего-то большего – хотелось делать что-то по-настоящему, что действительно имело бы значение и меняло бы жизнь вокруг. Разве это не верный шаг на пути?

Но офис... (К ним Феликс всегда питал какое-то заочное отвращение).

«Да о чём тут думать! – сказал вдруг чей-то очень разумный и очень рациональный голос. – Разумеется, надо соглашаться; любой нормальный человек сейчас согласился бы и даже не раздумывал...»

Осторожно. Трижды осторожно, когда в голове алкоголь. Феликс попытался взглянуть ещё раз в целом, чтоб понять, что тут главное, а что нет.

Да пусть себе соглашаются, – озарило вдруг. – Пусть «нор-

мальные» и «разумные» люди делают так, как им вздумается, а он, Феликс Шержведичев, будет делать так, как делает он. Он, Шержень, никогда не станет обычным офисным планктоном. Ни за что на свете.

Он поднял глаза на Видерицкого и слегка улыбнулся:

– Знаете, Сигурд Анатольевич... Спасибо вам, конечно, за доверие, но я всё же склонен отказаться. Ну, не моё это. Я пишу, что думаю сам, а следить, что пишут другие... Нет, с этим лучше справится кто-нибудь другой.

Сказав это всё, он замолчал – внешне спокойно, а на деле напряжённо ожидая, что теперь последует и чем обернётся его тирада.

Видерицкий задумчиво покивал:

– Что ж... Понимаю. Насильно, конечно, мало что получается хорошо. Тогда, – он улыбнулся с хитроватым добродушием, – удачи в борьбе на нашем минном поле.

И он пожал Феликсу руку.

Выйдя из комнаты, Феликс с облегчением выдохнул и победно улыбнулся. Внутри же он просто прыгал от радости. Всё так удачно прошло и хорошо кончилось. Да, он определённо выдержал это испытание.

34.

Лаванде не очень-то нравился весь этот пьяный гул, наполнивший комнаты, поэтому она улизнула поискать местечко побезлюднее. Скоро это увенчалось успехом: к удивлению, тут нашлась небольшая узкая комната, похожая даже на отделённый кусок коридора. Кто-то нагородил тут фанерных перегородок, и они тонкими стенами создавали уют, дарили защищённость.

Помедлив, Лаванда вошла. Действительно, никого – только из других комнат неслось приглушённое пение: «Эй, люди, победа за нами! Эй, люди, победа близка!», – на манер дворово-лестничных песен под гитару. Хор раскатывался вдалеке, словно рокот прибоя, и не мешал.

Света тут было немного, но хватало, чтобы увидеть, что всё здесь заставлено полками. Полки нагромодились от пола до потолка, на некоторых стояли ящики и какие-то книги, на других располагались картины, глиняные маски, всякие мелкие безделушки... Похоже, люди здесь вообще редко появлялись: все вещи выглядели застывшими, будто их не касались уже давно.

Целый выступ стены занимали небольшие картины, вернее, бумажные их репродукции. Были они довольно странного вида. Похоже, рисовал их один и тот же человек. Этого не получилось бы не заметить: всё на них было как-то стран-

но, неправильно, как не бывает в обычной жизни и в то же время казалось, будто так и должно быть. Вот эта комната с прозрачными стенами, с пирующей как ни в чём не бывало компанией, вот эта синяя луна над блистающим городом, – что ж тут необычного, господа? Вот такая у нас странная реальность, чему тут удивляться.

Маленькая надпись под одной из картин сообщала, что художником был некий К. Хассель. Судя по цифрам под именем, жил он в начале того века. И – судя по разнице между двумя цифрами – прожил весьма недолго.

У Лаванды, впрочем, не появилось особого желания узнать, чем же закончил двадцатиоднолетний Хассель, и она перевела взгляд на другие полки.

Вот глиняная маска с совиными ушами и скорбно поджатым ртом. Вот длинные и глазастые павлиньи перья. Вот чёрно-белая узкая фотография какой-то пары – кажется, они были летом где-то на природе, сидели в лодке... Но больше всего взгляд притягивали два изображения.

Первое – что-то вроде старой гравюры. На ней проступал мрачный каменный город. Его стены теснились друг к другу. Башни без окон тянулись вверх, и шпили утыкались в свинцовое небо. Внизу, под тяжёлым мостом, плескались холодные волны реки. Над городом стоял в небе чёрный диск. Таково было солнце этого места.

Да это же Ринордийск, – вдруг поняла Лаванда с удивлением. Трудно было узнать его в таком обликии – но да, это,

без сомнений, та же речка под тем же мостом и те же шпильки на тех же крышах. Это он – город из глубин веков, чёрный здесь, искажённый, не такой, каким должен быть, но, несомненно, тот самый.

На втором же изображении среди холмов извивался гибкий зверь на стройных лапах – остромордый, длинноухий, черношёрстый; он обвивал сам себя тонким хвостом, он танцевал – танцевал ни для кого и в то же время для всех, а над холмами стояла ночь, глубокая и безмолвная, и в небе свечками мерцали жёлтые звёзды – такие же жёлтые, как глаза зверя. И зверь танцевал, не уставая, – один в этой тишине.

Лаванда внимательно оглядывала и пыталась запомнить их – эти два вида, которые почему-то казались очень важными, – но чем дольше она всматривалась в них, тем больше терялась и переставала понимать, что же здесь нарисовано. Наконец, сдавшись, она уступила им и опустила взгляд к большому ящику полкой ниже.

Тот был загружен совсем уж случайными, беспорядочно сваленными предметами: какими-то инструментами, какими-то обломками, какими-то давно себя израсходовавшими и бесполезными вещами. Поверх этой кучи, у края ящика Лаванда обнаружила небольшую картонную коробочку с дамочками в летних нарядах; она, видимо, по ошибке, была неплотно закрыта. Что-то притягивало к ней, манило посмотреть, что там. Лаванда окинула беглым взором закуток, чутко прислушалась, не идёт ли кто. Ей вовсе не хотелось,

чтоб её застали за рытьём в чужих вещах. Но, кажется, никто не собирался нарушать её уединение. Лаванда бесшумно вытянула коробочку и откинула картонную крышку.

Внутри лежал кусочек мела. Лаванда удивилась, что всё так просто, и даже вытащила, чтобы проверить. Плоский и ровный кругляш был чуть шире ладони и абсолютно нетро-нут: похоже было, что им никогда не чертили и не писали.

Она так увлеклась, что не заметила, как сюда вошли.

– Не трогай его! – испуганно крикнул Феликс.

– А? – она вздрогнула, обернулась.

– Положи, к нему нельзя прикасаться! – он усиленно замахал руками, чтобы объяснить. Потом вдруг замер. – Подожди... Ты можешь его держать?

– Ну... да... – пробормотала Лаванда.

– И он не жётся, не бьётся током? Не выпадает из рук? Ничего такого?

– Нет, – удивилась она. – А должен?

Феликс сделал к ней несколько шагов, глаза его заблестали.

– Так что ж это получается? – на лице его появилась уверенная улыбка человека, который что-то затеял. – Это получается, мы можем... устранить Нонине?

– Устранить? – не поняла Лаванда.

Вместо ответа Феликс поднял на неё взгляд:

– Знаешь, что это? – спросил он.

Лаванда мотнула головой.

– Это колдовской мел. Да, тот, из легенды. Он тоже сумел сохраниться, вернее, мы сумели его сохранить. Как минимум в последние лет десять. Когда он уже был у нас.

– Да? – Лаванда уставилась на белый кругляш на своей ладони. – Но откуда... у вас-то он откуда?

Феликс отмахнулся:

– Это тебе лучше спросить Гречаева. Или ещё кого-то из ветеранов. Я не знаю, я уже позже пришёл. Но это неважно, – взмахнул он рукой. – Главное, ты теперь можешь записать имя Нонине, и тогда всё!

– *Записать имя?* – медленно повторила Лаванда и нахмурилась.

– Ну да, записать и сжечь.

– Но она ведь умрёт?

– Конечно. Я и сказал, что устранить. Помнишь, я говорил? Её по-другому никак не уберёшь, только физически уничтожить.

– Но почему я-то? – это начинало её злить. – Почему за всё это время никто из вас этого не сделал?

– У нас не получится, – Феликс с уверенностью помотал головой. – Ни у кого из нас, только у тебя.

– И, по-твоему, это нормально? Убить её надо вам, а убивать буду я, потому что вы не можете?

Феликс ошарашенно поглядел на неё. Похоже, с такого ракурса он никогда это не рассматривал и не собирался.

– Ну а что такого?

– Я вам не палач! – внезапно вскрикнула Лаванда. – Делайте сами что хотите, придумывайте что-нибудь. А убивать кого бы то ни было по вашему заказу я не буду!

С попыткой понять и даже вроде бы что-то смутно понимая, Феликс вглядывался в неё, потом примиряюще поднял руки.

– Ну, ладно-ладно, Лав, не городи сейчас одно на другое... Давай сядем, спокойно разберёмся.

– Тут не в чём разбираться.

– Я скажу Гречаеву, разберёмся вместе. Нет, ты не представляешь, как... – он рассмеялся. – Как нам всё-таки повезло. Кузина Лав может писать мелом! Мы думали, уже никто не сможет.

35.

Гречаевым звался хозяин конспиративной квартиры, на которой они собрались. Выслушав доводы Феликса, сопровождавшиеся убедительнейшими жестами, он охотно согласился передать ему на руки коробочку с мелом и с живейшим любопытством покосился на Лаванду. Впрочем, заговаривать он с ней пока не стал.

Теперь, когда гости почти разошлись, эти двое – Феликс с Гречаевым – стояли у окна, говорили между собой негромко и иногда посматривали на улицу. Там, было видно, уже обливались огненно-оранжевым верхушки домов.

Гречаев, мужчина лет, наверно, тридцати, помешивал ложкой чай, осторожно, стараясь не пролить на синюю скатерть, которой был накрыт маленький столик. Бархатистая, глубокого синего цвета, с поблёскивающими то здесь, то там крошечными звёздочками, – она казалась почти волшебной. Ей бы реять флагом, а не устилать здесь столик. Но так уж, видно, повезло.

Феликс, притихший после долгого насыщенного вечера, стоял, прислонясь к стене, и задумчиво чиркал зажигалкой. Раз за разом из неё извлекался маленький хрупкий огонёк.

– А чего Уля сегодня не появился?

– Уля? Ты знаешь, у него был какой-то любопытный план... – откликнулся Гречаев. – Он в прошлый раз тут нам

рассказывал немного. Но этот план, как я понял, требует его присутствия в другом месте.

– Да? – оживился Феликс. – И что за план?

– Мм, видишь ли... Он взял с нас слово, что за пределами тогдашней нашей компании никто этого не узнает.

– Даже я?

– Думаю, да, – виновато произнёс Гречаев.

Феликс нахмурился:

– Что за дела? – фыркнул он. – Мы с ним друзья, в конце концов.

– Ну, понимаешь, у него могли быть свои причины... Он и нам-то на самом деле очень мало что сказал.

– Да уж конечно, были. Разумеется, были.

Поджав губы, Феликс замолчал и только включал и гасил зажигалку. Было видно, что его это сильно задело.

– Что инсайдер? – вполголоса, как бы между прочим, осведомился Гречаев.

Феликс покачал головой:

– Глухо.

– Нет новостей или нет возможности?

– Нет времени, я думаю.

Гречаев кивнул, отпил аккуратно немного чая.

– Это плохо.

– Да. Плохо, – согласился Феликс.

Лаванда не поняла, о чём они, да и вообще давно уже перестала понимать их разговор. Он был очень странным, пе-

реполненным неизвестными ей именами и неясными словечками, хотя оба участника, без сомнений, прекрасно друг друга понимали. Она уже хотела подняться и уйти куда-нибудь в другую комнату – вдруг там найдётся что-то поинтереснее, – но тут внезапно Гречаев повернулся к ней:

– Кстати, Лаванда... правильно я помню ваше имя? – да, Лаванда, так ли я всё понял: что вы можете воспользоваться мелом, но, так сказать, не горите желанием это делать?

– Так, – кивнула она хмуро.

– Но почему? Я вас не разубеждаю, – добавил он с предупредительной мягкой улыбкой. – Просто интересуюсь, какие мотивы вами в этом движут.

Лаванда искала более точную формулировку, но ничего помимо того, что она уже сказала, не придумалось:

– Я не хочу никого убивать, – повторила она.

– Даже если это очень плохой человек? – поинтересовался Гречаев. – Если он несёт много зла и горя? Я сейчас чисто теоретически, – он снова предупредительно улыбнулся.

Лаванда замялась и опустила взгляд:

– Мы же никогда не знаем точно, кто их несёт. Все несут в какой-то степени.

– Вы, несомненно, правы... только кто-то больше, кто-то меньше, – поддакнул Гречаев.

– Но где оно, это «больше»? Насколько должно быть больше, чтоб обвинить вообще во всём?

Лаванда вскинула взгляд на собеседника в тайной надеж-

де, что у него есть ответ, но тот только смотрел внимательно и молчал.

– Я думала о Нонине, – она снова опустила глаза, – и обо всём этом. И когда я пытаюсь думать о ней, о том, что она делает и зачем она делает это... Я натываюсь каждый раз на то, что она всего лишь человек. Не дьявол, попавший на землю, не исчадие зла... А просто человек. Со своими слабостями, со своими симпатиями и антипатиями, со своими страхами, мечтами... И когда я вижу это, мне становится странно.

Она примолкла, без возможности пока объяснить.

– Отчего странно? – мягко подтолкнул Гречаев.

– Странно, что этот человек должен отвечать за всё. Будто он сродни богам. И не имеет права ни на какую ошибку.

Феликс презрительно фыркнул и чаще защёлкал зажигалкой:

– Нонине – вся сплошная ошибка.

– Феликс... – Гречаев воздел руку, как бы призывая того помолчать. Он по-прежнему с вниманием глядел на Лаванду.

(Феликс с недовольным видом сложил руки на груди и упрямо уставился за окно).

– Иногда мне кажется, – продолжала Лаванда, – что я почти понимаю, как это – быть ею... Чувствовать, как она чувствует, видеть так, как она видит. Всё это недолго – секунды на две, – а потом исчезает, и я ничего не могу вспомнить.

– И каким образом вы понимаете?

– Я... как будто оказываюсь на её месте, – она помолчала, затем кивнула с некоторой уверенностью. – Да, примерно так. Но это всегда быстро заканчивается.

– Угу, – понятиливо откликнулся Гречаев. – А не могли бы вы, скажем так, воспользоваться сейчас этой возможностью и, если это не секрет, рассказать нам, что получится?

Лаванда удивилась – никто ещё не принимал всерьёз подобные её признания – и одновременно смутилась:

– Но у меня никогда не получалось по собственному желанию... Только когда само. Я, конечно, могу попробовать, но не думаю, что что-то из этого выйдет.

– И всё-таки? – настойчиво произнёс Гречаев.

Лаванда без особой надежды мысленно сосредоточилась и собралась. Взгляд её устремился вдаль, поверх многоэтажек, по крышам которых полз закат. Но там ей не было ничего нужно: она пыталась поймать сейчас то едва уловимое чувство чужого присутствия, тонкое, как паутинка, как прозрачное стёклышко, но навязчиво возвращающееся к ней снова и снова.

Она застыла и не двигалась. Ничего не было, или это казалось, что ничего не было...

– Не обращай внимания, – через полминуты проговорил Феликс. – Лав просто постоянно чёрт знает что себе фантазирует – какие-то другие миры, какие-то с ними связи... Ну, понимаешь, детство за полярным кругом, заняться нечем. Пришлось отрастить воображение...

Волна нахлынула, накрыла с головой и ушла, будто и не было.

– У неё рука болит, – отчётливо проговорила Лаванда. – Левая. Очень сильно болит.

– Да? – тут же заинтересовался Гречаев. – А где именно, не чувствуете?

Лаванда медленно провела правой рукой вдоль левой.

– Здесь, – она прихватила повыше локтя. Затем отпустила и с удивлением посмотрела на своего собеседника: водная муть после той волны окончательно улеглась в голове и Лаванда теперь понять не могла, откуда взяла всё это.

Гречаев кивнул:

– Что ж, похоже на правду.

– В смысле? – Феликс резко оторвался от стены, отпустил и тут же перехватил зажигалку.

– Говорят, что у Нонине старое ранение, – не спеша начал Гречаев. – Как раз в левое плечо.

Феликс усмехнулся:

– Миф из той же серии, что её участие в южной войне?

– Н-нет... – протянул Гречаев. – Это не миф... По крайней мере, источники довольно достоверные.

– Какие же?

– Свидетельства очевидцев... Вроде бы Нонине временами появлялась с перевязанной рукой – как раз в период между захватом Чексина и тем, как её выбрали президентом. И даже где-то мелькают фотографии такого плана... А кроме

того, судя по тем же фотографиям и по воспоминаниям знавших её людей, Нонине была левшой. А вот после прихода к власти всегда управлялась исключительно правой. Странно, не правда ли?

Феликс раздражённо мотнул головой:

– Положим... Хотя я этому не особо верю. Но откуда это знает Лав?

Он как-то с подозрением поглядел на Лаванду. Та растерялась и только пожала плечами.

– «Откуда»... Ну, ты меня удивляешь, – заметил Гречаев. – Она может держать мел в руках, а ты спрашиваешь, как она могла что-то там узнать. Ты разве не помнишь, что по легенде воплотилось в меле?

Феликс зажёл и погасил зажигалку.

– Легенду я помню прекрасно, но причём тут это.

– Лунный мир, – настойчиво проговорил Гречаев. – Все эти невидимые ниточки, все эти связи всего со всем, всё общемировое, всё глубинное, то, чего мы обычно не чувствуем и не понимаем... Это мистика в высшем её проявлении. Она подвластна не всем, только исключительным людям – поэтам, художникам... Причём тоже не всем, даже и в их рядах это исключения.

Феликс со странной, выдавленной улыбкой смотрел куда-то в сторону:

– Так Лав, значит, великий поэт и художник... Серьёзно?

– Могла бы им стать, – уточнил Гречаев. – Что точно – она

настоящий мистик и, как мистик, видит многое...

– Лав. Лав – настоящий мистик и настоящее исключение, – Феликс хохотнул. – Смешно, – он щёлкнул с особой яростью и подпалил манжету. От неожиданности выронил зажигалку – она звякнула об пол – тут же подхватил её, она снова выскользнула из пальцев и упала второй раз. Феликс подхватил повторно; вставая, стукнулся о столик, но тут же выпрямился и спрятал зажигалку в карман. Взгляд его, окинувший Лаванду и Гречаева, говорил, что ничего не было и они ничего не видели.

– Феликс... – неодобрительно покачал головой хозяин квартиры. – Не нервничай так. Можно подумать, ты впервые сталкиваешься с мистикой.

– Кто нервничает? Я? Я спокоен, как последний гвоздь в гроб большого и светлого, – Феликс взмахнул руками и быстро вышел из комнаты. Из коридора ещё донёсся его голос. – Посмотрю, кому там ещё не хватило праздника жизни за вечер!

Его шаги затихли в направлении смутно долетавших сюда невнятных голосов.

Гречаев наклонился к уху Лаванды, тихо проговорил:

– Похоже, он вам завидует.

36.

Софи с непроницаемым выражением лица методично просматривала стопку бумаг, которые десять минут назад принесла ей Китти. Это была вся последняя пресса – и официальная, и та, которой вроде как не было. Здесь также нашлось место разнообразным объявлениям, афишам и вообще всему, что содержало напечатанное имя Нонине. Кедров сидел рядом. Слова ему пока не давали, и он молчал.

Молчание длилось уже довольно долго: Софи всегда всё просматривала очень тщательно. Если же какая-то статья заинтересовывала её особо, Софи прочитывала её от корки до корки, не пропуская ни буквы. Кедров давно подметил, что чаще это были те, что из запрещённых, дифирамбы госизданий, как правило, её не интересовали. Трудно сказать, почему: Софи редко комментировала написанное, иногда только бросала что-то вроде «какой бред» и брезгливо откладывала в сторону.

Теперь она, впрочем, не сказала и этого. Только отодвинула от себя стопку и холодно скомандовала:

– Китти. Теперь интернет.

Китти была уже здесь с новой пачкой бумаг. Аккуратно положив их перед Софи, она скользнула обратно в свой угол.

Похоже, это был не строгий текстовый отчёт, как обычно, а распечатки напрямую из сети. Софи перебрала несколь-

ко самых верхних листов, мельком взглянула на них, что-то подсмотрела в конце стопки.

– Нет, это... – с раздражением пробормотала она, затем сердито бросила бумаги о стол. – Я нихрена не понимаю, где тут что.

Китти тут же снова появилась рядом с ней.

– Здесь всё разложено по категориям, Ваше Величество. Смотрите: вот тут все статьи о вас, что есть в интернете, эти дублируются в печатных изданиях, а эти существуют только в электронном виде. Здесь распечатки с форума вашего личного фан-клуба: да, теперь у вас есть собственный клуб фанатов, он появился на днях. А здесь сообщения из Ленты...

Места за столом было не так много, всего только один угол комнаты, и Китти, показывая Софи распечатки, волей-неволей находилась у Кедрова за спиной. Он встал и переместился к окну – якобы чтоб посмотреть, что там, снаружи. Что там – впрочем, было отлично известно и так: частокол палок, когда-то бывший осинами Правительственного палисадника. Похоже, изначально чахлые деревца всё-таки не сумели пережить зиму. Ничего стоящего внимания Кедров в палисаднике не отметил, но продолжал стоять, опершись на подоконник. Софи и так попадала в поле зрения вместе со своей секретаршей.

– Что-то не так, Ваше Величество? Здесь Лента представлена в таком же виде, как она выглядит на мониторе, – как раз как вы хотели.

Софи с сомнением рассматривала листы с распечаткой бесконечного, казалось, разговора. На лице её отображалось презрение и непонимание.

– Это какая-то белиберда. Трёп без конца и начала.

Китти, склонившись к ней, тонкой изящной кистью указывала что-то на листах:

– Видите, здесь нужно читать снизу вверх: новые сообщения появляются в начале страницы и каждый раз сдвигают вниз предыдущие.

Софи нахмурилась:

– Что за бред? Какой нормальный человек будет читать текст с конца страницы, а не наоборот?

– Если вам будет так удобнее, я могу перенести сообщения в обратном порядке, но для этого придётся вмешиваться в изображение и менять его. Конечно, никто бы не допустил вмешательства в сам текст, но, чтобы у Вашего Величества не возникало лишних сомнений, я не стала вносить никаких изменений в первоначальный вид.

– Аа... – протянула Нонине, взглядываясь в бумаги.

– Прикажете переставить всё наоборот?

– Нет, не надо, – отмахнулась Софи. – Ты права, никакого вмешательства допускать нельзя. Иди, я сама разберусь.

Когда Китти заняла своё привычное место и превратилась в безмолвную тень, Кедров развернулся лицом к Софи и мог теперь видеть распечатку, которую она так же методично и так же бесстрастно читала.

Примерно в середине она остановилась и положила пачку на стол.

– Нет, ну... такие странные люди, – Софи с удивлённой улыбкой развела руками. – Живут в стране, которую практически я воссоздала, пользуются всеми благами, а потом я же у них кровавый тиран, я же у них крысиная королева. Да где бы они сейчас были, если бы не я?

– Я думаю, они не помнят, что было до тебя.

– Разумеется, не помнят, – снисходительно проговорила Софи. Она выудила из пачки сигарету и медленно, с видимым удовольствием её раскурила. – У людей вообще на удивление короткая и ненадёжная память. Поэтому они никогда ничему и не учатся. Даже повторение не помогает, – Софи задумчиво выпустила клуб дыма, мимолётным движением смахнула пустую пачку в корзину. – Китти, сигареты кончились.

Вернувшись к бумагам, Софи бегло просмотрела несколько листов, задержалась на одном из них и вдруг рассмеялась.

– А здесь, – она помахала листком, – они говорят, что наступил второй «демократический тоталитаризм», и сравнивают меня с его основателем. Нормально вот так, да?

Она снова рассмеялась.

– Прямо даже не знаю, откуда такое сравнение. Может, я тут кого-нибудь репрессировала? Может, у нас массовые расстрелы и ссылки на каторгу? Может, мне тоже память отказывает и что-то такое реально было? А?

– Нет, Софи, – она обладала странной манерой задавать вопросы с единственно верным и очевидным вариантом ответа и ждать этого ответа. Кедров никогда не понимал, зачем она это делает. Похоже, ей просто нравилось.

– Надо же, ввела законы и потребовала их соблюдать, – Софи возмущённо всплеснула руками. – Действительно, какая страшная тирания. На это-то как правитель страны я имею право... Или не имею? – последний вопрос был обращён к Китти, как раз положившей перед Софи новую пачку сигарет.

– Имеете, Ваше Величество.

Китти умела как-то так произносить подобные фразы, что они звучали без всякого подобострастия, как констатация объективных фактов.

Похоже, это благотворно подействовало на настроение Софи. Уже спокойнее она вытянула из первой стопки один из подпольных журналов и, пролистав, остановилась на одной из статей.

– Вот что им не так, я не понимаю? Вот этот хотя бы, Шершень, чего он бесится? Между прочим, – она оглянулась и посмотрела на Кедрова, – за всё, что он успел накропать на меня за эти десять лет, я бы вполне могла засадить его и по демократическим меркам. Но, заметь, я ему ничего не сделала.

– Может, потому и бесится, что не сделала?

– Может, – Софи пожала плечами.

– У меня давно такое чувство, что этот человек нарываяется на более жёсткие меры, – Кедров с убеждением заглядывал ей в глаза.

– Мм, – лениво кивнула Софи. – Ну, пусть нарываяется дальше.

– И ты ничего не предпримешь по этому поводу?

– Зачем? – она изящным жестом стряхнула пепел. – Мне он не мешает. Если вдруг что, устранить его – минутное дело. Но он, я думаю, прекрасно устранится и без моей помощи – как минимум политически.

Кедров не решился с ней спорить, но, видимо, вопрос в глазах она и так заметила и со смехом сунула ему раскрытый журнал.

– Вот, полюбуйся.

Он подошёл к столу Софи и взял журнал. Несколько раз пробежал взглядом статью, пытаясь уловить, на что же именно ему следовало полюбоваться.

Софи выжидательно смотрела на него, потом всё же решилась подсказать:

– Помнишь, как он писал раньше? Остроумно, хлёстко, всегда в самую точку... А это вот что? – она пренебрежительно махнула в сторону статьи. – Срывается уже в базарную ругань. Скоро станет писать, как все эти горлопаны, над которыми давно ржут свои же. Нервишки сдают у мальчика.

В её глазах пробежали такие чертенята при этих словах, что Кедров невольно усмехнулся:

– Не знал бы точно, подумал бы, что это что-то личное.

Софи спокойно покачала головой:

– Чисто спортивный интерес. Любопытно посмотреть, на сколько его ещё хватит. Он там, в частности, писал, что они в любом случае дождутся и переживут меня... Как бы не так, – глядя сквозь пространство и время, Софи улыбнулась. – Это я их переживу. Я вас всех переживу, – с саркастическим прищуром бросила взгляд на Китти. – Даже за граница не поможет.

Она затянулась уже новой сигаретой и закашлялась. Кедров никак не мог сообразить, кто сейчас рядом с ним: старый друг, которого следует похлопать по спине, или Верховный Правитель, которого нельзя касаться руками. Но, пока он думал, та уже откашлялась сама. Кедров всё же заметил:

– Ты слишком много куришь, Софи.

Она только отмахнулась:

– Кто бы говорил.

37.

Вдалеке раздавался приглушённый ропот: те, кого удалось собрать, подошли к главному входу резиденции Чексина, это на них сейчас отвлеклась охрана. Конечно, не стоило надеяться, что все люди президента там, наверняка много их рассыпано по всем помещениям, да и при самом Чексине так или иначе должны быть телохранители. Но проникнуть в здание, воспользовавшись шумом, удалось.

Свет тускло горел в служебных коридорах. Некоторые лампы нервно моргали и никак не могли проморгаться. Похоже, разруха и запустение дотянулись и досюда.

Софи остановилась на углу, быстрым взглядом окинула протянувшийся впереди коридор. Она знала, куда идти теперь, чтобы добраться до искомого, но для этого придётся подойти близко к покоям президента. А значит, вероятность встречи с охраной возрастала.

Что-то грохнуло в той стороне, где был главный вход. То ли там открыли двери – внутрь или наружу, – то ли что, но только крики стали отчётливее, кто-то забегал.

Теперь всё нужно было делать очень быстро, время побежало секундами.

– Так, – Софи обернулась к товарищам, – двигайтесь к главному входу, по возможности расползайтесь вширь. Сейчас нужно ударить со спины. Эндрю, ты за главного. Я вас

прикрою.

Объявлено это было так быстро и настолько безапелляционно, что им даже не пришло в голову спорить. И потом, разве не Волчонок давно уже стала среди них негласным командиром.

Один за другим вся дюжина скрылась в коридорах. Софи же достала револьвер и двинулась совсем другим путём. Пока её соратники заварят бой, она доберётся до угла – и тогда всё, победа за ними.

Она продвигалась осторожно, быстрыми перебежками от одного выступа стены к другому. Револьвер она держала наготове в левой руке. Что-что, а стреляла Софи прекрасно: какое бы ни перепало тебе оружие, выжимать из него надо максимум.

Впереди коридор выходил на обставленную пожилому комнату. Здесь? Софи замерла и чутко прислушалась. Только шум большого побоища вдалеке, тут же, казалось, никого не было.

Решив рискнуть, она быстро подобралась к дверям комнаты и с порога окинула взглядом помещение. Никого нет. Действительно, жилая комната: какие-то шкафы, стулья, по центру – стол. А на столе...

Софи подалась вперёд, забыв об осторожности. Там среди кип бумаг, каких-то шкатулок, канцелярии и прочего хлама лежал он – колдовской уничтожающий уголь. Неприметный совсем, чёрный кусочек – один рывок, и он будет у неё в ру-

ке. А потом не столь важно, можно даже покидать поле боя: Чексин без угля – ничто.

Быстро, пока не пришли и не помешали, Софи перебежала к столу, свободной правой рукой ухватила уголь и спрятала себе в карман.

Торжество и близость победы несколько притупили внимание, поэтому звук приближающихся шагов Софи услышала не сразу. На появление людей в поле бокового зрения она, конечно, среагировала и вскинула револьвер, но немного поздно: телохранитель успел выстрелить первым.

Резкая боль опрокинула Софи на пол, она выронила оружие. Впрочем, это было не смертельно и вообще не имело значения: ещё можно дотянуться до револьвера правой рукой, пока Чексин и его люди только приближаются.

Но револьвер упал слишком далеко, и Софи даже вытянутой до предела рукой не могла достать его со своего места. Чексин, в отличие от неё уверенно передвигавшийся на двух ногах, дошёл раньше. Подобрал револьвер, он присел на корточки перед Софи – высокий и ловкий, чёрный ягуар.

– Ну что, допрыгалась? – тихо и жёстко спросил он. – Где остальные?

Софи услышала его, но сейчас она всё равно не смогла бы ответить: только глубоко вдыхать воздух в попытке побороть хотя бы некстати надвигавшуюся черноту. В этот момент громыхнуло где-то в правом крыле, будто от взрыва. Нет, ей не показалось: Чексин вскочил и в тревоге обернул-

ся в сторону шума. Из коридора в комнату вбежали двое его людей.

– Мы их заблокировали на складе, но они пытаются прорваться! – крикнул один. – У них оружие, а с улицы прибывают ещё!

Второй подхватил:

– Их можно ликвидировать, не лучше...

– Чёрт... – Чексин метнулся к выходу. – Мне нужны живые. Все к складу!

– А с ней что делать? – один из них кивнул на Софи.

– С ней... Не знаю, в подвал засуньте, – Чексин явно очень торопился.

– Но там же... звери...

– Похрен на них! Нет времени! – проорал он и вместе со своими людьми умчался прочь.

Примерно в это же время звуки перешли в неравномерный шум, а перед глазами начало расплываться марево. Софи смутно осознала, что её подхватили под руки с обеих сторон и куда-то повели.

Её втолкнули в тёмное прохладное помещение – по инерции Софи повело влево и впечатало в стену – и звякнули дверями за спиной. Удар вызвал вторую вспышку боли, Софи вновь опустилась на пол. Теперь этому никто не помешал, и это было кстати: её сильно мутило и всё, на что она была сейчас способна, это ничего не делать ближайшие несколько минут. Наконец с трудом, но она смогла приоткрыть глаза и

попыталась рассмотреть, что вокруг. Всё плавало цветными пятнами. О левой руке лучше было вообще не думать и воспринимать её как посторонний предмет.

Через некоторое время марево чуть рассеялось, и Софи увидела невдалеке тёмную тупоносую мордочку и два чёрных маленьких глаза.

– Крыса, – констатировала Софи. Теперь, когда она смогла различать и более отдалённые предметы, ясно стало, что мордочка не одна: такие же подтягивались из завалов мешков и ящиков. – Что-то вас много.

Она снова почувствовала приближение черноты. В каком-то смысле это было бы даже хорошо: лечь прямо здесь и отключиться от всего. Тогда уже ничего не будет иметь значения.

«Так, не вздумай. Это худшее, что ты сейчас можешь сделать».

Софи вновь открыла глаза и попыталась сфокусироваться на ближайшей мордочке, чтоб всё не начало расплываться.

О крысах, живущих в подвалах резиденции, ходили городские легенды. Говорили, что звери рыскают по ним огромными голодными стаями. Чем может прокормиться тут такое их количество, оставалось неясным, и по этому поводу тоже возникали разные мрачные предположения.

По крайней мере, сейчас они стекались сюда явно не из праздного любопытства. Софи обвела взглядом эту толпу.

– Ну, что смотрите? – хрипло заговорила она со зверями. –

Голодные? Жрать хотите?

Конечно, хотят. Это Софи понимала и даже в чём-то сочувствовала. Все сейчас хотят того же.

«Так, соображай. Дверь заперта, выломать не получится. Но в постройках такого типа (резиденция построена в конце прошлого века) часто делали технические коридоры между подвалами и верхними помещениями. И если так, то тут где-то должен быть второй выход».

Софи оторвала взгляд от крыс и осмотрелась по сторонам, медленно поворачивая голову. И точно – в глубине виднелась ещё одна дверь, закрытая шиферной перегородкой.

Насколько возможно точно Софи восстановила в голове план резиденции. Похоже было, да и по логике вещей выходило правдоподобно, что наклонным ходом подвал соединялся с тем самым продуктовым складом, где сейчас должен был происходить главный бой. Отлично.

Софи тяжело поднялась, пошатнулась, оперлась о стенку. – Меня одну жрать невыгодно, – пробормотала она. – Сейчас... Сейчас я вас накормлю.

Она уняла дурноту и нетвёрдыми движениями переместилась вглубь подвала, к двери. Несколько шагов – и можно было прислониться к прохладным рёбрам шифера и даже закрыть глаза на несколько секунд.

Секунд, а не минут. Крысиный писк за спиной усилился, он становился требовательным и ожесточённым.

Софи открыла глаза и с недоумением осмотрела дверь.

– А открыть-то её как?

Обычно, вспомнила она, для этого нужно дёрнуть за специальный шнурок или нажать специальную кнопку. Что-то из них должно быть поблизости. Да, вот и шнурок, наверху. Значит, дверь старой конструкции и открывается механически.

«Только он, похоже, слишком высоко».

Софи задрала голову: шнурок висел почти под потолком. Если встать на цыпочки и тянуться изо всех сил, возможно, получится достать, и то не факт.

«Но даже если я дотянусь до шнурка, то только до кончика. Как следует ухватиться и рвануть вниз не получится».

Разве что... Если подпрыгнуть, схватить обеими руками и повиснуть на нём – тогда может быть.

Софи с сомнением покосилась на левую руку: явно в не самом рабочем состоянии, рукав выше локтя уже весь залит кровью. Неудивительно, что так оживились крысы: чувствуют, что добыча ранена и на грани отключки, что скоро не сможет им мешать.

«А собственно, что я сейчас теряю?»

Решившись, Софи вскарабкалась по сваленным у стены мешкам: оттуда ближе было бы прыгать. Несколько раз она теряла равновесие, но всё же забралась наверх и смогла опереться на ровную поверхность стены.

– Сейчас, подождите... Ещё чуть-чуть.

Она развернулась и выпрямилась. Теперь шнурок висел

почти перед глазами. Оставалось последнее...

Пытаясь ни о чём не думать, Софи прыгнула и крепко вцепилась в верёвку. Сейчас надо было только продержаться на ней, продержаться, пока дверь не откроется, и ни в коем случае не отпускать.

Сначала ничего не произошло, но затем под тяжестью Софи дверь всё-таки поддалась и медленно уехала наверх. Саму же Софи плавно опустило обратно на мешки, а шнурок выскользнул у неё из рук.

Сквозь сгущающуюся черноту она ещё успела заметить, как открылся коридор за дверью и как крысы серым потоком устремились туда.

«Вот теперь всё как надо... Я сделала всё как надо».

Она скатилась с мешков на пол и отключилась.

Усилиями соратников Нонине и – в какой-то мере – их сторонников, что пришли к дверям резиденции, охрана Чексина была нейтрализована, а сам Чексин – взят в плен. Сыграли свою роль и крысы, высыпавшие в самый разгар боя как из-под земли. Наверно, они были привлечены запахом съестного, доносящимся со склада, но первые произвольные выстрелы по стае разъярили их, и крысы атаковали, внеся смятение. Этим и воспользовались повстанцы.

Софи чуть позже обнаружили на полу подвала её друзья. Они привели её в чувство и готовы были на руках нести ту-

да, где ей смогут оказать помощь. Софи однако ощущала себя не так плохо и никуда особо не торопилась. Сначала она изъявила желание осмотреть поле боя. На складе, взглянув мельком на оставшихся здесь подстреленных крыс, она сказала, что ей непременно нужна мантия из их шкур. Андрей Кедров заверил, что проследит за этим. (Он, правда, посчитал тогда, что у Волчонка просто горячка, но за выполнением поручения действительно проследил).

Затем Софи сказала, что хочет видеть Чексина.

Эдуард Чексин вместе с теми из телохранителей, что были взяты живыми, сидел, связанный и приваленный к стене, в одной из комнат. Длинный, нескладный, в потрёпанном костюме, он угрюмо молчал и не смотрел на проходивших мимо. Он вскинул взгляд, только когда в дверях комнаты появилась Нонине.

Они молча посмотрели один на другого.

Софи жестом остановила поддерживавших её Кедрова и Аметистова: сама она ещё нетвёрдо держалась на ногах и была заметно бледнее, чем это положено в норме. Левая рука была наскоро перевязана какой-то тряпкой.

В тишине Софи приблизилась к Чексину и, присев перед ним на корточки, холодно произнесла:

– Револьвер, гражданин.

38.

Они возвращались домой уже за полночь. Лаванда предложила было сесть на попутный трамвай, раз уж они засиделись, но Феликс категорично и даже как-то яростно отказался, заявив, что она может ехать одна, если хочет. Видимо, это действительно было делом принципа.

Но, похоже, не только. Лаванда чувствовала, что какая-то недоговорённость повисла между ними. Феликс всю дорогу угрюмо молчал, это было непривычно и тревожило.

Пальцы нащупали кусочек мела в кармане куртки – плоский ровный кругляш. Гречаев всё же уговорил её взять мел себе, хоть она и дала понять, что не напишет ничьё имя. Но он был так обходителен и так, казалось, во всём согласен с Лавандой, что ей было уже как-то неудобно отказать. («Мало ли, какой-нибудь форс-мажор, и вдруг вы... Ну, если даже и нет, никому из нас он всё равно не дастся в любом случае»).

– Ты злишься, что я сказала, что не буду ничего им писать? – решила она прервать молчание.

– Нет.

Они прошли ещё немного.

– Тогда что?

– Ничего.

Это «ничего» звучало совсем фальшиво. Феликс мог упорно чего-то не говорить, но лгал он куда хуже.

Не зная, откуда подступиться, Лаванда вспомнила один вопрос, который уже возникал у неё, но остался только в мыслях.

– А откуда вы знаете, что только я смогу его использовать? Вы пробовали?

– Пробовали. Он не даётся в руки.

– В каком смысле?

– В буквальном, – пробурчал Феликс. – Нагревается так, что невозможно держать, бьёт током, или просто от него сводит пальцы.

– И... преодолеть это никак нельзя, да?

– Один из нас пробовал, – Феликс помрачнел ещё больше. – Когда Нонине сменила титул. Он сказал, что ему плевать на себя и что её имя он запишет, как бы там ни было. И когда он начал, этот чёртов камень сдетонировал.

– Что сделал? – не поняла Лаванда.

– Устроил взрыв. Сам мел, впрочем, остался как был, – Феликс нервно рассмеялся. – Ему это ничуть не повредило.

– А тот... – догадалась Лаванда.

– Он погиб. Его звали Петер Роткрафтов. Это был очень смелый человек.

Феликс замолчал снова. По его лицу было заметно, что помнит он куда больше, чем сейчас сказал, и воспоминания эти ему не нравятся.

Несколько минут, и он прервал молчание уже сам, вздрившись на Лаванду:

– Тебя только и просят, что написать её имя. Одно только имя – даже не стих какой-нибудь. Вот что тебе стоит?

– Я просто пытаюсь не вмешиваться, – попробовала объяснить она. Феликс только отвернулся. – Я вообще стараюсь никуда не вмешиваться слишком сильно и не влиять на события, особенно так кардинально. Это всё-таки... убийство... Хотя и с благими целями, может, но всё равно, убийство живого человека.

Он не ответил и только шагал всё быстрее и быстрее, как бы позабыв, что кто-то идёт рядом.

– Послушай, – Лаванда очень пыталась не отставать. – Может, действительно правильнее было бы сделать так, чем ничего не делать, но я-то не знаю точно. А если нет? Я всю жизнь... всю жизнь вот так смотрела вокруг: что происходит, как всё движется... Люди бегают, что-то делают, что-то меняют... А я не понимаю, как у них так выходит. Только смотрю на них и думаю, какие они забавные или как они прекрасны. Как вообще всё здорово получается, одно цепляется за другое и к чему-то приводит, и всё это как будто случайно, но на самом деле так точно и чётко, как налаженный механизм. Но если вмешаюсь я... если я тоже попробую что-то делать... вдруг я всё испорчу?

Она взглянула на Феликса в надежде обнаружить хотя бы частичное понимание всей её запутанной и сбитой речи. Тот упрямо смотрел в землю. Наконец негромко, сквозь зубы он проговорил:

– Прожить сто лет, двести лет и ни разу ни во что не вмешаться? Да, чудесная перспектива. Пусть гибнут люди, пусть вокруг творится ад кромешный – главное, я тут буду не при чём.

– Я просто боюсь ошибиться. Боюсь что-то не так понять и сделать неправильно. Ведь это – шаг вправо, шаг влево.

– Боишься, будут последствия? – Феликс чуть усмехнулся.

– Нет, не этого. Самой ошибки.

– Самой ошибки... Но если в каких-то вещах не может быть ошибки? Если они очевидны, как дважды два четыре?

– А если не четыре?

Феликс с каким-то даже любопытством взглянул на неё:

– Не четыре?

– Ну... всё может быть.

– Ну, если всё...

Он замолчал и со странной улыбкой продолжил смотреть на булыжники мостовой.

Ещё минута или две молчания. Феликс шёл уже совсем быстро, и Лаванда не успевала за ним.

– Ненавижу, – вдруг тихо пробормотал он, – ненавижу это ваше приспособленчество. В любом обществе, при любой власти, на любых условиях... Пристроиться, облюбовать местечко потише и сказать, что всё нормально, покатит... Замолчать любую мерзость, любую подлость, любое... Да всё, всё оправдать, потому что «ладно, живём же!» Знаешь, что это, Лав? Не оптимизм, не здравый смысл и не доброта, нет.

Это трусость. Привычная уже, повсеместная трусость, страх отвечать за то, что делаешь и говоришь, за свою мелкую пустую жизнь.

При последних словах Лаванда прекратила за ним шагать.

– А принципиально ни с чем не соглашаться, конечно, лучше, да, Феликс?

Он остановился и оглянулся на неё.

– Скажи уж честно: тебе ведь пофиг, кто у власти, лишь бы можно было бороться с ним и объявить протест, – Лаванда понимала, что говорит, пожалуй, больше, чем следовало бы, но уже плохо контролировала себя. – Причём здесь вообще Нонине, если ты тупо против всего мира!

Бросив это, она быстрым шагом пошла прочь – куда-то в другую сторону, она и сама не знала, куда точно. Просто хотелось подальше от этого человека.

– Лав, – донёсся из-за спины голос Феликса. Она остановилась.

– Здесь лучше не ходить по ночам одной, – сказал он спокойно и даже примирительно. – Нехороший район.

Лаванда чуть обернулась, но возвращаться не спешила: обида ещё не ушла полностью. В итоге Феликс подошёл к ней сам и приобнял одной рукой за плечи.

– Ну, не будем же мы ссориться из-за мировоззренческих разногласий, – он вдруг чему-то улыбнулся. – Знаешь, один милый человек мне уже доказывал примерно то же, что и ты. Как-то мы не сильно друг друга переубедили, – он оглянулся

по сторонам. – Ну что, пошли? Тут действительно не очень хорошо находиться после полуночи.

Феликс двинулся вперёд, за руку увлекая её за собой. Лаванда, высказав всё, что хотела, позволила теперь вести себя.

– И, Лав, пожалуйста... Когда мы на улице, не произноси так громко имена. Хорошо?

39.

Около часа ночи Софи всё же отпустила его. Похоже, ей что-то не давало покоя – она не говорила, что именно, – и потому понадобилось сверять и перепроверять все дневные и недельные отчёты, что-то выспрашивать, требовать объяснений и доказательств. Наконец, видимо, получив то, что хотела, она махнула рукой и лениво проронила, что Кедров может идти.

Сама Софи заканчивать ещё не собиралась, а значит, и Китти Башева была на месте. Когда Кедров проходил мимо её стола, она подняла голову от компьютера и дежурно улыбнулась:

– До завтра, господин Кедров.

– До завтра, Китти, – пробормотал он, мельком на неё покосившись.

Было в Китти что-то очень неприятное, что не поддавалось словесному определению. Она была вся какая-то слишком лаково-глянцевая, слишком плавно-изящная, слишком безупречно вежливая. Казалось, начнишь за окном светопреставление, она точно так же подойдёт со своей обычной улыбочкой и так же спокойно осведомится, не нужно ли вам чего-нибудь.

И что-то ещё – скользкое, ненадёжное. Бывают такие люди. Его прадед, Виталий Кедров, каким-то чудом отделав-

шийся несколькими годами тюрьмы после смерти правителя, иногда рассказывал о прошедших годах, когда ещё был жив и что-то соображал. Кедров запомнил, как прадед говорил о ком-то из своих бывших коллег: «Вот он вроде бы свой, держится всегда с тобой так почтительно и всегда мило тебе улыбается, но ты понимаешь, чувствуешь каким-то местом, что это такая змеюка, с которой даже тебе лучше не иметь никаких дел».

Впрочем, Кедров понимал, что для его неприязни к Китти она сама почти ничего не сделала. Не любил он её главным образом потому, что она сменила Георга Аметистова, когда он... скажем, когда он покинул их компанию.

Георг Аметистов, самый младший из дюжины парней, почти сверстник Волчонка, исполнял обязанности личного секретаря Нонине и по совместительству был её голосом на телевидении и большинстве конференций, когда Софи начала избегать камер. Примерно тогда же появилась «Главная линия», и в народном сознании Аметистов стал чем-то вроде первого диктора страны, как позже Китти Башева. Преданный, как и все они, общему делу и их новому государству, он прекрасно справлялся с работой и был хорошим товарищем. Он просто один раз ошибся. Что ж... с кем не бывает.

Это было через несколько месяцев после принятия Нонине нового титула, когда из-за напряжения межгосударственных отношений почти накрылся импорт.

Они всей компанией устроились в комнате Софи, в её ре-

зиденции. Тогда для этого ещё не нужен был повод: почему бы старым друзьям не собраться и не обсудить все дела сообща, пусть даже в слегка уменьшенном количестве.

Аметистов проглядывал только что набросанные рукой Софи тезисы: то, что ему требовалось в красивой и убедительной форме рассказать телезрителям в ближайшем выпуске «Главной линии».

– Отечественное производство удовлетворило население? – он поднял голову от бумаги. – Излишек идёт на экспорт?

Софи, покуривая сигарету, стояла у окна и смотрела на вечеряющий город снаружи.

– Да, – она не обернулась.

– Но ведь это... не так.

На лицах компании отобразилось красноречивое «тсс! ты соображаешь?», «заткнись, идиот!» (Над всеми ещё маячил призрак недавнего суда). Но у Софи, похоже, было хорошее настроение.

– И что? – она только пожала плечами. – Если они будут думать, что это так, никто не заметит разницы.

– Как можно не заметить, если... Ты хоть знаешь, что сейчас творится в глубинке?

Софи отложила сигарету.

– Послушай, Георг. Это моя страна, а значит – моя реальность. Если я скажу, что для счастья и процветания есть все возможности, они *должны быть* счастливы. Как считаешь?

Аметистов не сразу ответил. Вместо того, чтоб согласиться, он начал вставать, сел обратно. Ещё раз пересмотрел тезисы, затем всё-таки встал и подошёл к Нонине на несколько шагов.

– Софи, ты... Что за чёртов эксперимент ты проводишь? – он вдруг сорвался на крик. – Они люди, Софи, они живые люди, а не твои лабораторные мыши, чтоб ты их жрала, как грёбаная паучиха!

А вот это было уже нарушением табу.

Софи мгновенно развернулась:

– *Что?*

Аметистов, видимо, и сам понял, что перешёл черту, но немного поздно.

– Ничего... – он как-то весь сник. – Ничего, Ваше Величество.

– Нет, повтори, что ты сказал.

– Совсем ничего, не обращайтесь внимания.

Он попятился к двери. Софи же отодвинулась от окна и перешла в наступление.

– Нет, я слышала, – она надвигалась на Аметистова. – Поясни теперь, пожалуйста, последнюю фразу. Так какие это эксперименты я провожу?

– Никаких... Я не так выразился.

– И определись уже, кем ты меня обзываешь – экспериментатором или паучихой. А то у тебя получается логическая неувязка.

– Ваше Величество, – Аметистов остановился и теперь просто как-то просяще смотрел на неё. – Ваше Величество, я не это имел в виду. Беру свои слова обратно.

– Ах, он не это имел в виду, – задумчиво повторила Софи и отошла обратно к окну, словно утратила к происходящему всякий интерес.

Затем вдруг, разозлившись, снова повернулась к ним всем:

– Да что ж вы постоянно имеете в виду что-то не то! Как мне говорить с вами, если вы сначала утверждаете одно, а через секунду – совсем другое?

Звонящее безмолвие повисло в кабинете. Наконец в нём послышался чуть различимый голос Аметистова:

– Ваше Величество... разрешите, я приступлю к обязанностям?

– Иди, – Софи махнула рукой и устало отвернулась.

Когда за Аметистовым захлопнулась дверь, Нонине снова взяла сигарету. Пару раз глубоко затянулась.

– Клевета, – произнесла она очень тихо, но отчётливо.

Кто-то начал:

– Софи...

– Клевета, ложь и провокация! – она гневно сверкнула на них глазами.

Снова повисло напряжённое молчание.

– Тоже все можете идти, – хмуро проговорила Софи. – Я позову, когда понадобится, – друг за другом они двинулись

к выходу. – Эндрю. Ты останься.

Кедров остановился и подошёл поближе, держась, однако, на почтительном расстоянии.

Софи, правда, не начала говорить, пока не докурила сигарету. Кедров заметил, что рука у неё немного дрожала.

– Вот что, Эндрю, – наконец обратилась она к нему. – Подними мне дела всех студентов ГУЖа последнего выпуска.

– Будет сделано.

– Чувствую, мне потребуется новый секретарь, – она чуть улыбнулась, затем добавила с характерной ехидцей. – Этот испортился.

Так появилась в их компании Китти Башева. Пришла со стороны, не пройдя ни йоту общего их нелёгкого пути, и как-то сразу получила особое доверие Софи, неизвестно за что.

Что же касается Аметистова, то даже не пришлось разбираться с его отставкой. Следующим же вечером Георг Аметистов погиб в автокатастрофе: на неосвещённой трассе его машина влетела в междугородний автобус и разбилась всмятку. Какая нелепость... Сам всегда говорил, что избегает тёмных дорог: боялся не справиться с управлением.

Кедров даже чуть-чуть жалел его: понятно было, что парень просто сорвался. Вроде бы его родные как раз проживали где-то в глубинке...

Но люди, которыми окружала себя Софи Нонине, не имели права на ошибку.

40.

Лаванда положила мел в тумбочку около кресла-кровати, на котором спала теперь. Что-то подсказывало, что место достаточно надёжное: средний ящик, сразу за коробкой из-под какого-то старого подарка.

Время было очень позднее, Лаванда устала и собиралась уже лечь спать, но из кабинета Феликса шёл приглушённый свет, и ей стало интересно. Решив, что не сможет сильно помешать, Лаванда заглянула в ту комнату.

Феликс сидел, откинувшись, в кресле. Весь вид его выражал какую-то усталую небрежность. Он читал, неяркий свет лампы отбрасывал на него размытый круг.

– А почему ты ещё не спишь? – удивилась Лаванда. Прошедший день был долгим и перенасыщенным.

Феликс приподнял на неё взгляд.

– Не знаю, что-то не спится, – он посмотрел на окно и чуть усмехнулся. – «Ведь нынче луна».

Лаванда не поняла и ничего потому не ответила.

– Я тут думал про то, о чём мы говорили, – медленно продолжил Феликс. – И о том, что я сам говорил на сходке. Когда я сказал, что не позову их под окна резиденции. Знаешь, почему? Не только потому, что это ничего не даст, хотя и поэтому тоже. Мне просто точно известно, что они за мной не пойдут.

– А откуда тебе известно?

Он чуть слышно рассмеялся и вместо ответа приподнял том, который читал.

– Знаешь, о чём эта книга? О Великой войне. Тут рассказывается про кучку молодых ребят, они были знакомы ещё с детства. На войну их не взяли, они не проходили по возрасту. Но когда враги дошли до их селения, они заделались партизанами и боролись как могли. В итоге все они погибли. Так вот, это были великие люди. А я – нет.

Лаванда покачала головой:

– Но ведь двадцать семь – это не конец жизни. Откуда ты знаешь, что ещё успеешь сделать и совершить. Возможности у тебя есть.

Феликс скептически улыбнулся:

– Ещё в студенчестве... Нонине тогда только недавно пришла к власти, но я уже предчувствовал, что будет примерно так, как сейчас... Так вот, тогда я считал, что, как только она перейдёт черту, я восстану против неё открыто и, скорее всего, погибну на баррикадах. Правда, смешно?

Лаванде это не казалось смешным, поэтому она промолчала.

Пренебрежительно скривив рот, Феликс продолжал:

– По нашим временам и вот так в одиночку – это даже не бессмысленный героизм. Это смешно и глупо, – он вдруг посмотрел в глаза Лаванде. – Предположим, я сейчас умру... Допустим, Нонине достанет свой уголь. Ведь очень скоро обо

мне никто и не вспомнит. Потому что кто я такой, в конце концов? Мелкий строчитель агиток, профессиональный громыхатель оружием – притом бутафорским. Ни на что повлиять, ничего реально *сделать* или устроить так, чтоб сделали, я не могу. Неспособен. Главред вот, правда, сегодня говорил, что у меня талант, – он снова усмехнулся. – Но это только на фоне нашей шарашки. В историческом контексте я никто.

Было странно слышать от него всё это. Феликс не был чужд самоиронии, но за таким методичным втаптыванием себя в грязь Лаванда его прежде не замечала.

– Но ведь, – неуверенно начала она, – многие хорошие люди не попали в историю. Это же не значит, что они жили зря. Да, они не совершили ничего великого, они просто... – она задумалась, – просто...

– Просто жили? – улыбнулся Феликс.

– Да, – закивала она, подхватив правильное слово. – Да, просто жили. Обустроивали свои дома, заботились о детях и родителях, читали книги... рисовали и мастерили украшения... и поддерживали друг друга. Просто делали что-то хорошее. Разве это мало?

– Тебе этого достаточно, да, Лав? Тебе этого хватает. Такой маленький уютный мирок, где всё спокойно и привычно. Можно просидеть в нём века и быть обычным хорошим человеком. Тебе хватает и этого?

Лаванда замялась: это было про неё и не про неё одновременно, а объяснять про земную жизнь и про сферы, про всю

их тонкую взаимосвязь было бы долго и слишком трудно.

– А мне – нет, – Феликс мотнул головой. – Мне всегда хотелось чего-то ещё, чего-то большего... «Просто жить» – это ведь так бессмысленно. Такое ощущение, что бредёшь куда-то – без конца, без цели, по сторонам иногда маячит какая-то муть и снова исчезает и только ты всё идёшь и идёшь, а вокруг ничего, до самого горизонта. Если это и есть «просто жизнь», то зачем она вообще нужна: что она есть, что её нет. И сколько так?..

Закончил он почти шёпотом и затих. Лаванде было непонятно всё это: она только чувствовала, что тут есть что-то тёмное, гнетущее, что, наверно, преследует его с давних пор и что он обычно тщательно скрывает от всех вокруг.

– Но подумай, что ты нужен и другим людям.

– Кому? – рассмеялся Феликс. – Родителям? Они за границей, у них там своя жизнь. Ну ладно, надо, чтоб кто-нибудь отвечал им по телефону моим голосом, что всё в порядке, этого будет достаточно. Главреду? Он легко найдёт замену. Друзьям? Да какие мы друзья... Так, знакомые по интересам.

Лаванда задумалась: ей хотелось хоть как-то поддержать его, но чем – она не знала. Она плохо разбиралась в таких вещах.

– Но, может, ты кого-нибудь полюбишь? – попробовала она наугад. – Говорят, это иногда тоже придаёт всему смысл.

– Я... – начал Феликс и тут же сбился. Потёр переносицу,

встряхнул головой. – Неважно. Да и вообще всё это неважно, – он улыбнулся по-обычному задорно и чуть иронично. – Я и правда выпил больше, чем следовало, у меня теперь отходняк. Так что не обращай внимания. Тебе, наверно, пора спать? Уже сильно поздно.

– Да... наверно, – Лаванда кивнула и медленно вышла.

41.

Ей снился большой зал. Он был слегка похож на комнаты в конспиративной квартире, но Лаванда знала, что это на самом деле, хоть и не понимала, откуда ей известно. Перед ней раскинулись внутренние залы Дворца Культуры, каким он был в свои лучшие годы.

Здесь танцевали. Немые пары кружились под минорные и торжественные звуки вальса: люди разных времён и эпох, разных обществ и положений, иногда, казалось, знакомые друг с другом лишь случайно. Они скользили по узорным плитам пола – так легко, будто тени, – и бесконечными галереями уходили в глубины залов.

Краем глаза Лаванда заметила Феликса с какой-то девушкой в красном платье. Странно они вели себя друг с другом: это было скорее противостояние, чем танец, будто они никак не могли договориться о чём-то важном, но всё равно продолжали вращаться один вокруг другого. Лаванда не стала мешать им и двинулась дальше.

Звучала музыка, и сотни тысяч пар сливались в нескончаемом вальсе: такие разные, но словно бы совсем одинаковые. Лаванда проходила в одиночестве мимо них – невидимо, незаметно для глаз и потому без препятствий. Её здесь будто и не было вовсе, и это было удобно.

Неожиданно из кружащейся толпы вынырнула Софи Но-

нини, высокая, в длинном чёрном платье, рот ещё чему-то смеялся – чему-то, бывшему там, прежде, – а глаза уже уловили Лаванду и смотрели покровительственно.

Они стояли в метре друг от друга. Метре воздуха и свободного пространства.

– Ну здравствуй, Лаванда.

Она вскинула на Нонине взгляд исподлобья: встречаться глазами почему-то абсолютно не хотелось. Но заговорить, наверно, всё же стоило. Лаванда напомнила себе, что это сон, а значит, ничего не будет.

– Здравствуй, Софи.

Нонине величественно протянула ей узкую кисть:

– Дай руку.

Лаванда дала было, но тут же отдернула обратно.

– Зачем? – спросила она с подозрением.

Софи рассмеялась:

– Ну, ты же знаешь, это парный танец. Здесь по-другому нельзя.

Лаванда чуть отодвинулась:

– Я не умею танцевать.

– Я тоже. Это неважно, – и настойчиво повторила. – Дай руку.

Поколебавшись ещё чуть-чуть, Лаванда вложила свою ладонь в ладонь Нонине.

Миг – и они уже кружились в летящем вальсе, сквозь пространство и реальность, а музыка оглушительно грянула, за-

полняя всё.

Теперь, когда они были так близко, Лаванда не видела больше лица Софи. Зато из-за плеча, укрытого плащом из крысиных шкур, открывались огромные залы и фигуры людей, то проступавшие из дымки полутени и бликов, то вновь терявшиеся в ней.

– Кто они все? – спросила Лаванда.

– Просто люди. Маленькие и глупые – как все люди на земле. Ничего на самом деле не знают и не понимают и могут только танцевать свой собственный танец – всю жизнь.

– А почему они все парами?

– Потому что в жизни каждого оказывается человек, с которым они будто бы связаны невидимой нитью, и эту нить не разорвать. Часто это бывают влюблённые... Хотя совсем необязательно. Это могут быть и друзья, и просто знакомые, и даже смертельные враги. Неважно, как они относятся один к другому, но с какого-то момента они оказываются завязаны друг на друга, их жизни спаиваются, сплетаются в один узор: где первый, тут же и второй. И поэтому теперь они неразрывная пара и разделяют единый танец.

Мимо них проплыли двое: мужчина в сером городском костюме начала того века и женщина в длинном тёплом платье, с красным шарфом. Лаванда узнала их: обоих она видела на фотографиях.

– Значит, мы теперь тоже связаны? – спросила она.

– Да, Лаванда.

Софи вела её, утягивала в дымчатую бесконечность залов. Софи будто бы точно знала, что делать и как делать. Хотя почему «будто бы» – Софи знала. Софи брала на себя ответственность за все нелёгкие выборы и все перепутья, которые встретятся на дороге. Лаванде оставалось только следовать за её голосом и рукой, только отставить свои мысли и делать, что уже решено до неё, только раствориться и перестать существовать отдельно, и это было бы так легко и просто. Софи хотелось верить, Софи была близким, родным человеком, с которым хочется быть рядом, потому что от него идёт такое приятное тепло, делающее всё остальное неважным. И Лаванда поддавалась бы этому, если бы не одно неустранимое обстоятельство.

Она прекрасно помнила, что представившийся ей образ – ложь.

Она прекрасно помнила, кто такая Софи Нонине на самом деле.

Но откуда же та, вторая? Неужели только плод пропаганды и воображения? Неужели её нигде и никогда не существовало?

– Почему Софи? Почему ты такая?

– Какая – такая?

– Почему ты делаешь то, что делаешь? Мои знакомые рассказывали о тебе много плохого. Зачем тебе понадобилось всё это? Я бы...

(«Я бы сказала, что люблю тебя, если бы ты была тем заме-

чательным человеком, которым иногда представляешься», – этого она не сказала вслух).

– Они говорят неправду, – несколько рассеянно протянула Софи. – Выдумывают, клеветают на меня... Но ты-то им не веришь, ведь так?

Лаванда уловила чуть заметную фальшь в её голосе: Софи сейчас вела свою игру. Расставляя определённым образом повороты разговора, она делала так, что с ней хотелось согласиться. Но дневная память Лаванды всё отражала так же ясно.

– Я склонна им верить. Не могут ошибаться сразу столько человек.

– Почему же? Люди постоянно ошибаются. Никогда нельзя быть уверенным, что кто-либо во всём разобрался и всё правильно понял, что он не заблуждается и не видит всё иначе, чем в действительности. Сегодня кажется, что так, а завтра откроется, что совсем по-другому.

Лаванда с удивлением вслушалась в эти слова – где-то она слышала их уже. Вздохнула:

– Как раз вчера я пыталась доказать это одному человеку.

– Вот видишь, – умиротворяюще проговорила Софи, – мы с тобой ещё и единомышленники. А ты зачем-то делаешь вид, что враждуешь со мной.

Лаванда хотела что-то возразить, но поняла, что уже не угоняется за своими разбегающимися мыслями.

– Я запуталась.

Софи кивнула:

– Я тоже.

Звуки вальса укачивали и уносили от реальности, медленно усыпляли, стирая все привычные границы.

– Почему всё так, Софи? – шёпотом спросила Лаванда, сама не зная точно, что имеет в виду и почему думает, что та поймёт её.

Нонине вдруг заговорила вкрадчиво и почти ласково:

– Тебе ведь всегда не хватало родителей, правда, Лаванда?

– Да, – она машинально кивнула. – Я их почти не помню. Мне было года три, когда... – она вдруг оборвала себя, вспомнив, кто с ней говорит. – А откуда ты знаешь?

– А я всё про тебя знаю, – чуть лукаво ответила Софи. – Всё-всё. Даже то, чего ты сама не знаешь.

Музыка и кружение гипнотизировали и вводили в транс. Лаванда поняла это и хотела остановить: проснулся инстинкт самосохранения. Не слишком-то получилось, было несколько поздно. Она попыталась выдернуть руку из пальцев Софи.

– Отпусти меня.

– Зачем? – та не ослабила хватку.

– Потому что... потому что это неправильно... – пробор-мотала Лаванда, глаза у неё закрывались, она медленно проваливалась в сон во сне.

– Что именно неправильно? – в голосе Софи послышалась насмешка. – Полное попрание личных свобод? Один чело-

век не может решать всё за других?

– Ну да, как-то так.

– А разве это важно?

Лаванда подумала немного.

– Нет. Неважно, – она положила голову на плечо Софи, покрытое плащом из крысиных шкурок. Неуклонно, непреодолимо наступал сон... Вальс качал их в большой колыбели, и всё вокруг расплывалось ненужными блёклыми пятнами.

Софи, поддерживая её, заговорила негромко:

– Иногда я и сама сомневаюсь, так ли всё, как я думаю. Правильно ли я действую, или это только кажется. Толкаю ли я всех к общему благу или только веду игру в своих интересах. И я не знаю ответа... Ты должна меня понимать, Лаванда. Мы ведь с тобой так похожи.

– Мы похожи? – удивилась она.

– А разве нет?

Лаванда попробовала было обдумать это, но уже не получилось, и она сдалась до конца:

– Неважно.

– Да, – согласилась Софи. – Неважно.

Вальс увёл их в дымчатые дали залов...

Лаванда открыла глаза. Отдалённые звуки музыки ещё не стихли в ушах, и сначала она не могла понять, что произошло и где она находится. Впрочем, знакомые контуры быст-

ро проступили в темноте и опознались как гостиная в квартире Феликса, привычная и понятная.

Всё, что сейчас было, было сном... Или не совсем?

Что-то очень важное осталось там – что-то, что она помнила только что, а теперь забыла и не могла уловить снова. Лаванда села в постели и обернулась на тёмное окно.

Там мерцали одинокие рыжевато-жёлтые огни. Там где-то была настоящая Софи Нонине. Но где сейчас была Софи? Что она делала?

Только ветер звучал в ответ.

42.

Незаметным в темноте силуэтом Софи продвигалась вдоль по широкой ринордийской улице. Ветер нёсся вслед за ней, изредка подхватывая то прошлогодние листья, то городской мусор, он свистел у Софи за ушами, путался в тёмных космах волос, бился с полами крысиного плаща и распахи-вал их, как крылья. Ей не было дела: она бежала всё дальше и дальше, оставляя позади мертвенное молчание проспектов и перекрёстков. Кто-то, возможно, принял бы её за нечело-веческое создание, порождение подворотен столицы, её ста-рых кирпичных стен и больной фантазии. Софи не было де-ла и до этого.

Только что она окончила сегодняшнюю проверку Андрея Кедрова, проследив весь его путь и каждый шаг. Пока ре-зультаты вполне удовлетворяли Софи: Кедров никуда не сво-рачивал по дороге домой и ни с кем не разговаривал, а придя к себе, практически сразу свалился на кушетку и вырубился. Отлично. Грузить и дальше по полной – и у него просто не останется времени на всякие антиправительственные планы, если вдруг они были или собирались появиться.

Какое-то приятное чувство разливалось внутри от осозна-ния, что потомок того самого Кедрова, что входил в при-ближённый круг другого правителя, теперь находится под её полным командованием. (Впрочем, это касалось не только

Кедрова).

И теперь, переполненная ощущением собственной силы и могущества, Софи мчалась по улицам на юго-восток: там давно был обоснован один из её самых удобных и любимых пунктов обозрения.

Речь шла о старом памятнике эпохи «чёрного времени» – таком большом, что его не затронул ни один массовый снос: не знали, как бы лучше демонтировать такую громадину, и в итоге оставили стоять у дороги, где по ночам он превращался в зловещую крылатую тень. Софи она, впрочем, не пугала: наоборот, чувство защищённости от всех напастей и правильности всего происходящего укрывало её, как только вдалеке появлялся на фоне неба силуэт с поднятыми руками.

Постамент специально для Софи обустроился едва заметными, вырубленными в камне ступеньками. Миг – и, легко взлетев по ним, она была уже наверху: лицом к лицу с беспрепятственно бушующим ветром, под покровительством каменного колосса. Здесь она чувствовала, как сливается с дикой, первобытной стихией, как сама становится ею, отбросив всякое родство с ничтожным и мелким человеческим миром.

С высоты Софи окинула взглядом убегающую вдаль улицу. Сейчас здесь было пусто: будто город вымер и больше никто не появится. Последнее время почти всегда было так. Только в прошлый раз она заметила двоих: этого чёртового Шержведичева и девчонку... Девчонку она теперь сразу

отогнала: вовсе не хотелось даже мысленно сталкиваться со странными светло-голубыми глазами. Было в них что-то тревожное, неправильное.

Но, уловив её тревогу, к ней уже бросился сонм вечно неспящих теней. Новый порыв ветра принёс голоса – невнятные вначале, неотличимые от его свиста, они быстро набрались сил, стали отчётливее и настойчивее.

Ринордийск пел на тысячу голосов, он разговаривал с Софи, просил, упрекал, предупреждал, требовал.

Принеслась и закружилась вокруг неё стая призраков. Софи знала их – кого-то при жизни, кого-то заочно, – и все они знали её.

«Берегись, Софи, – свистели и выли они. – Берегись, потому что когда-нибудь они придут и за тобой. В конце они приходят за всеми».

Она не хотела слушать их бредни и сделала вид, что не слышит и не может увидеть их. Призраки? Голоса? Перед ней только тёмная городская улица, без единого движения, да крыши домов, встающие в небо, да бескрайняя чернота наверху, редко усеянная холодными огоньками.

Софи недолюбливала звёзды. Они слишком далеки, слишком неподконтрольны, и никогда нельзя сказать, где вдруг вспыхнет ещё одна.

Она попятилась в тень каменной фигуры, чтоб памятник, покровительствующий ей, прикрывал её с тыла.

Ни на секунду нельзя ослаблять контроля. Отвернись на

миг, забудь о том, что там, внизу, их целые полчища, – и они просто сожрут тебя.

Они сожрут тебя, Софи.

Так уже закончил Чексин. Софи слишком хорошо помнила, как это было. Даже колдовской уголь ему не помог.

Так закончишь и ты, – подтвердили голоса, сонм призраков согласно закивал.

Глупости: конечно, она легко их уймёт. Ринордийск в подчинении у неё, а не наоборот, и она может заставить его замолчать.

Софи выступила вперёд из тени и воздела левую руку. (Тогда ей пришлось долго переучиваться на правую, но она могла действовать и левой, если не очень долго и много).

– Смолкните, – сказала она им.

И они смолкли.

Она здесь была единственной и неизменной властью.

Софи торжествующе улыбнулась, не обращая внимания, что снова начинает ныть левое плечо. Это просто от холодного ветра. Надо поплотнее завернуться в плащ, и оно перестанет беспокоить.

Вот резкая боль в висках и между бровями была хуже, но она как накатила, так и прошла почти сразу. Ничего. Это всего лишь недосып. Конечно, надо было бы спать подольше, но разве можно сейчас...

Напоследок окинув взглядом свои владения, Софи вприпрыжку спустилась на землю. Быстро, обгоняя ветер, она

продолжила свой путь по спящему Ринордийску.

43.

Утро выдалось солнечным, свежим, оно брызгало жизнью, будто соком. Лаванде это было неожиданно, и делалось легко и беззаботно: после вереницы ночных видений приятно оказаться среди всего знакомого. А снилось Лаванде многое, уже и после того, как она заснула снова: какие-то странные звери, какие-то люди и города, какие-то невиданные создания, воздушные и прекрасные или воинственные и сильные, как те обитатели гор, о которых говорилось в легенде, давно минувшие грозы, закаты и рассветы, бывшие когда-то такими настоящими. Теперь же она вернулась – в свои времена и всё тот же город под солнцем.

Феликс стоял на кухне у окна, упершись кулаками в подоконник, высматривал что-то за стеклом и мурлыкал под нос какую-то песенку. Лаванда постояла недолго в дверях, пытаясь угадать, что привело его в такое хорошее настроение по сравнению со вчерашним вечером, но бросила это бесполезное занятие и заглянула в холодильник: уже изрядно хотелось есть. Внутри она обнаружила пакет мандаринового сока и банку клубничного джема.

Намазав себе бутерброд, Лаванда с сомнением поглядела на Феликса. Он, казалось, не замечал её и по-прежнему смотрел в окно.

– Ты завтракал?

– Неа, – рассеянно бросил он.

– Почему?

– Не хочется как-то.

Лаванда не очень понимала, как могло не захотеться за столько времени, и всё же намазала второй. Протянула его Феликсу:

– Хлеб с вареньем будешь?

Он покосился на её руку; поколебавшись, всё-таки перехватил бутерброд себе:

– Спасибо.

Вновь были только солнечная дымка и блистание металлической вставки на раме, кусочек ярко-голубого наверху и приглушённый шум несущихся мимо машин. Спустя время Лаванда спросила:

– Что там?

– Весна. И Ринордийск.

Лаванда не поняла. Он явно говорил о чём-то своём, только своём, и интересоваться тут было бесполезно. Она однако попробовала прояснить:

– Но весна идёт уже месяц с лишним.

– Это не считается, – отмахнулся Феликс. – Вот теперь она началась по-настоящему.

Он с хитрецей взглянул на Лаванду, затем, заскрипев и бухнув рамой, распахнул окно.

– Чувствуешь?

По правде сказать, чего-то особого не чувствовалось. Да, в

воздухе порхало слегка весеннее, и было чуть теплее, но считать, что именно сейчас что-то заметно изменилось... Хотя ладно, какая особо весна здесь, где все времена года сливаются и теряются на фоне небесных проводов и высящихся крыш многоэтажек.

Феликс всё ещё выжидательно смотрел на неё.

Лаванда пожалала плечами:

– Не знаю... Может быть, и есть что-то такое.

Он рассмеялся:

– Неужели не чувствуешь?

– Чувствую Ринордийск. Тут, наверно, не бывает ни зимы, ни весны в полном смысле. Как в любом большом городе.

– Ну, это ты зря, – Феликс чуть обиженно – впрочем, совсем чуть-чуть – поджал губы и отвернулся обратно к окну.

Лаванда успела уже заметить: он довольно остро реагировал на любые нелестные комментарии в сторону Ринордийска, как если бы дело касалось близкого друга. У них с городом вообще, похоже, была какая-то глубинная связь между собой.

– Нет, мне нравится Ринордийск на самом деле, – заговорила Лаванда, тоже поглядывая на окно со своего места. – Я теперь привыкаю к нему, он становится понятнее... Но с ним сложно, – она покачала головой. – Он слишком...

– Слишком что? – Феликс с любопытством обернулся.

– Слишком такой... Сложно объяснить. Он как женщина, постоянно требующая к себе внимания. Немного капризная,

немного нарочитая. Актриса из драмы. И всегда чуть-чуть переигрывает.

Феликс усмехнулся:

– Хорошее сравнение. Точное. Откуда взяла?

– Не знаю... Ниоткуда, – смутилась Лаванда. Она и сама не понимала, как у неё в голове возникли такие образы.

– Ещё окажется, что Гречаев был прав, – тихо и насмешливо пробормотал Феликс и продолжил уже громче. – Сейчас, правда, город не в лучшем состоянии. Ну, как и вся страна. Жаль, что ты не застала, но здесь когда-то всё было совсем по-другому. Куда лучше.

– До Нонине? – догадалась Лаванда.

– Нет... До Нонине был Чексин. А до Чексина... Тогда я был ещё совсем малявкой. Но знаешь, – Феликс неотрывно уставился ей в глаза, будто искал отклик, – я откуда-то точно помню, что раньше было по-другому. Будто здесь была наша настоящая жизнь, а потом её отняли и спрятали куда-то, и всё изменилось. Стоит только отыскать её и вернуть обратно... – он нахмурился. – Но для этого сначала надо скинуть Нонине.

Лаванда опустила взгляд:

– Думаешь, всё из-за неё?

– Очень многое как минимум. Пока она сидит над нами, никакой жизни нам не будет. Любой светлый порыв она задушит в зародыше. Ей нужны только крысы, которые будут жрать друг друга.

Лаванда посомневалась, стоит ли озвучивать свои мысли, но решила, что на этот раз стоит:

– А если после Нонине будет кто-то ещё хуже?

Феликс несколько нервно рассмеялся:

– Хуже, чем Нонине? Этого быть не может!

Он оторвался от подоконника и собирался со смехом пройти в какую-то из комнат, но остановился в дверях:

– Мы вчера на сходке говорили с парнями – с Витькой Рамишевым, с Пурпóровым, – обсуждали планы. Так вот, у нас же в чём главная проблема: мало людей. Ну, нас самих – мало. Поэтому ничего и не получается. Представляешь, если б – чисто теоретически – толпа в несколько тысяч подошла бы к резиденции Нонине... Да, были бы потери от охраны и, возможно, от самой Нонине, если бы она вспомнила про уголь. Но в итоге... Со всеми бы она всё равно не справилась. В итоге победа была бы за нами.

Лаванда представила. Получилось настолько невесело и нерадушно, что больше представлять не захотелось.

– А ты бы смог повести их туда?

– Я? – Феликс, казалось, не ожидал такого вопроса, и тот застиг его врасплох.

– Да.

«Я уже поняла, что ореол трагического героизма тебе глубоко симпатичен, – продолжила она не вслух. – Но смог бы ты повести туда других, зная, что их, очень возможно, ждёт? А, братишка?»

Казалось даже, что Феликс и так прочитал её мысли и улыбнулся в ответ на них:

– Это же только в теории, Лав. Никто никого пока не поведёт. Некого вести. По-прежнему сплошная болтовня, – он со смехом развёл руками и оставил её в одиночестве.

44.

Они ничем не занимались в этот вечер – обычными, ничего не значащими делами. Вполуха слушали бормотание рекламы по телевизору. Лаванда пыталась дочитать всё-таки книжку про мальчика и девочку в стране гор и застряла где-то посередине. Феликс иногда уходил в кабинет, где был включён его ноутбук, и проглядывал последние сообщения в Ленте. За окном буднично почернело, и ничто не предвещало перемен, когда раздался тройной звонок в дверь.

Феликс настороженно прислушался – впрочем, без особой тревоги.

– Кто там? – негромко спросила Лаванда.

– Судя по звонку, скорее кто-то из наших, – он встал с дивана. – Посиди пока тихо. Если вдруг что, ты приехала вчера, остановилась на пару дней. Я твой кузен, но ты обо мне почти ничего не знаешь.

Лаванда хотела было возразить и потребовать объяснений, но Феликс уже скрылся в прихожей.

– Кто?

Из-за двери что-то пробубнили.

– Ха, – Феликс щёлкнул замком. – Какие люди. А я тебя ждал на сходке.

– Некогда было! – выкрикнул высокий мужской голос, жующий слова. – Я вообще был не в Ринордийске.

– А где же? – Феликс отодвинулся, пропуская гостя, закрыл дверь на замок.

Тот – низкого роста суетливый человек, тоже лет под тридцать – дробно захихикал:

– У наших западных друзей.

– Это у кого? – резко насторожился Феликс.

– А у тебя, я так посмотрю, аллергия на запад, – гость снисходительно помахал пальцем.

– Ничего против него не имею. Просто не люблю всех этих мутных игр.

– Какие игры, Феликс! Ты разве не знал, что я иностранный агент и использую тебя в своих целях? – он рассмеялся. Феликс, видимо, шутку не оценил, потому что следом гость добавил уже более спокойно. – Ладно, не истери. Всего лишь в Загорье. Теперь мне можно пройти?

– Проходи, – он кивнул в сторону гостиной. – Хотя похорошему я на тебя в обиде и мог бы не пускать.

– С чего это?

– Потому что – что за дела? – Феликс сердито на него воззрился. – Мы с тобой вроде как друзья. А у тебя вдруг какие-то тайные планы, причём всех наших ты в них хоть как-то посвящаешь, а мне этого, видите ли, знать не положено. Нормально, по-твоему?

– Ну, почему же не положено, Феликс, – он неспешно прошёл в комнату. – Я как раз и хотел обсудить всё с тобой приватно, отдельно от остальных. А кто эта прелестная девуш-

ка? – он с улыбкой кивнул на Лаванду.

– Моя кузина, Лаванда. Можешь при ней, она в курсе. Лав, это Уля, – поймав испепеляющий взгляд Феликс с сарказмом поправился. – Прошу прощения, Ульян.

Тот кисло улыбнулся и, стараясь сохранить милый вид, чуть поклонился:

– Можно просто Уилл, – он снова повернулся к Феликсу. – Так вот...

И сразу же замолчал. Будто забыл, с чего собирался начать, или хотел, чтобы начали за него.

– Ну? – подтолкнул Феликс. – Ты был в Загорье.

В это время из телевизора грянула летящая торжественная музыка, и на экране завращались цветные шары.

– Здравствуйте, с вами «Главная линия» и Китти Башева.

Феликс мгновение колебался, затем щёлкнул пультом. Телевизор вместе с девушкой за столом погас.

– Кстати, – Уля о чём-то вспомнил и оживился, – какие новости?

– Никаких.

– Как так? – наигранно удивился Уля.

– Вот так. Нет связи.

– А инициативу проявить? – тот снова мелко и дробно засмеялся. – Позвонить к примеру.

– Ты издеваешься или прикалываешься?

– Не, ну а что такого. Выбери время, когда...

– Так, не надо об этом здесь, – резко оборвал Феликс. –

Я сказал, нет связи. Всё.

– Боишься, что Нонине подслушает? – усмехнулся Уля.

– Я лично не боюсь. Но втягивать в это кого-то ещё не хочу. Ты был в Загорье. Что дальше?

– А дальше, Феликс, тебе не понравится, если ты не хочешь никого втягивать. Как же без этого? Нам-то и в наше время – вообще никак... Но, кстати, то, что я придумал, может закончиться чем-то весомым, в отличие от большинства наших прочих дел.

– Ну так рассказывай! – жадно потребовал Феликс. Глаза у него загорелись.

– Смотри... – неспешно начал Уля. – Если, положим, завтра несколько тысяч людей столпятся на набережной, под окнами Нонине... Скажем, они захотели с ней поговорить. Может народ просто поговорить со своей правительницей, без всяких посредников?

– Теоретически может. А практически – ты сам знаешь.

– Вот, – довольно кивнул Уля. – Они придут просто поговорить – тихо, мирно... Ну, может, не очень тихо, но всё в рамках.

– И Нонине выпустит на них своих людей, – заключил Феликс.

– Разумеется, – кивнул Уля. – И вот тут выяснится, что на такой случай мы тоже не хлопали ушами и немного подготовились.

– В смысле? – Феликс уставился на него, затем широко

распахнул глаза в догадке. – За этим ты ездил в Загорье. Да?

Тот, похихикивая, закивал:

– Это же окраина, да притом автономия... Когда всюду запретили оружие, там на это смотрели сквозь пальцы.

– Так значит, – уточнил Феликс, – под окна Нонине придёт уже не просто толпа, а толпа вооружённая.

– Не, – Уля мотнул головой. – Целая толпа мне не нужна. Это сложно и слишком заметно. Достаточно нескольких человек, которые знают, что делать, и будут наготове. Если люди Нонине начнут атаку, у нас ведь развяжутся руки и мы сможем обороняться. Не так ли?

– То есть, по сути, ты хочешь столкнуть две агрессивно настроенные массы, притом в руках и у тех, и у других будет оружие. Ты понимаешь, какая это взрывоопасная смесь?

– Да, вполне. Именно такая смесь нам и нужна. Если посмотреть, тут три возможных исхода. Первый – люди Нонине никого не трогают, всё проходит мирно... Может, даже Нонине действительно выходит поговорить, – Уля усмехнулся. – Вариант слишком наивный, но чем чёрт не шутит. Будет просто ещё одна акция как бы протеста. Второй – нам каким-то чудом удастся одолеть охрану и захватить резиденцию... Вариант чрезмерно оптимистичный, хотя опять же. Ну и третий – в этот раз ничего не получится. Но это запустит повстанческую волну среди ринордийцев, а может, и в регионах. Ты же сам знаешь: они никогда не скажут слова против, если только лично их не припрут к стенке. И вот

тогда, когда они увидят, что их правительница стреляет по своим же людям, которые, заметь, не сделали ничего преступного... Этому Нонине так просто не спишут. Мы сможем встать во главе и выступить в открытую – ну же, Феликс, мы ведь давно этого хотели! Иначе, в этой стране, в это время, не выйдет. Ну а с чьей стороны раздадутся первые выстрелы... Это уже тогда будет неважно. Да и засвидетельствовать некому.

Феликс на секунду закрыл глаза и поднял руки в останавливающем жесте. Затем открыл снова.

– То есть ты осознанно хочешь спровоцировать конфликт. Правильно?

– Да, – спокойно кивнул Уля.

– Это набережная. Ты понимаешь, что если перекроют мосты к резиденции, большинство не сможет уйти?

– Да.

Феликс замолчал. Сомнения блуждали по его лицу, что-то среднее между «Друг, можно я с тобой!» и «Что ж ты, тварь, делаешь?»

– Скажи-ка мне, Уильям, – проговорил он наконец и заходил по комнате, не глядя на Улю. – Скажи-ка мне. Эти люди, которых ты там соберёшь, – они знают, на что идут?

Уля пожал плечами:

– Наверно, знают.

– Ты им не говорил.

– Неа.

Феликс остановился.

– Это подло, – негромко заключил он.

– Неужели?

– Да. Мы можем рисковать сами собой, но другими – людьми, которые на это не подписывались... Это просто подло, Уля.

Тот рассмеялся:

– Надо же, в Шержне проснулся великий моралист!

– Мораль тут не при чём.

– Ну, сдай меня полиция, – Уля насмешливо улыбался. – Давай, они оценят твои высокие порывы.

– За кого ты меня принимаешь? – нервно дёрнулся Феликс. – Нет, Уля, доносить я, разумеется, не буду и как-то мешать тебе – тоже. Но и помощи от меня не жди.

– Да ладно, я и сам справлюсь, – тот пожал плечами. – Мне, собственно, никакой особой помощи было и не нужно. Просто поделился с тобой как с давним приятелем и единомышленником, – его несколько надменный тон вдруг сменился на виновато-выпрашивающий. – Слушай, только одна маленькая просьба. Там, возле моего дома сейчас дежурят...

– Уже и дежурят, – рассердился Феликс. – За тобой слежка, а ты вот так открыто заявляешься и выкладываешь всё, что сейчас рассказал?

– Да ладно, успокойся, – Уля махнул рукой. – Не будут же они подслушивать нас в частной квартире. Я только хотел спросить: можно, я у тебя переночую? Рано утром уже

свалю, тебя даже никто не заподозрит. Не откажешь старому знакомому?

– Да ночуй, пожалуйста.

– Вот спасибо. Ты отличный друг, Феликс! Отличный.

45.

Через час или около того Феликс вернулся в гостиную из своего кабинета, где сейчас обосновался Уля, и запер дверь. Его явно что-то нервировало и злило. Лаванда (на коленях у неё всё ещё лежала открытая «Про край света») подняла голову. Глаза у неё уже закрывались, но засыпать сейчас было некстати.

– Что случилось?

– Бесит он меня, – очень тихо прошипел Феликс, руками показывая, насколько бесит. – Додумался же... Вечный примазывальщик: чтоб всё сделали за него, он подпишется. А если что, он тут как бы и не при делах. Всегда таким был, сколько его помню.

– А мне казалось, что вы друзья, – слегка удивилась Лаванда.

– Друзья... – Феликс отмахнулся. – Не, ну, я, может, временами так и считал. Но я много кого считал временами. А с ним так вообще с самого начала всё было ясно, – со смешливой горчинкой в глазах он переглянулся с Лавандой. – Уловила, на каком моменте я вдруг стал «отличным другом»? Вот так каждый раз и бывало. Надо было послать его ещё в универе. Но как же, мы же соратники, мы же за одну идею... Идиот.

– Он или ты?

– Ну, ему-то можно, хуже не будет. А я идиот. Потому что продолжаю его поддерживать.

Феликс опустил на диван, прикрыл глаза рукой. Минуту он сидел так молча.

Потом поднял голову и снова посмотрел на Лаванду.

– Ты понимаешь? – тихо сказал он. – Завтра там будет бойня.

– Может, ещё не будет? – Лаванда сама услышала, как глупо это прозвучало, но ничего другого в голову ей не пришло.

– Может не быть, конечно... Если очень сильно повезёт. Но что-то я сомневаюсь.

Она попробовала представить всё то, о чём они говорили тут, в этой комнате, – так, как если бы это были не слова, а реально происходящие события. Получалось не очень и не верилось.

– Думаешь, они решатся начать стрельбу первыми? – спросила она.

– Или будет приказ Нонине. Превентивные меры, так сказать.

– Но, может, она побоится вот так в открытую стрелять в людей?

– Нонине? – презрительно бросил Феликс. – Если что-то будет угрожать её власти, она пойдёт на что угодно. Она из тех мразей, которые ни перед чем не остановятся... Она города сроднит с землёй, если там будут против неё. Чексин ещё мог бы испугаться, что последняя поддержка разбежит-

ся, а Нонине такие вещи уже по барабану.

Лаванда хотела было ответить что-нибудь, но не смогла. Она ощущала себя ребёнком, вокруг которого вдруг всё начинает переворачиваться и ходить ходуном, и надо куда-то бежать, что-то решать, но что? Взрослые, доделанные полностью люди, наверно, могли разобраться, но она – нет.

– И что теперь делать?

– Не знаю, – устало и раздражённо ответил Феликс. – Я уже ничего не знаю. Его план – пусть делает что хочет. В конце концов, никто из нас всё равно не придумал ничего лучше.

Он резко встал, отошёл к двери. На часах было около полуночи. В комнате совсем стемнело, картинку с детьми-путешественниками уже нельзя было рассмотреть. (Лаванда, впрочем, помнила, что там: огромная гора в задумчивости и сомнениях смотрит на мальчика, скользящего вниз по её склону, и девочку, что возбуждённо прыгает внизу у подножья. В углу листа в небе реет белая чайка).

За окном дождь начинал стучать по карнизу.

– Ты, наверно, спать хочешь, – осведомился Феликс.

– Немного.

На самом деле ей очень хотелось.

– Ну, спи тогда, – он открыл дверь, шагнул наружу.

– А ты?

– На кухне посижу. Всё равно все эти... мысли... Неспкойно.

Он вышел.

Лаванда отложила книжку на тумбочку (наверно, так и не судьба дочитать когда-нибудь) и наконец прилегла. Кресло приняло её в объятия, обволокло мягкостью и покоем. Как мало нужно иногда: всего-то позволить себе закрыть глаза и не думать больше ни о чём. Лаванда погрузилась в сладкую полудрёму – предвестник глубокого сна.

Феликс, кажется, готовил кофе: негромко звенел чем-то на кухне, а до носа долетал приятный сладковатый запах.

Всё так хорошо и спокойно в эту минуту – будто и не было всех предшествующих разговоров, всех пугающих перспектив. Даже если в следующее мгновение ночь разорвётся во-ем сирены и яркий свет фонаря забьётся в окно – это ещё не сейчас. Сейчас – только тишина и покой.

Дрёма и впрямь обратилась сиреной – её протяжным тоскливым зовом и бесполезно мигающим сквозь снежную пелену ярким пятном. Всё уже заносил буран. Ему не было конца, от него не было спасения. Он выл, и свистел, и метал белые клочья в целом мире.

Лаванда стояла, прижавшись спиной к дереву. Оно осталось единственным ориентиром – оно, да ещё бесполезная сирена, но к сирене не надо было сейчас идти. Вообще бессмысленно было пытаться выйти куда-либо в такой выюге. Лаванда знала это слишком хорошо, а потому застыла без движения. Она уже почти не чувствовала холода, вообще ничего почти не чувствовала. Так, наверно, и будет теперь все-

гда, потому что время закончилось – время не идёт здесь. Только дерево, и ночь, и буран, и мигающий вой, – ничего никогда не переменится.

Яркий свет фонаря вдруг прорезал выюгу. Раздались громкие мужские голоса.

– Кто там?

– Девчонка!

Одна из фигур просунулась к ней сквозь пелену.

– Живая? Давай в вертолёт, пока не заоченела!

Сам вертолёт она помнила смутно: не из тех больших и новых, что прилетали в Юмоборск, а маленький, шумный, тесный – на двух-трёх человек.

Внутри, в согревающем сумраке, кто-то из них обронил:

– Ещё круг – и возвращаемся. Здесь уже бесполезно ко-го-то искать.

Лаванда открыла глаза. Судя по звукам, доносящимся с кухни, прошло совсем немного времени – минуты две-три.

Снова память чудит. Лаванда перевернулась на бок и попробовала заснуть нормально, без мелькающих перед глазами тревожных картинок. За окном усыпляюще стучал дождь, и ветви порой бились в стекло, а где-то далеко раздавались глухие раскаты.

Она почти уже провалилась в сон, когда другой – громкий и внезапный – звук разбил в осколки тишину.

Били часы.

Они били звонко, не умолкали, и звук был самый что ни

на есть всамделишный.

Лаванда подскочила на постели. Сердце её бухало.

Тут же, вторя часам, раздался пронзительный крик. Это из кабинета, поняла Лаванда. Не зная, зачем ей это делать, она подорвалась и выбежала в коридор.

Там она столкнулась с Феликсом. Тот тоже выскочил только что и лихорадочно прислушивался.

– Это...

– Уля, – подтвердил он. – Стой, Лав! Не заходи туда!

Но Лаванда уже ринулась в кабинет: увидеть, что же случилось. Распахнув дверь, она застыла на пороге.

Уля полулежал, неестественно раскинувшись в кресле. Лампа, прежде стоявшая на тумбочке рядом, теперь валялась на полу, провод её слегка искрил.

Всё это было настолько предельно просто и понятно и настолько не укладывалось в рамки реальной жизни, что Лаванда отвела взгляд – будто бы поискать вокруг подсказок и пояснений.

Молния за окном высветила лицо Софи Нонине. Лаванда вздрогнула. Да, это была Софи – живая, настоящая, самая что ни на есть настоящая в этой ночи и грозе. Она стояла за окном, обозревая комнату внутри, и тоже увидела Лаванду.

Миг – один только миг – они смотрели друг на друга, глаза в глаза, затем мелькнули тёмные спутанные волосы, и Софи скрылась в ночи.

Поражённая, Лаванда стояла всё так же, когда за спиной

появился Феликс.

– Лав, иди на кухню, – произнёс он голосом, не терпящим возражений.

– А что с ним?

– С ним *всё*, – отрезал Феликс. – Иди на кухню.

Она шагнула к двери, но задержалась ещё ненадолго:

– Это она? Софи?

– Да, – ответил Феликс с мрачным спокойствием.

Он не стал отсылать Лаванду на кухню в третий раз, но теперь она и сама предпочла уйти из эпицентра внезапно грянувшей катастрофы, успев только услышать ещё, как Феликс за спиной пробормотал:

– Уля... Ты идиот.

Когда наконец уехали скорая и полиция и сирены их смолкли вдали, Феликс вернулся на кухню. На Лаванду он не смотрел, да и вообще ни на что особо не смотрел. Пройдя зачем-то несколько раз от двери к окну и обратно, он прислонился к холодильнику и молча покачивался вперёд-назад.

– Что ты им сказал? – негромко спросила Лаванда.

– Что короткое замыкание, – Феликс пожал плечами, глядя куда-то в сторону. – А что я должен был сказать? Его устранила Нонине, он готовил провокацию?

Лаванда не была уверена по его тону, что сейчас можно говорить, а что нет, и вообще – что изменилось по сравнению с предыдущим вечером, а что осталось так же. Зато она

вспомнила одну вещь, которая в любом случае казалась ей важной.

– Я видела её.

– Кого?

– Софи Нонине. Когда я вошла в комнату, она была за окном.

Феликс равнодушно покосился на неё:

– Тебе показалось.

– Ну почему показалось?

– Глюк на почве испуга. Это бывает.

– Да нет же! – Лаванда с убеждением всплеснула руками. – Она действительно была там!

– Нонине, – Феликс теперь повернулся к ней. – Софи Нонине. За нашим окном.

– Да, – закивала Лаванда, припоминая одновременно, что конкретно она видела. – Она была прямо у стекла, как будто висела в воздухе или стояла на чём-то. И, мне кажется... мне кажется, она меня испугалась.

– Нонине? Испугалась тебя? – Феликс беззвучно и напряжённо рассмеялся. – А, ну тогда, конечно, верю. Вообще без вопросов.

– Феликс! Ну ты же сам говорил, что она пытается всё везде контролировать! Почему она не может проследить лично, что уголь сработал как надо?

Тот посмотрел на Лаванду уже более серьёзно и о чём-то задумался.

– Так ты уверена, что видела её? – спросил он вполголоса.

– Да, я же и говорю тебе!

– Это плохо, – он нахмурился. – И, говоришь, она тебя заметила? Это совсем плохо.

– Но почему что меня – особенно плохо? – удивилась Лаванда. – Она ведь даже не знает, кто я.

– Зато отлично знает, кто я. И если поймёт, что ты со мной связана... К тому же, мы теперь оба связаны с Улей. Потому что, я так понимаю, наш разговор она слышала.

Феликс замолчал и неотрывно вдруг уставился на неё. Было видно, что какая-то идея пришла ему в голову и он полон решимости её исполнить.

– Так, ладно, Лав, – он оторвался от холодильника и приблизился к ней. – Бери мел и записывай её имя.

Лаванда насупилась и опустила взгляд.

– Я не буду ничего записывать, – сказала она тихо.

– Нет, сейчас ты запишешь. Всё, игры кончились.

– Это не игры, Феликс, – она поднялась, собираясь уйти к себе. – Я не стану убивать Софи и вообще не стану кого бы то ни было убивать.

– По-твоему, лучше, чтоб она убила нас? – Феликс придвинулся к ней, отсекая путь к отходу. – Тебя бы это больше устроило? Я и забыл, что ты тоже успела её обожествить. Пусть творится что угодно, но Нонине, что вы, – Нонине наша правительница, она неприкосновенна, как же можно.

– Да нет же! – вскрикнула Лаванда. – Я как раз наоборот

вижу, что она человек, точно такой же человек, как я, как все мы. Это для вас она просто идеологический враг, которого надо уничтожить, и это не считается убийством, но так не бывает! Не бывает, что вместо человека – только чёрный силуэт, у которого единственная цель – нести всем зло и страдания. А если это не только силуэт, если там есть какие-то свои мысли, чувства, если за этим – целый чужой мир...

– Кончай рефлексировать, Лав, – оборвал он. Лаванда замолчала и удивлённо всмотрелась ему в глаза: в них сейчас бластилось что-то странное, чего она не замечала раньше. И немного опасное.

– Сейчас вопрос стоит так: либо мы, либо она, – понимаешь ты это?! – Феликс резким движением прижал её к стенке. Его рука замерла у неё на горле, и Лаванда как-то отстранённо прикинула, что, если вдруг что, вырваться она не сможет. – Ну же, сестрёнка, выбирай. Выбирай, кто тебе дороже.

– Я не имею права и не буду ничего выбирать, – холодно произнесла Лаванда.

– Она не имеет права! А оставлять подыхать столько людей – имеешь? – его пальцы сжались сильнее. – Имеешь, да?

– Не души меня.

Феликс вмиг убрал руку и отпрянул на другой край кухни. Лаванда потёрла горло. На «душить», конечно, не тянуло, но как-то он увлёкся.

– Извини, Лав, – проговорил Феликс, стоя к ней спиной. – Извини, я не хотел. Иногда... Неважно.

Его чуть заметно трясло. Через минуту он обернулся и слишком уж радостно улыбнулся Лаванде:

– Ладно, к чёрту мел, я, может, и сам чего-то не понимаю, а ты где-то права... – Феликс скользнул взглядом по кухне, остановился на двух чашках на столе. – Хочешь кофе? Вот, пей.

Он придвинул ей одну чашку, вторую схватил сам. Лаванда не то чтобы хотела. Она, однако, отпила немного, но теперь это была одновременно сожжённая и совершенно остывшая дрянь, поэтому Лаванда просто сидела с чашкой в руках. Феликс же, давясь и так и не усаживаясь, почти всё вылебал сразу, будто боялся не успеть. То ли это тоже было делом принципа, то ли сказалось нервное потрясение.

– Чувствую, другого случая попить кофе у нас может и не быть, – он ухмыльнулся.

– Почему?

– Не исключено, что от Нонине уже едут.

– Ты серьёзно?

– Нет, – он прекратил изображать нарочитую весёлость и медленно придвинулся к окну. Задумчиво он искал что-то за стеклом. – Нет, это не в её привычках. А если б уголь, она не стала бы так тянуть. Видимо...

Феликс недоговорил и замолчал. Он что-то там себе обдумывал, и Лаванде хотелось попросить его хотя бы думать вслух. Сама она уже весьма плохо понимала, что и для чего происходит, чего можно ожидать и что предпринимать по

этому поводу, и это пугало.

– А может, там всё-таки было короткое замыкание? – без особой надежды спросила Лаванда. Она бы уже охотно согласилась даже, что Софи за окном была глюком, если б это что-то меняло.

Феликс мрачно покачал головой.

– Ну почему? Гроза же... И всё такое.

– Часы били. Слышала?

– Часы? – удивилась она, но тут же вспомнила. – Да, слышала... Я думала, мне почудилось. А ты тоже слышал?

Он кивнул:

– Когда чьё-то имя сжигают – в этот момент там, где он находится, бьют часы. А потом уже всё начинается. Так рассказывают, по крайней мере... Ну, и, похоже, это действительно так.

«Всё начинается»... Лаванда задумалась. Бой часов – и все эти автокатастрофы, землетрясения в горах, взрывы в неполюженном месте... короткие замыкания. И бой часов.

– Феликс?

– Ну?

– Что происходит с людьми, которых записали?

Он отвернулся, процедил неохотно:

– Ты же видела.

– Нет, ну а всё-таки? Что происходит после того, как имя сожжено? Какое-то фатальное невезение? Искривление реальности? Что?

– Ну, этого точно никто не знает. Да и тем более работа всякой мистики – скорее по твоей части. Но говорят... Это тоже, конечно, неточно и до конца неясно, но, учитывая некоторые совпадения... В общем, говорят, что в этот момент как бы оживают и материализуются страхи записанного человека: то, к чему он навязчиво возвращается в мыслях, о чём думает «хорошо, что так не происходит», что-нибудь, может быть, совсем мелкое, обычное... Оно как бы провоцируется мыслями о нём и становится реальным.

Лаванда невольно поёжилась.

– И что это может быть? Что угодно?

– В принципе, да.

Она хотела разглядеть получше свои мысли в поисках собственного варианта летальной развязки, но сразу же отпрянула назад: в этих затемнённых заброшенных закоулках могло блуждать многое, с чем не было ни малейшего желания сталкиваться.

– А у тебя такое есть? – спросила она вместо того Феликса.

– Положим.

– А что это?

– А не слишком много хочешь знать, сестрёнка? – он насмешливо прищурился, хотя в глазах никакой смешинки не было. – Такие вещи пытаются не палить. И тебе, кстати, тоже не рекомендую.

– Да я и не помню, что у меня, – она пожала плечами.

– Вот и не надо. Да, кстати, – он будто бы вспомнил о чём-

то и вернулся к этой мысли. – Ты ведь не переводила документы в Ринордийск?

– В смысле? – не поняла Лаванда.

– Личное дело и всё остальное... Что там у тебя есть. Они же по-прежнему в Юмоборске, да?

– А... Да. Наверно, да.

– Тогда пора бы наведаться в наш департамент и попросить, чтоб перевели... Честно говоря, не помню, что там для этого нужно, но у них тебе объяснят лучше.

– Хорошо, – кивнула Лаванда. – Зайду как-нибудь.

– Зайди завтра. Прямо с утра. Они работают с шести.

Лаванда удивлённо хлопнула глазами. Ей вообще было непонятно, с чего вдруг Феликс озаботился сейчас всякими бумажками, к которым довольно презрительно относился.

– А почему прямо завтра-то? – она недоумённо покачала головой. – Сколько я тут уже без документов, вроде никто не имел ничего против.

– Ну всё равно, не надо затягивать. Просто находиться ты тут, конечно, можешь и неофициально. Но если вдруг что... Лучше, чтоб было. Тем более ближе к осени они тебе в любом случае понадобятся, что бы ты ни надумала там делать дальше.

– Н-ну ладно... Но всё равно не понимаю, к чему такая спешка, – она посмотрела на часы: было три ночи. – Уже поздно, а мы даже не спали. Может, лучше в другой день...

– Лаванда, – Феликс наклонился к ней совсем близко. –

Зайди завтра. Хорошо? – и, видя, что она медлит с ответом, добавил, как что-то совсем важное и сокровенное. – Я тебя прошу.

Лаванда с недоверием окинула его взглядом исподлобья: было нечто странное в его настойчивости, и во внезапно поднятой теме, и в этом «прошу». Он будто бы что-то недоговаривал.

Наконец она кивнула:

– Хорошо.

46.

Софи мчалась по тёмным улицам Ринордийска. Ветер рывками перекатывал листья из подворотни в подворотню, где чем-то шуршали городские крысы, а сверху ещё падали порой крупные капли.

Она бежала вприпрыжку, тяжело дыша то ли от свершившегося торжества, то ли от переутомления. Скорее первое, – полагала она. Но как бы там ни было, больше всего на свете сейчас хотелось оказаться в родной резиденции, где тепло и безопасно, где Софи проводила дни и ночи, за работой или просто так, вот уже десять лет.

Впрочем, уж безопасность-то она сумела бы создать себе везде: враги не успевали и приблизиться, прежде чем она их замечала. Только что так ловко и так вовремя она подрубила в основании дерево зла, готовое расцвести, а значит, никто не увидит и плодов. Не будет даже никакой шумихи: не Нонине же подстроила грозу и неисправную электропроводку. Один только видел её...

Неважно, – Софи яростно потрясла головой. Зачем остались перед глазами нездешний взгляд и смутно знакомые черты лица в грозовой вспышке – будто из давнего забытого кошмара? Нечего даже обдумывать эти бредни. Но зачем чудится топот лап по улицам – будто кто-то бежит за ней? Гибкий чёрный зверь стучал когтями по вековой брусчатке,

и эхо от подслеповатых домов отвечало ему. Зверь следовал за ней по пятам – по всем улицам, по всем переулкам сразу. Зверь вовек не собирался отставать.

Но Софи была уже у цели. Она зашла с бокового хода и тут же захлопнула за собой дверь. Пусть остаются снаружи зверь и все странные взгляды. Пусть не смотрят и не следят за ней.

Теперь-то она поняла, что это всего лишь из-за угля. Да, так и бывало каждый раз, как приходилось использовать уголь, – сначала чуть заметно, потом всё резче, всё сильнее и всё больше тревожа. Что ж, безграничная власть того стоит. А всё, что в голове... Оно ведь легко устраняется, стоит приказать ему исчезнуть.

Софи просто иногда слишком уставала, чтоб собрать всю волю в кулак, но так-то, несомненно, она могла.

Она отдышалась немного, откинула с лица влажные от дождя пряди. Здесь, наконец, было тепло, и Софи с приятной удовлетворённой усталостью потёрла замёрзшие пальцы и мокрый нос.

Вот теперь, пройдя в затемнённые внутренние помещения, можно подумать спокойно и чётко над дальнейшим. Ах да, ведь после разрешения проблемы сразу нарисовалась новая, и с ней требовалось разобраться по возможности скорее. Но это было уже куда проще, да и на кону стояло меньше. Это, пожалуй, даже было бы забавно.

Под дверью её кабинета горела полоска света.

– Китти? – громко окликнула Софи. – Ты здесь?

– Да, Ваше Величество.

Софи, оттолкнув дверь, вошла.

– Отлично, – кивнула она, бросив на Китти полвзгляда, и прошла вглубь кабинета, к своему столу. Разумеется, здесь, – усмехнулась она про себя: Софи ведь ещё не отпускала её, а значит, Китти обязана была тут находиться, что бы ни показывали часы.

Впрочем, сколько Софи наблюдала за ней, Китти никогда не выказывала признаков усталости или банального недосыпа – хотя на сон ей зачастую оставалось часа четыре, чуть больше, чем самой Софи. Вообще, за работой Китти напоминала скорее заведённый механизм, чем живого человека. Да и выглядела в свои двадцать семь скорее лет на двадцать – прямо-таки студенточка журфака.

Больше никого в кабинете не было. Немудрено, когда стрелки подходят к трём. Софи покосилась на «Каракас», с подозрением перетряхнула пачку. Похоже, стрельнул у неё сигаретку, пока сидел здесь и ждал указаний. Вот чудак: думал, наверно, она не заметит.

– Кедров уже отчалил? – кинула она Китти.

– Да, около часа назад.

Софи кивнула:

– Ладно, он сегодня хорошо поработал, так что сейчас я его дёргать не буду. А вот утром надо будет ему позвонить, часов в шесть, – она повернулась к Китти и проговорила с

нажимом. – Если не я, позвонишь ты.

– Конечно, Ваше Величество, – кивнула та.

Конечно, позвонит. Насчёт себя Софи не была уверена: вполне возможно, её отрубят под утро, как это часто бывало. Неспешно она приблизилась и обошла Китти со спины, как бы ища что-то по стенам и полкам.

Как всегда – идеально подведённые глаза и губы, идеально прилизанный пучок на затылке, чёрное офисное платье сидит идеально по фигуре, идеальный порядок на столе. Просто Мисс Безупречность. (С самой Софи ей, впрочем, не тягаться. Тень – не более).

– Так. Записывай, что ты ему скажешь, – она обогнула стул Китти, слегка коснувшись её плеча. – Я верю, что в силу наследственности ты нифига не забываешь, но всё-таки запиши.

Раздумывая над формулировками, Софи отошла к окну. Там, за стеклом, стояла ночь – желтоглазая, непроглядная. Казалось сейчас, ей никогда не будет конца. Там, за стеклом, чёрный зверь поднимал голову от спячки, и угрожающе щёлкала его зубастая пасть. Там голоса, что должны были смолкнуть много лет назад, трещали и сливались в единую волну – будто цикады. Вот и пусть жрёт цикад – этот зверь. Нечего визжать пилой по ушам. Да и эти жёлтые огни: они не давали ни тепла, ни уюта, только давили на закрытые веки, от них болели глаза и голова. Весь этот мир, весь этот чужой, враждебный мир за стеклом...

Софи очнулась и заморгала, соображая, что она по-прежнему в своём кабинете, стоит у окна. А в углу по-прежнему безмолвной и привычной тенью сидит Китти.

– А, да, – вернулась к предыдущей мысли Софи. – Записывай.

– Я слушаю, Ваше Величество.

47.

Департамент, в который пришла Лаванда, был приземистым серым зданием с маленькими окошками и облупившейся краской на стенах. Он впустил посетительницу, но далее равнодушно отмалчивался и ничем не подсказывал, куда идти теперь.

Номер кабинета – сто первый – она помнила, но где это? На каком этаже, в какое крыло ей нужно? Было абсолютно неясно.

Лаванда понадеялась на свою удачу, которая иногда будто бы вспоминала о ней в трудные моменты, и попробовала отыскать кабинет сама. Она переходила то выше, то ниже по лестницам, заворачивала в узкие коридоры с обшарпанными стенами и всматривалась в цифры на дверях. Так она нашла сто тридцатые и сто двадцатые, но просто сотых нигде не было. Что хуже, непонятым оставалось, по какому принципу они могут нумероваться и как располагаться относительно друг друга. Иногда тут и там мелькали люди – видимо, другие посетители. Но просто так подойти и спросить, не знают ли они, Лаванда не могла. Да и вид у них был хмурый, настороженный, будто они заранее подозревали её в чём-то.

Она шла дальше – чем дальше, тем безнадежнее и уже больше по инерции. Другие коридоры, другие лестничные клетки и лифты... Тут всё было очень тесно, зажато, стены

вокруг неприятно давили. Будто тюрьма, а не контора, устроенная для нужд людей.

В конце концов, выйдя на более просторную и светлую площадку – здесь окна были шире и чище – Лаванда отчаялась найти тут сегодня что-то и, махнув рукой на все ночные доводы про срочность, спустилась по широкой лестнице. В пролёте между перилами виднелись все этажи вплоть до самого первого. На лестницу слабенько лилось солнце.

Внизу её подждал сюрприз: прямо напротив лестницы красовался новенькой дверью кабинет номер сто. Правда, он стоял в гордом одиночестве, и следов сто первого по-прежнему нигде не обнаруживалось. Тут Лаванда всё же рискнула спросить у одной пожилой женщины в очереди (было бы совсем уж глупо всё бросить на последнем, может быть, шаге от цели). Та с весёлой снисходительностью рассказала, что «это там, за углом, там увидите – кладовка, а рядом ниша, так вот, в той нише дверь». Лаванда опасалась, что по такому описанию едва ли сможет найти что-то определённое, запутавшись во всех этих углах, нишах и кладовках. Тёмный закуток, где к электрощиту была привалена сложенная стремянка и разило свежей краской, сначала подтвердил её подозрения. Но нет: встретилась узкая дверь без указателей, которую, очевидно, можно было посчитать кладовкой, подальше за ней стена изгибалась, образуя нишу, и там виднелась ещё одна дверь. Лаванда подошла: номер сто один, как и требовалось.

В кабинете за стойкой сидела девушка с недовольным

усталым лицом – ничего общего со свежими и улыбочивыми офисными клерками из рекламы. Не взглянув на Лаванду, она что-то рассматривала на экране старого компьютера.

– Здравствуйте.

Та на момент оторвалась от своих дел: круги под глазами, нависшие тяжёлые веки, – похоже, девушка постоянно не высыпалась.

– Добрый день, – пробурчала она. И снова вернулось молчание.

Лаванда замялась, огляделась по сторонам. Она не была даже уверена, следует ли ей говорить сейчас что-то самой или не надо отрывать человека от работы.

Наконец девушка снова пробурчала:

– Вам что-то надо?

– Ну...

– Ну так что вы молчите?

Лаванда совсем смутилась и сбилась с мыслей:

– Да, я хотела... Мне нужно перенести документы в Ринордийск.

– В смысле – перенести?

– Ну, они сейчас в другом городе... где-то хранятся, а мне надо, чтоб хранились здесь.

– Девушка, это называется переприкрепление. Давайте сюда ваш паспорт.

Лаванда вытащила паспорт, передала через стойку. Она по жизни не привыкла ходить с сумкой и, как и раньше, тас-

кала всё в карманах. Девушка как-то презрительно скривила губы на согнутую дугой книжечку, но всё же открыла её и принялась что-то вбивать в свой компьютер.

– Юмоборск? – протянула она через минуту.

– Да... Только документы не там, они, наверно, в Иржице, – спохватилась Лаванда, прикидывая, успели ли их уже перевести из хранилища в хранилище или, может, ещё нет.

– А, так вы эвакуант? – снова протянула девушка, на этот раз как будто обиженно.

– Ну, в общем, да.

– Так это вам не сюда, это в тридцать седьмой.

– Но... мне сказали, что сюда, – пробормотала Лаванда.

– Всё по эвакуации – всё в тридцать седьмой, это не к нам.

– Но это же даже не по эвакуации, – возразила Лаванда (ей очень не хотелось начинать всё сначала и искать какой-то другой кабинет, хоть она и понимала, что от споров будет мало толку). – Там же просто надо перевести документы из одного департамента в другой.

Девушка посмотрела как-то снисходительнее на этот раз, задумчиво взглянула на что-то у себя на экране (Лаванде не было видно).

– Много у вас документов?

Лаванда снова сбилась, пожалала плечами:

– Не знаю... Личное дело... Может, ещё аттестат. Хотя нет, аттестата, наверно, ещё нет...

Девушка приподняла брови и ткнулась за чем-то в пас-

порт Лаванды.

– А, так вам ещё восемнадцати нету?

– Нету.

– Тогда это ещё нужна расписка от родителей.

– А что это? – спросила Лаванда, пытаюсь прикинуть, стоит ли сейчас говорить про опекунов и подойдёт ли их расписка вместо родительской.

– Просто бумага, где они пишут, что в курсе вашего запроса и не возражают, с подписями обоих.

– Но... они сейчас не здесь.

– Это уже ваши проблемы, – девушка развела руками и, положив паспорт на стойку, снова вернулась к компьютеру. – Послушайте, у меня очень много работы. Сначала соберите все справки, не отвлекайте меня.

Уже на выходе из департамента Лаванда сообразила, что не уточнила, куда всё же подходить, если будет расписка: в тридцать седьмой или всё-таки в сто первый. На самом деле, ей меньше всего сейчас хотелось выяснять это и вообще думать обо всех документах и кабинетах вместе взятых. Подобные конторы всегда оставляли у неё тягостное чувство: они будто приковывали к земле и не давали подняться и чем дальше в них находиться, тем сильнее и заметнее происходили перемены. Свой лимит Лаванда исчерпала в разговоре с девушкой за компьютером – хватит на сегодня.

К тому же на фоне событий минувшей ночи все эти бумажные дела казались такими мелкими и неважными...

На улице было свежо и солнечно, и Лаванда с облегчением и даже наслаждением вдохнула свободный воздух. После затхлых коридоров неубранный весенний скверик радовал, как ничто другое.

Никуда не торопясь, теперь это было можно, она прошла по тропинке между деревьев к чёрному забору с калиткой – ровному, строгому, без всяких завитушек. Департамент остался за спиной, у выхода на улицу виднелось несколько машин с мигалками, ветер шумел в ветках над головой... Тут странное чувство нахлынуло на Лаванду и смешало все краски: ей вдруг показалось, что год сейчас не тот, что и был, а лет на восемьдесят раньше, хотя забор почти такой же и здание департамента всё то же, только там теперь не департамент, а одно из тех государственных зданий, которые расцветали в «чёрное время». Ясно тогда, почему оно показалось ей похожим на тюрьму, и понятно, зачем открыты ворота: вдалеке уже слышен шум мотора и, если подождать, можно увидеть, как подкатывает и останавливается небольшое чёрное авто...

Лаванда мигнула, помотала головой. Всё вернулось, как было; она глубоко вдохнула несколько раз – прийти в себя. Да, всё по-прежнему: нахмуренный департамент с облупившейся краской, забор с калиткой, сквер в обрывках прошлогодних листьев... Здесь уже уверенно пробивалась новая зелень.

Ровным счётом ничего особенного: с ней не раз бывало та-

кое в местах «с историей». Не стоит так уж носиться с этим. Лаванда двинулась вперёд.

Возле выхода из сквера зачем-то стояло несколько патрульных машин и людей в форме. Один полицейский как-то слишком пристально вглядывался в Лаванду, но она не придавала этому значения и спокойно прошла мимо. Феликс бы сейчас уже орал «Лав, ты идиотка, нельзя проходить так близко от полицаев!», но она всё равно не понимала, почему нельзя. Разве будет им какое-то до неё дело? В конце концов, она-то не была ни к чему причастна.

48.

Она шла, погружённая в свои мысли, и не особо потому смотрела по сторонам. Впрочем, даже и так в сознании отмечилось, что утро удивительно ясное и прозрачное, небо расчистилось и с него светит ничем не заслонённое солнце. Наверно, это после ночной грозы.

Да, ночью были гроза и короткое замыкание, зато небо расчистилось. Лаванда не видела в этом ничего противоречивого.

Она думала – как же это странно. Уля, и Феликс, и Софи... Как странно, когда человек приходит и треплетя о чём-то, и раздражает, и что-то планирует, и ты планируешь или не планируешь вместе с ним, говоришь ему что-то, говоришь что-то о нём, а спустя несколько часов его уже нет. Вообще нет, совсем. В этом было слишком много, и это не укладывалось в голове.

Она думала о том, что за человеком был Уля, верно ли считать их знакомыми и следует ли теперь как-то обозначить траур или можно обойтись без этого.

Она думала, о чём на самом деле думает Феликс, разводя безостановочную активность и постоянно отводя взгляд.

Она думала о Нонине.

О Нонине, мелькнувшей за окном во вспышке молнии.

О Нонине, исчезнувшей в мраке, будто и не было.

О том, что секунду они с Софи смотрели в глаза друг другу.

Целую секунду.

О том, кто этот человек, на что он способен и чего он хочет.

И о том, чем может закончиться всё. Уж конечно, не какими-то бумажками из департамента и осенней альтернативой между школой, колледжем и работой. Разве остаются эти мелочи, когда мир грохочет и трещит по швам и на повестке дня – вопросы куда большего масштаба.

(Лаванде даже начинало казаться, что ей и не придётся ничего выбирать: в такой круговерти всё как-то определится само. Останется только развести руками и сказать с улыбкой: «Ну вот видите... Не я так решила»).

Постройки пошли хорошо знакомые, это был уже их квартал. Лаванда свернула во дворы, вышла на тропинку, что вела к дому.

Показалось, что здесь как-то более шумно, чем обычно, какое-то движение витало в воздухе. Но, наверно, это не более чем случайные совпадения, приправленные дозой воображения (оно у Лаванды и впрямь было чересчур развито). В конце концов, мы не в том веке, чтобы чутко вскидывать голову при каждом непонятном звуке в готовности немедленно скрыться.

Ну, даже если и в том... Дворовые скамейки и качели были так будничны, так привычны, дома в тени не блиста-

ли от солнца и не походили больше на яркие картинки для какой-то истории, а обретали уверенную бытовую спокойность.

Разве могло здесь что-то произойти?

Чья-то рука легла на плечо. Лаванда вздрогнула и повернулась.

– Спокойно, это я, – сказал Феликс. – Иди за мной.

– Куда?

– Потом объясню.

Лаванда с сомнением и надеждой взглянула на почти уже родную многоэтажку поодаль: после многокилометровой прогулки она казалась долгожданным оазисом.

– Но я хотела зайти домой...

– Туда сейчас не надо, – отрезал Феликс. – Пошли. Слишком близко от меня не стой.

Он развернулся и нырнул в узкие проходы дворов. Лаванда замешкалось было, но тут же поспешила следом.

Сбоку от их дома растянулся невысокий забор, местами сильно погнутый и проржавевший. Металлическая арка в нём – неровно покрашенная в голубой, с железной улыбающейся фигуркой солнца наверху – выводила на широкий проспект. Они иногда проходили этим путём, и Лаванда подалась было к арке.

– Туда тоже не надо, – предостерег Феликс. – Там патрули.

– Патрули? Зачем?

Феликс чуть обернулся к ней и с терпеливым раздраже-

нием повторил:

– Я же сказал, потом объясню. Пойдём дворами. И, Лав, не отсвечивай по возможности. Нас тут как бы нет.

Быстро и не оглядываясь больше, он зашагал вперёд. В тревоге и непонимании Лаванда последовала за ним. Вначале она пыталась ещё угадать, куда направляется Феликс, но скоро сдалась: маршрут его был хаотичен, нелогичен и непредсказуем.

По мере того как они шли, окрестности менялись: дома редели, вставали одинокими коробками, всё чаще встречались дорожные развязки и автозаправки. Город будто иссякал и ложился вокруг всё более тонким слоем.

Они шли уже очень долго, и небо начало слегка заметно темнеть и гнало облака по всей своей ширине, а они неслись нескончаемой плёнкой и не знали покоя.

Пару раз очень высоко пролетали чёрные стаи птиц. Может, пролетали они и потом, но Лаванда утомилась и уже не смотрела на небо. Она сейчас с удовольствием присела бы передохнуть ненадолго и даже робко надеялась, что Феликс ей это предложит. Но он ни разу не остановился и только иногда чуть оборачивался, чтобы убедиться, что она не отстаёт.

Город постепенно уступал место нетронутым асфальтом и плиткой холмам – ещё не сплошь зелёные, они уже прорастали ярко брызжущей в глаза травой. Похоже, это был если и не пригород, то самая граница Ринордийска.

Лаванда уже поминутно запинаясь и пошатывалась на ходу. Когда она подумала, что сейчас сядет на землю и скажет «всё, больше не могу», Феликс неожиданно остановился. Перед ними открылась небольшая и неприметная постройка, как бы вдавленная в склон холма и укрытая по сторонам землёй и дёрном. Непохоже, чтоб в ней кто-то жил да и вообще появлялся тут недавно.

– Здесь, – тихо сказал Феликс. Он нашарил ключи в кармане и какое-то время провозился с замком. Наверно, тот успел отвыкнуть от того, чтоб его отпирали и запирали, и теперь недоумевал, зачем потребовалось тревожить его покой.

Но наконец механизм громко щёлкнул, скрипнула в ответ дверь. Феликс отворил её на ладонь и осторожно проскользнул внутрь. Через несколько секунд внутри засветил неяркий электрический свет.

– Заходи, – Феликс открыл дверь шире и сразу же затворил её за Лавандой.

Она сделала несколько шагов вперёд и оглядывала теперь помещение. У входа был небольшой закуток с покоцанным столом у стены, дальше комната образовывала почти правильный круг с некоторой мебелью, старым радио и железной печкой в углу. Под самым потолком пропускало свет небольшое окошко.

– На квартиру, правда, не потянет, – уже громче и чуть более расслабленно проговорил Феликс, запирая замки на двери, – но жить можно.

– Да нет, тут нормально, – Лаванда прошла в круглую комнату и опустилась на потёртый матрас, взваленный на какую-то лежанку. – Примерно так мы жили в... в Ниргенде.

Наверно, это название было впервые за долгие и долгие годы произнесено ею вслух. Феликс не ответил: он проверял какие-то шкафчики, что-то включал и вообще, казалось, производил множество срочных и неотложных действий. Лаванда же просто наслаждалась тем, что можно сидеть и никуда больше не идти – оказывается, иногда это бывает так приятно.

– Да, а что там в квартире? Почему туда было нельзя?

– Обыск, – бросил он.

– *Обыск?*

– Угу.

Феликс бросил всю кипучую деятельность, прислонился к стене, убрав руки за спину, и смотрел теперь на Лаванду с противоположного края комнаты.

Она потёрла лоб, стараясь понять, как так может быть, насколько это всерьёз, что теперь будет и какое отношение всё происходящее имеет к ней самой.

– Это из-за Ули, да? – догадалась наконец Лаванда.

– Ну да, – мрачно кивнул Феликс.

– Как же у тебя получилось уйти?

Он задумался на момент, но только пожал плечами:

– Да... ничего особенного. Просто повезло. Да, у тебя в квартире не осталось чего-нибудь важного? Я так чувствую,

мы тут надолго.

– Да нет, – Лаванда мотнула головой. – У меня, в общем-то, нет почти ничего своего... – она вдруг вспомнила кое-что *очень* важное и замерла, глядя в испуге на Феликса и не решаясь это произнести.

– Что, всё-таки есть? – сразу понял он.

– Мел... – прошептала она и с извинением уставилась ему в глаза. – Он лежит в гостиной, в тумбочке.

– Ты его оставила? – Феликс резко оторвался от стены.

– Я... не подумала...

– Она его оставила, – повторил Феликс и, больше не глядя на Лаванду, прошёлся по комнате. – Колдовской мел. В тумбочке. Лав, ты... ты дура. Извини, мне тебе больше нечего сказать.

Лаванда с надеждой следила за его передвижениями: может быть, сейчас-таки выяснится, что всё поправимо, надо только сделать так и вот так. Самой ей никакой мел, в принципе, не был нужен, но она чувствовала, что, кажется, совершила фатальную ошибку.

– Что, всё так плохо? – робко спросила она.

– Да нет, что ты, Лав. Всё нормально. Мы просто только что утратили, наверно, единственную возможность хоть как-то справиться с Нонине, и другую нам никто не даст. А так всё просто отлично, – он примолк и продолжил тише. – Мы много лет хранили этот мел в расчёте на то, что однажды им воспользуемся, а теперь так бездарно проморгали.

(На самом деле закончил Феликс куда менее литературно, и это был единственный раз, когда Лаванда от него подобное слышала).

– Подожди, – ей вдруг пришла в голову одна простая вещь. – А они знают, что это за мел и что он сейчас у нас? Те, кто проводит обыск, я имею в виду.

Феликс остановился, взглянул на неё уже более осмысленно:

– Не факт.

– Тогда, может, ещё не всё потеряно? Может, они просто оставили его на месте? Кому, в конце концов, нужен кусок мела.

Феликс задумался ненадолго.

– Разумно, – кивнул он.

Медленно и машинально обмерив шагами комнату, он вытащил зажигалку и несколько раз высек из неё пламя. Кажется, это помогало ему с чем-то определиться. Лаванда сидела тихо, чтоб не мешать.

– Так, ладно, – Феликс убрал зажигалку и хлопнул по карманам. – Сейчас туда лучше не соваться, а ночью я попробую сделать вылазку и достать этот чёртов мел. Надеюсь, хоть на ночь они оттуда уберутся.

– Извини, – пробормотала Лаванда, опуская глаза: ей вовсе не хотелось, чтоб так всё получилось и пришлось бы совершать всякие сомнительные вылазки.

– Да ладно, – Феликс улыбнулся. – Это не так сложно, как

кажется.

– Спасибо...

С той же улыбкой он добавил:

– Если не вернусь, считай меня жертвой режима.

Лаванда нахмурилась:

– Я не это имела в виду.

Но Феликс уже отошёл от неё и сделал вид, что не слышит.

49.

Феликс вернулся рано утром.

Лаванда проснулась с первыми проползшими в окошко лучами и, обозревая из своей постели пустую комнату, уже начала предполагать худшее. Но пока она прикидывала, насколько вероятен и реалистичен такой исход, дверь хлопнула и появился Феликс: в сплошь измятой одежде, перемазанный чем-то, со сбитым дыханием, как после долгого бега, а в глазах горели немножко безумные торжествующие огоньки, будто он только что совершил какой-то подвиг.

– Вот, держи, – он бросил Лаванде маленькую коробочку. – Они по-прежнему стерегут, но я смог обойти.

Сложив руки на груди, он бухнулся на раскладушку и гордо глядел на Лаванду.

Она открыла коробочку и с облегчением обнаружила в ней знакомый белый кругляш.

– Спасибо, – искренне проговорила она.

Всё же гораздо спокойнее было держать столь ценный, доверенный лично ей предмет на ладони, чем гадать, где он и кто по её косвенной вине завладел им. Тем более Феликс, похоже, рисковал гораздо больше, чем сказал ей.

– Да, Лав, – бросил он, – и, пожалуйста, носи его всегда при себе, хорошо? Я не настаиваю, чтоб ты что-то им писала, просто пусть постоянно будет у тебя.

– Хорошо, – Лаванда переложила мел себе в карман. Потерянный, казалось, и снова возвращённый, он приобрёл какую-то особую ценность, и вовсе не хотелось терять его снова.

– Видел сейчас квартиру, – продолжал Феликс насмешливо. – Всё перевернули, что можно было перевернуть. Старательно так работали. Ну, этого и следовало ожидать.

– Ой, – вспомнила Лаванда. – Они же, наверно, нашли какой-то компромат на тебя?

– Какой там компромат, – отмахнулся Феликс. – Что такого они могли найти? Ноутбук, разве что? Подумаешь, редкость, у половины страны такой компромат найдётся. А, да, ещё они раскопали-таки архив, – он коротко рассмеялся. – Это, конечно, неоспоримое доказательство антигосударственных деяний. Но могли бы и не изымать вообще-то.

– Забрали? – откликнулась Лаванда. – Жалко.

Ей и вправду было жаль этих старых вырезок, хранящих в себе слабый и тонкий, но неповторимый аромат минувших веков, и в этом у неё почему-то не возникало сомнений.

– Да ладно, не такой уж он оригинальный. У многих из наших примерно такие же есть.

Феликс будто бы вспомнил о чём-то, о чём только удалось забыть, и как-то притих.

– А твои статьи? – снова спохватилась Лаванда. – У тебя же их столько там лежало... Они ведь теперь всё прочитают!

– Думаешь, Нонине их не читает? – он мрачно взглянул

на неё исподлобья.

– А ты думаешь, читает?

– Читает. Ещё с того времени как я только начинал. Каждую статью от корки до корки. Обожает читать про себя. Тварь.

Лаванда не стала спрашивать, почему именно Софи – тварь в этом контексте; у Феликса это, похоже, было рефлексивное. Тут возникал вопрос поинтереснее.

– А откуда ты знаешь, что она читает?

Феликс на секунду растерялся, но быстро вернул себе прежний уверенно-насмешливый вид:

– Она периодически мне отвечает, когда у неё конференции, – заверил он. – Ну, то есть она, конечно, не говорит этого прямо и не упоминает меня – она меня вообще никогда не упоминает, – но явно видно, что её натолкнуло на эти фразы и что она имела в виду.

– Даже так? – проговорила Лаванда с сомнением.

– Абсолютно точно.

– И до сих пор ничего против тебя не предприняла?

– Да. Почему-то не предприняла. Не знаю почему.

Феликс поднялся с раскладушки, бросил на тумбочку под окном какую-то книжку и ушёл в закуток – включить чайник.

Лаванда с интересом подошла к тумбе, чтоб посмотреть, что он туда кинул. Это была одна из книг с полок в их доме. К удивлению Лаванды, ею оказался тот самый томик стихов,

который смотрелся наиболее случайным из всей подборки.

– Это ты тоже взял?

Феликс выглянул в комнату.

– Да. Все сразу тащить было бы громоздко, так что забрал только её.

– Никогда бы не подумала, что ты выберешь именно эту, – тихо пробормотала Лаванда – скорее себе, чем ему.

Феликс вернулся из закутка и тоже подошёл к тумбочке.

– Там в основном поэты, жившие в «чёрное время», – он взглянул на книгу. – Я когда-то читал их биографии... Иногда, когда трудно, они помогают. Дают чувство, что... что ты не один, что ли. Я тогда напоминаю себе, что они пережили всё это... ну, или не пережили, как кому повезло. Но они не сломались. Знаешь, – он обернулся к Лаванде с какой-то рассеянной улыбкой, – ведь люди – все мы – довольно слабые существа на самом деле. Когда настают плохие времена, иногда хочется убежать от всего этого, сжаться в комочек, забиться в угол и ждать, когда оно пройдёт мимо. В такие моменты больше, чем когда-либо, необходимо, чтобы что-то внутри тебя поддерживало, давало силы идти туда, куда надо... Какая-то путеводная звезда, светлый образ, – он тихо засмеялся. – Но если ты сам из себя ничего не представляешь... можно хотя бы ориентироваться на кого-то другого. Как думаешь?

Лаванда не ответила. Феликс нечасто начинал говорить так – будто снимал вдруг маску вечно идущего против систе-

мы бунтаря, которому всё нипочём.

– Ладно, забей, – усмехнулся он. – Глупости.

Через окошко под потолком в их новое жилище вливался
новый день.

50.

Дела идут как нельзя лучше, – с удовлетворением заключила про себя Софи. Правда, Шержведичев успел улизнуть, но это ничего не значило: Кедров, конечно, в кратчайшие сроки выяснил, куда именно. Разумеется, в подземное укрытие, оставшееся с позапрошлого века, со времён войны, – место, давно облюбованное оппозиционерами и протестующими всех мастей и их усилиями обустроенное для сносного существования. Поблизости не было установлено камер и прослушки, но это не значит, что место не контролировалось: оно было хорошо известно и учтено. (Не в этом, но в довольно похожем когда-то укрывалась Софи – как раз когда Чексина что-то слишком взволновала «рядовая преступная группировка»).

В общем, текущий расклад её вполне устраивал: Шержень под колпаком и никуда не денется, пусть пока воображает себя подпольным борцом с режимом. Софи он не мешал.

Архив вырезок Софи уже внимательно просмотрела, и он ей в целом понравился, она даже оставила кое-что себе на память. Результаты по ноутбуку должны были предоставить позднее, а сейчас на повестке была целая папка отчётов от региональных властей. Софи точно знала и даже имела несколько случаев убедиться, что бумажная форма куда надёжнее любой электронщины, а кроме того, она так при-

выкла, поэтому готова была лучше подождать лишнюю неделю, требующуюся, чтобы спецпочта достигла пункта назначения.

Ринордийский регион, западные районы, центральные области и приозёрье, северная линия, восточная и южная окраины. Всё это сейчас лежало перед ней гигантским размеченным полем, которое так удобно обозревать сверху.

Неспешно открывая конверт за конвертом, она обдумывала, сверяла, запоминала и причитала к одному, – вплетала в единую картину, большую сеть, где можно было лёгким прикосновением к паутинкам менять и подстраивать под себя всё.

Раскладывая бумаги на столе по стопкам, Софи остановилась на отчёте из Камфской области – как раз той, на которой застряло победное продвижение ГГД на восток. Глаз зацепился за ярко-белые полосы, сильно выделяющиеся на фоне желтоватой бумаги. Поверх них были ручкой написаны слова, отчаянно маскирующиеся под печатный текст. Софи усмехнулась краем губ: когда же эти кретины разучатся так делать.

Если что-то замазали, значит, было что прятать. Софи потянулась к канцелярскому стакану, достала маленький ножик для бумаги. Аккуратно попробовала им соскрести штрих. Кое-где белая замазка поцарапалась, несколько кусочков отколупнулись от бумаги, но в целом действие не возымело успеха. Софи раздражённо отбросила ножик и по-

шарила взглядом по столу в поисках подходящего средства. Нет, этого средства тут не было.

– Китти, – уткнувшись в отчёт, она требовательно протянула руку. – Растворитель.

Через несколько секунд в пальцы ей лёг маленький пузырёк. Софи откупорила крышку и плеснула на бумагу. Пока ацетон начинал действовать, мельком вскинула взгляд на Китти: та уже сидела на своём месте, будто не вставала с него.

Софи вернулась к отчёту. Штрих всё ещё держался, и Софи нетерпеливо долила на него остатки, затем поскребла ножиком. Теперь белые полосы сдались и ушли.

А, ну как и следовало ожидать: циферки не сошлись в конце месяца. Планировали одно, а в последний момент, видимо, выяснилось, что получилось совсем другое. Когда же они научатся...

Софи подняла опустевший пузырёк.

– Он кончился, – проговорила она, саркастически глядя на Китти. Затем разжала пальцы, и пузырёк упал в корзину, где, судя по звуку, разбился.

– Что-то всё имеет тенденцию заканчиваться в последнее время, – продолжила Софи. – Даже не знаю, к чему бы это. Может, закончить что-нибудь более масштабное? Восстановить историческую справедливость к примеру...

Китти на момент оторвалась от компьютера:

– Я закажу ещё партию, – спокойно кивнула она.

Интересно, она просто не поняла или её действительно нельзя выбить из колеи? Софи даже захотелось это проверить – посмотреть, как бессбойный заводной механизм обращается человеком.

Сейчас, впрочем, на это не было времени, как-нибудь потом. Софи вернулась к бумагам.

51.

Куда он опять отправился, Феликс не сказал: он ни разу не сказал, с тех пор как они поселились в убежище. Явно не на сходки он пробирался: по его же словам, друзья предостерегли его от любых контактов, включая телефонные звонки; это было продиктовано мерами безопасности. Всё самое необходимое в убежище наличествовало. А если просто так – Лаванда считала не самой удачной идеей лишний раз покидать эти стены.

Впрочем, если Софи всё-таки передумает и запишет углём их имена, то никакие стены не спасут, – напоминала себе Лаванда. Обвалятся под тяжестью земли, или воспламятся, или... Что же?

Она никак не могла припомнить – и уже начинало казаться, что и нет такого вовсе, – чего же можно бояться столь навязчиво, что мысли сами крутятся в голове, помимо твоей воли, что всплывает в самый неподходящий момент с вопросом «А если?..», чего сторониться так настойчиво, даже не замечая как.

Были вещи, которых она по возможности избегала, – например остаться одной в совсем незнакомом месте. Или сделать неправильный выбор, который невозможно будет поменять. Но это ведь не уничтожает вот так сразу. Нет, нужно что-то проще...

В задумчивости перебрала она светлые пёрышки в браслете. Они мягко погладили пальцы, уверяя, что всё нормально и не о чём волноваться, что бы ни происходило вокруг, в большом отрешённом мире. Лаванда улыбнулась им, как старым надёжным друзьям.

Свет из окна падал на сплетённые перья, запутывался в них, размечал тонким узором податливые ему пластинки. Засмотревшись, Лаванда и не заметила, как собственные обрывки мыслей и мимолётные образы разлились, застлали собой пространство, не приобретая даже чёткой формы, а просто погрузив в себя, как водная глубь. Очнувшись и вновь вспомнив, что она кем-то является и, наверно, что-то делает, Лаванда обнаружила себя в узком, плохо освещённом коридоре. Он был похож на коридоры в том департаменте, только ещё более обветшавший и заброшенный. Прямо перед ней располагалась дверь.

Лаванда хотела было зайти, но остановилась. Кто знает, что там... Может, с этим вовсе и не стоит встречаться.

«Но я ведь смогу всё закончить в любой момент», – сказала она себе.

Кивнув собственной мысли, Лаванда решительно толкнула дверь.

Свежий ветер дохнул навстречу. Шаги утонули в песке. Стекланный северный воздух раздался вокруг, и было тихо. Только волны шумели поодаль.

– Море?

Лаванда с удивлением огляделась по сторонам.

– Я дома?

Прибой накатывал на бесконечный белый пляж, по которому она столько раз гуляла в детстве, собирая ракушки и морские камешки, выброшенные на берег, или просто сидела на песке, вглядываясь в безмятежную далёкую линию, которая всегда оставалась одной и той же. Здесь росла Лаванда, ничей ребёнок, а значит, общий – всех жителей маленькой рыбацкой деревушки на самом краю северного моря.

Как давно она не была здесь...

И зачем оказалась тут снова?

Этого она не могла узнать. Но раз уж оказалась...

Неспешно она побрела вдоль линии прибоя. Море накатывало и лизало порой её щиколотки, и казалось, что в разлуке не прошло и дня. Будто Лаванда не уходила отсюда.

В небе реяли белые чайки.

Мелкий и сыпучий сухой песок гасил все звуки. Иногда на нём попадались обкатанные камни или выбеленные морем куски дерева, а то и маленькие косточки, но настолько выглаженные и сверкающие на свету, что казалось вполне уместным взять их себе на память.

На пляже, кроме неё, не было никого. Да никто и не был нужен. Только она и море. И где-то высоко в небе – жёлтый солнечный шар.

Чайки кричали... В их криках едва уловимо слышалась тревога: словно они увидели какую-то тень на горизонте и

метались, не в силах ничего изменить.

Лаванда остановилась, пытливо посмотрела на них. Но нет – понять, о чём они, ей было не дано. А вокруг всё по-прежнему было спокойно.

Озадаченная немного, она отправилась дальше. Волны приливали и отливали. Одна из них нахлынула вдруг, достав до середины икры, и обдала холодом.

Пожалуй, она идёт всё-таки слишком близко. Лаванда отошла подальше, вглубь берега.

Следующая волна достигла коленей. Странно, море никогда не вело себя так, сколько Лаванда помнила.

Пока она раздумывала над этим, застыв на месте, третья волна чуть не сбила с ног. Лаванда поспешно отступила.

Здесь, под прикрытием прибрежных скал должно было быть полностью безопасно, Лаванда отлично знала. Но на этот раз вода последовала за ней. Волны приливали снова и снова, становились выше и сильнее, будто хотели смести берег, поглотить его. Спасаясь от них, Лаванда бросилась карабкаться на скалы.

Она быстро преодолела целую половину и оглянулась. Море плескалось у подножья. Она полезла выше, долезла до самой вершины – уж тут-то вода точно её не тронет. Но, обернувшись вновь, поняла: в скалах тоже нет спасенья. Вода прибывала и прибывала.

Чтоб наверняка уж сделать всё возможное, Лаванда преодолела последние несколько метров и взобралась на верши-

ну. Теперь можно было только стоять и смотреть, как ото- всюду на скалу наступает море, поглощая вершок за верш- ком этот последний клочок суши: всё вокруг уже покрывали бурные волны.

Пожалуй, тут не было и не могло быть никакой надежды на спасение.

Вода уже плескалась у ног, когда в небе послышался шум вертолѐта. Лаванда задрала голову: да, вон она, громоздкая, но маневренная ярко-оранжевая махина, взрезающая воздух пропеллером. Они всё же прилетели, они спасут её!

– Эй! – крикнула Лаванда, подпрыгивая на месте. – Эй, я здесь!

Вертолѐт замедлился, завис в воздухе: кажется, там её за- метили. Он зашёл было на круг, но яркая вспышка – горя- щим метеором он устремился вниз и ушёл под воду.

Больше помочь ей было некому. А в том месте, где упал вертолѐт, – видимо, от удара – поднялась огромная волна и устремилась прямо на Лаванду.

Ещё секунда, и – она уже поняла это – волна накроет её с головой, и тогда всё. Лаванда застыла, готовясь мысленно к этому последнему удару...

– Лав! Лаванда! Очнись же ты наконец!

Кто-то тряс её за плечи. С усилием она раскрыла глаза, глотая ртом воздух, будто и в самом деле побывала под во- дой.

Феликс вернулся очень вовремя. Ещё секунда, и – Лаван-

да не была уверена, что бы последовало затем.

– Ну, где блуждала в этот раз? – он, похоже, едва сдерживался, чтоб не наговорить всё, что думает о ней и о её «прогулках» в сферы. – Что увидела?

– Воду, – пробормотала она, часто дыша. – Много-много воды.

– Воды? – удивлённо повторил он.

– Потоп.

– Аа... – понимающе протянул Феликс и будто вспомнил только что. – Да, ты ж у моря родилась.

– Я просто... просто думала... Если Софи решит записать меня, то что будет. И думала, что же возникнет из моих мыслей, чего мне опасаться... И думала, думала... А потом... Увидела море... И потоп... И там была волна, она бы меня накрыла... Она бы...

Не в силах продолжать, она вдруг разрыдалась совсем по-детски из-за всего пережитого. Феликс стремительно обнял её и прижал к себе.

– Ну что ты, сестрёнка... – пробормотал он несколько растерянно. – Уже ведь всё позади, ничего не случилось. Да и не случится, скорее всего, – внезапно добавил он с усмешкой.

– Почему? – не поняла Лаванда.

– В Ринордийске *нет* моря, – так же насмешливо парировал Феликс. – Не думаю, что оттого, что Нонине что-то там напишет, оно тут появится.

– Думаешь, нет? – она оторвалась от него и посмотрела с

удивлением и надеждой.

– Не, ну всё может быть, конечно. Но не думаю. Так что, очень возможно, тебе неслабо повезло.

Сказано это было весёлым тоном, но тревожный взгляд куда-то в сторону не очень сочетался с ним. Думал ли Феликс о других «возможно» или о чём-то своём, о чём не хотел рассказывать, – оставалось неясным. Лаванда, только что приглушившая собственные страхи, не стала уточнять.

52.

С каждым разом становилось всё труднее находить повод. Не для Лаванды – она в любом случае безропотно осталась бы в убежище до его возвращения и не стала бы требовать объяснений.

Для себя самого.

В убежище был запас продуктов как минимум на месяц, то же касалось и топлива для печки. Конечно, макароны и тушёнка на каждый день – не ахти что, но это не давало повода лишний раз светиться в городе.

Сейчас он после некоторых колебаний решил, что ему крайне нужны, прямо-таки необходимы сигареты. В общем-то, это действительно было так. Но Феликс и сам понимал, насколько это нелепо: рисковать не только своей жизнью, но и вообще всем делом – ради чего же? – ради пачки сигарет.

Да хоть ради двух.

Он всё-таки взял две. И ещё шоколадку для Лав. Она же вроде бы любит шоколад. (По правде говоря, Феликс и сам сейчас был очень не прочь, поэтому сразу спрятал шоколадку глубоко в карман, чтоб не попадалась на глаза).

Но вместо того, чтоб скорее возвращаться в убежище, Феликс пошёл совсем в другую сторону. Особой цели у него не было – просто побродить немного по городским улицам.

Стены теперешнего жилища угнетали его. Хотелось выбраться из этого каменного мешка и пойти гулять по Ринорддийску: походить по центру, пройтись по паркам и площадям, выйти к людям, в конце концов, – влиться в их гущу, завязать разговор, устроить что-нибудь. Он знал, чем это чревато. Ну и пофиг.

Нет, конечно, не пофиг, – осадил он себя. Это просто неразумно, бессмысленно и портит даже то, что ещё удалось не испортить.

Хорошая мысль вдруг пришла ему в голову: а почему бы не проверить, стоит ли ещё охрана около дома или уже нет. Всё равно отсюда недалеко.

Осторожно, не главными улицами он начал пробираться к своему району. Люди время от времени попадались навстречу, но это были обычные люди, и Феликса они не узнавали. Когда оставалось уже немного, он пошёл медленнее, осторожнее, то и дело останавливаясь перед углами и прислушиваясь к каждому шороху.

Вот она – родная многоэтажка. Феликс спустился к проходу во двор, где стояли ворота с солнцем. Теперь здесь не было патрулей.

А вот перед подъездом – он разглядел – да, дежурили по-прежнему и, похоже, сворачиваться не собирались. А ведь прошло уже больше недели. Интересно, на сколько ещё их хватит?

А между прочим, – вдруг подумалось ему, – это идея: со-

всем нелишние отследить момент, когда они уйдут. Можно наведываться сюда для проверки хоть каждый день. Если он будет действовать осторожно – а он будет, – то это вполне полезная и здравая инициатива...

Хотя нет, конечно, – вовсе не полезная и не здравая. Бессмысленная – так было бы вернее. В конце концов, даже если они уйдут, ну кому нормальному придёт в голову туда возвращаться? Это ведь вычислят мгновенно. Это теперь открытая война, и завершится она не раньше, чем будет покончено с Нонине. Ну, или с ним самим.

Если бы Лав тоже это понимала. Нет, бесполезно что-то доказывать, тупая её упёртость непрошибаема. Держать в руках оружие, способное в одночасье разрешить огромную проблему, и не пользоваться им, потому что «нельзя»! Да ведь кто такая Лав – со всеми милая и хорошая глупенькая девочка, начитавшаяся детских сказок-моралите. Они, наверно, для того и придумывались, эти сказочки, чтобы забить голову людям и сделать их безопасными для всяких сволочей вроде Нонине и всей этой ссо-шной мерзости.

Какая вообще несправедливость в том, что мел дался именно Лав. Будь Феликс в состоянии использовать его, он бы, конечно, уже давно закончил, вместо того чтоб разводить тонны философских раздумий и без конца советоваться со своей совестью, как бы тут правильнее извернуться. Его совесть точно знала, что надо делать. И он бы просто взял и сделал это.

Почему вообще возможность всерьёз поменять что-то вечно достаётся тем, кто менять ничего не будет? Таким, как Лаванда, мечтателям не от мира сего, а на самом деле – просто равнодушным эгоистам, которым нет дела ни до кого и ни до чего, кроме своих призрачных видений. Можешь загибаться у них под ногами – они так и будут смотреть вдаль и раздумывать, что сказать по этому поводу.

Голоса патрульных раздались ближе. Заметив движение поодаль, Феликс быстро отступил в тень трансформаторной будки. Скорее всего, они не специально сюда подошли, надо просто переждать.

И да, действительно – два полицая приблизились к солнечным воротам, но говорили они о чём-то своём. Даже весело говорили, чему-то смеялись. Может, они и вообще были не из патрульных, а просто проходили зачем-то мимо.

Внезапно Феликса охватило сильное желание выйти из-за будки, помахать им рукой и крикнуть: «Эй, парни, не меня ищите?» Ну, и, когда подойдут, добавить пару слов про Нонине, для надёжности. Будет очень эффектно и очень глупо.

Разумеется, он одёрнул себя и не стал этого делать. На нервной почве возникают иногда весьма странные порывы, не воплощать же их тотчас в реальность.

Немного спустя он брёл по переулкам Ринордийска, медленно возвращаясь к убежищу и стараясь выловить себе сколько-нибудь лишних минут. Вот Зелёный сквер, в нём обычно гуляют местные. А чуть поодаль, за углом, располо-

жилая заброшенная детская площадка, где почти никогда никого не бывает. Там даже камер нет.

Если зайти туда ненадолго, это ведь ничего страшного, – подумалось Феликсу. Он поколебался, затем твёрдым шагом направился к площадке.

Это было место встречи по умолчанию, когда не оговаривалось другого. Именно из-за отсутствия камер оно годилось, пожалуй, лучше всего. Феликс убедился, что площадка, как всегда, пустует, и присел на старые цепочные качели.

Конечно, сейчас ожидать чего-то бесполезно. Условного знака не было – Феликс внимательно слушал. (В последний раз, правда, было без знака, но это в условиях форс-мажора, когда времени в обрез – ровно на три жеста через окно, которые красноречиво объясняют, кто куда едет и что по этому поводу нужно делать). Вообще же всегда приходилось ждать, когда наступит подходящий момент, а когда тот человек решит, что момент подходящий, не предугадаешь. Переубедить же его было делом ещё более безнадёжным, чем переубедить Лаванду касаясь мела: это как доказывать кирпичной стене, что тебе вообще-то надо на ту сторону. Хоть разбейся об неё, она не сдвинется.

Нет, умом Феликс, конечно, понимал, чем тут могут грозить спешка и нетерпение и что с той стороны, наверно, лучше видно, что и впрямь не время. Просто от человека, способного лёгким движением руки разрулить полный трындец, невольно начинаешь ожидать, что он при любых обстоятель-

ствах может всё устроить как надо. А если не устраивает, то только потому, что не хочет.

Впрочем, чего хочет и чего не хочет на самом деле эта персона, о чём думает, что чувствует, – обо всём этом можно лишь гадать. Потому что снаружи – только холодное спокойствие и глянцево́ый блеск, ну, может быть, лёгкая усмешка в уголках рта, то ли было, то ли показалось, совсем как у тех существ, застывших в витражах Сокольского собора. Иногда это бесило Феликса настолько, что вместо обычного мягкого прикосновения хотелось сжимать до боли эти тонкие запястья, – может, тогда под оболочкой обнаружится человеческая сущность. Но в ответ могло последовать только «Ты мне так руку ломаешь» или, ещё лучше, «А ты, оказывается, поддерживаешь силовые методы воздействия?» Разумеется, последнее заявление лишало его всякой возможности настаивать на своём, даже если больше были виноваты перед ним и не он первый начал. Конечно, та персона знала, что это его уязвимая точка, знала и другие уязвимости. И в этом было что-то очень нечестное, потому что Феликс хоть и тоже знал про того человека очень многое, но постоянно казалось, что не до конца.

Он всё сидел на качелях, чуть покачиваясь, отчего они монотонно и одиноко скрипели. Он наблюдал, как на площадку опускается темнота, как вязкий густой сумрак свивается вокруг очертаний предметов и превращает их в тени. Сумрак всегда был их истинным временем – их двоих. Если

бы встреча была назначена на сегодня, то примерно сейчас из-за плеча неслышно бы возникла ещё одна тень. И – очень тихо, практически без интонации – «Это я».

А что если... Шальная мысль вдруг пришла Феликсу в голову. Он же, чёрт возьми, знает адрес. Чисто теоретически... Да, только теоретически – он очень осторожно начал вращать эту мысль – можно ведь прямо сейчас прийти и постучаться. Дверь ему откроют, он знал. А на быстрый шёпот «Ты чего припёрся?» можно будет ответить: «Вообще говоря, в дежурном порядке. Тем более, давно не виделись». А потом с наглой ухмылкой усесться на диване, и пусть она делает что хочет.

Ну и на этом, собственно, всё. Причём не только для них двоих, но и вообще для всех.

«Эй, парень, если уж жить надоело, не тяни хотя бы за собой остальных».

Качели скрипнули чуть громче и пронзительнее.

Не то чтоб ему надоело, конечно. Просто это глухое молчание, образовавшееся вокруг него, и вынужденное бездействие, и всё одно к одному, – их хотелось разорвать хоть как-то, хоть чем-нибудь. Встречи нет, когда будет – неясно. На сходки не зовут и сказали не звонить без крайней необходимости – это опасно, они сами позвонят, когда он понадобится. Нонине читает каждую статью, а стало быть, и все оскорбления, что он бросает в её адрес, и не предпринимает вообще ничего – просто делает вид, будто этого не было. Лав гля-

дит мутными водяными глазами и, кажется, не понимает ни одного его слова, не желает понимать. От всего этого иногда хотелось кричать: «Что же вы со мной делаете, сволочи?» И биться в истерике.

Он усмехнулся сам себе. Надо же, какие мы нервные. Просто какая-то богемная дамочка начала того века, а не оппозиционный журналист.

Уже совсем стемнело и вошла луна – белая пока ещё половинка диска. Не слишком поздно, но определённо пора идти.

Феликс встал с качелей, ещё раз окинул взглядом детскую площадку и, не оглядываясь больше, быстро пошёл в направлении убежища.

53.

Стоило закрыть глаза, как перед ними начинали хороводами кружиться подземные коридоры – узкие, тёмные и отсыревшие, а по ним голодными стаями бегали нескончаемые крысы и тащили за собой длинные вытянутые хвосты. И ещё тени – сонмы беспокойных теней, что шептались, и выли, и смеялись на все голоса. Софи отгоняла тревожащие её картинки и пыталась заснуть нормально, но разум продолжал метаться и что-то горячечно бормотать ей снова и снова. В конце концов, смирившись, что сон не придёт, Софи встала с постели и, хотя голова её была налита свинцом, побрела куда-то.

Она и сама не знала точно, куда идёт.

Стояла глубокая ночь – часа два или три, что-то около того. В резиденции в это время обычно уже никого не было, кроме самой Софи, да ещё охраны на выходах. Вот и сегодня тоже... Отпустила их. Сказала идти, потому что показалось, что обычной бессонницы удастся избежать.

Сначала она просто ходила по пустынным коридорам и от этого только уставала ещё больше: голова распухла и начинала ныть в суставах левая рука, а потом и всё остальное. Побродив без цели, Софи направилась к своему кабинету. Работа лучше всего отвлекает от всяких тревог и мелких неурядиц, уже не раз можно было убедиться в этом.

Сегодня они с Кедровым допоздна составляли списки потенциально опасных граждан: вместе штудировали личные дела, разбирались в отчётах и старых документах, обсуждали и по ходу обсуждений кое-кого Софи выписывала себе в блокнот. В итоге набралось довольно много – Софи даже не ожидала, что будет столько, а ведь она ещё подходила не со всей строгостью и допускала поблажки. Нарушители общественного порядка всех родов, несанкционированные работники прессы, провокаторы... Приглядеться только – и за каждым окажется какое-нибудь тёмное дельце.

Вскоре она начала делать пометки напротив фамилий. «Яд» – ядро – враги прояснённые и не вызывающие сомнений, как, например, та компашка, что собиралась периодически на «конспиративной» квартире, и «пф» – периферия – те, кто засветился раз или два в чём-то марающем, но ещё мог исправиться. Софи пока не собиралась ничего делать ни тем, ни другим иначе, как в ответ на их выпады, но знать всё это ей было необходимо. Чтоб, когда нужно будет действовать, всё оказалось подготовлено и реакция последовала бы моментально.

Проделанной работой Софи осталась полностью довольна, хоть и устала как ломовая лошадь. Поэтому, закончив, она сразу же отослала всех: не было ни сил, ни настроения что-то ещё выслушивать и решать. Правда, Кедров, кажется, порывался что-то доложить, но Софи отрезала, что это подождёт до следующего раза.

Теперь она вошла в тот самый кабинет – тёмный и молчаливый ночью, с лунными пятнами на столах и дверцах шкафов – и заперла дверь на ключ. На большом столе, с вопросом взиравшем из дальнего угла, слева от окна, со вчера всё ещё были разбросаны стопки бумаг. Переложить их по новой, перепроверить, всё ли она правильно поняла? Но голова такая тяжёлая...

Нет, вряд ли ей удалось бы вникнуть в них хоть сколько-нибудь. Да и глаза сейчас с трудом разбирали очертания букв в свете свечи, а включать верхний свет Софи не хотела: опасалась.

Взгляд упал на приёмник за маленьким столом. Да, это она, пожалуй, ещё могла.

Не отдавая себе отчёта, Софи подспудно понимала тем не менее, что ночные бдения над приёмником по большому счёту никогда ничего не дают. Никто не будет сейчас болтать лишнего по телефону, и если что-то серьёзное, прозвать про это можно каким угодно образом, но не так. (Последнего незадавшегося провокатора раскрыли только потому, что тот давно был под подозрением). Но прослушка несколько успокаивала, давала чувство, что хоть что-то в данный момент под полным контролем.

Софи переставила аппарат на свой стол, надела наушники, включила приёмник и прислушалась к щелчкам и шелесту голосов. Они затихали и вновь возобновлялись, но никак не смолкали полностью. Ринордийск никогда не спал, даже

если казалось, что спит. Переключая рычажки, она вслушивалась в его голоса, ловила то один разговор, то другой.

Если бы только не левая рука... она отвлекала. Боль сначала пульсировала тихо чуть выше локтя, потом волнами начинала расходиться дальше, отзывалась в костях, наконец разгоралась и сбивала все мысли.

Пожалуй, надо принять обезболивающее. Софи потянулась к среднему ящику, достала оттуда пузырёк. Одну таблетку. Только одну, не больше.

Вот так – она убрала пузырёк обратно. В сомнениях, с недобрим предчувствием взглянула на угольный карандаш. Конечно, там его никто не тронет. Но лучше... лучше пусть будет при ней. Софи переложила его к себе в карман и снова вслушалась в голоса. Сегодня она не превысит дозы и остановится на одной таблетке. Да, в этот раз всё же сможет остановиться.

Софи сосредоточилась на деле. Сначала даже получалось слушать этот пустой ребяческий трёп ни о чём – и в целом улавливать общее направление и логику чередования реплик, за которыми уже смутно возникали очертания отдельных людей вместо буровой неразличимой массы. Потом боль снова начала вклиниваться, одновременно отдавая в запястье и в плечо. Софи отмахнулась от неё, как от назойливой мухи. Надо просто подождать, обезболивающее подействует через несколько минут.

Два голоса говорили о чём-то в наушниках. Уже трудно

было понять о чём. Отдельные сменяющие друг друга фразы застили собой смысл, нить терялась, не удерживалась в памяти, слова начинали пульсировать, расходиться кругами; они размывались в мутные пятна, и на их фоне вырисовывался только навязчивый мерный шёпот, что отдалялся и приливал вновь, как морской прибой...

Нет, так не пойдёт. Софи раздражённо выдвинула ящик, снова достала пузырёк и проглотила ещё одну таблетку. Затем шумно двинула ящик обратно и заперла на замок, а ключ отшвырнула в сторону – за высокий шкаф у стены. Теперь так просто к пузырьку не подступишься. Надо, в конце концов, преодолеть себя.

Голоса стали чётче, обрели очертания. Они начали складываться в людские разговоры... Похоже, они все действительно болтали ни о чём. Право, удивительно, на какие только темы ни готовы трепаться люди по ночам вместо того, чтоб спать или тогда уж заниматься делом. Какие-то мелкие старые сплетни, какие-то мелкие амурные дела, какой-то мелкий компромат с последней пьянки, какие-то мелкие бездарные планы на ближайший отпуск... Где же большие идеи и отважные поступки, то Человеческое с большой буквы, что осталось в веках? Видимо, там и осталось? Нет, определённо надо вводить комендантский час и запретить всю эту трескотню после полуночи. (Да и вообще всё запретить, они всё равно ничего не делают).

Хотя, с другой стороны, так даже лучше, – подумала Со-

фи. Такими полукукольными людишками наверняка куда проще управлять, чем теми, настоящими людьми. Что ж, она доведёт их, куда следует, хотя они, возможно, проклянут её по дороге. Но века запомнят её имя, и будущее всё расставит по местам: все будут знать тогда, что Софи Нонине совершила великое. Эти уже нет: ничего не понимают и не умеют, не более чем расходный материал. Но вот грядущее поколение – лучшие, сильные и прекрасные люди, которые будут жить в обновлённом, для них построенном мире, – вот они будут ей благодарны.

Не дело в таком случае будущему благодетелю целого народа, гению власти заикливаться на бессмысленных разговорах невежд и дураков. Надо думать о вечном.

Софи поднялась, расправила на плечах плащ из крысиных шкурок. Отодвинув в сторону приёмник, она вытащила новую сигарету из пачки. Под «Каракас» всегда думалось лучше и как-то особенно чётко. Она потянулась за спичками, но отяжелевшая рука задела пепельницу и смахнула её на пол. Та испуганно задрезбуждала, по полу рассыпались окурки и пепел.

Софи непонимающе смотрела какое-то время, соображая, что уместнее: поднять пепельницу самой или позвать кого-то, кто это сделает. Она бы, может, и подняла, но как-то уж очень кружилась голова...

Хотя тут и позвать-то некого. Вся обслуга уже по домам... На всякий случай Софи нажала кнопку громкой связи. В

приёмной – там находилась секретарша, если её присутствие не нужно было в кабинете, – раздался залиvistый звонок и затонул в тишине, только эхо отзвучало ещё немного. Разумеется, сейчас там тоже никого не было, Софи так и предполагала. Нет, она, конечно, отпустила их, когда ещё думала, что может заснуть... Но ведь Китти – не дура и должна слышать истинный приказ между слов. Она же знает, что может потребоваться здесь в любую секунду, мало ли что случится... Да даже если и не случится – может, Софи захочется поговорить посреди ночи.

Она ещё раз по инерции нажала кнопку, затем нетерпеливо схватила трубку телефона и быстро прокрутила диск несколько раз.

– Китти? – там ответили почти сразу. – Китти, прадедушку твоего двоюродного! Где ты шляешься?

54.

От всех этих ночных приключений, переездов и маршбросков представление о времени суток несколько нарушилось, поэтому они не спали, несмотря на позднюю ночь. Феликс полусидел на тумбе и, раскрыв перед собой в воздухе тетрадь, делал вид, что пишет статью. На самом деле он всё больше смотрел то на молчавшее радио – оно стояло включённым, хотя сейчас там было нечего ловить, – то на дисковый телефон, важно расположившийся на полу. Тускло светила единственная лампочка над дверью, в железной печке расцветал красным огонь, и было тепло.

Лаванда, чтоб чем-то занять время, выпросила у Феликса сборник стихов и теперь пыталась понять, что в них есть такого, что ими восхищаются и не забывают их вот уже около века. Чаще всего она просто ничего не разбирала в хитро сплетённом узоре строк, хотя, надо признать, звучали они красиво. Но что в действительности имелось в виду – это ускользало от Лаванды. Иногда только на какой-нибудь из страниц встречалось вдруг что-то близкое и понятное – но не головой, не в виде мыслей и догадок, которые можно было бы озвучить, а только как ощущение, лёгкое прикосновение тонкого и невысказанного, но, несомненно, знакомого.

Она несколько раз украдкой взглянула на Феликса и, решив наконец, что не сможет отвлечь его больше, чем он сам

себя отвлекает, подала голос:

– Я нашла красивое стихотворение.

– Ну?

Лаванда продекламировала:

Блики солнца на листьях клёна!

Золотые пластинки на синей фольге!

И, хотя скоро быть листопадной пурге,

Беззаботны вы – как знакомо!

Осень новая к нам спустилась.

Ярких красок так много в палитре её –

Цветопляска с грустинкой, наш смех и враньё,

Жизни страх и вся её милость.

И с таким удивленьем смотрим

На привычный полёт золотого листа,

Будто, в шквалах и буре пройдя сквозь года,

Уже бывшее мы не помним.

(По правде, она не смогла бы объяснить, насколько и чем в точности красиво именно это стихотворение. Она просто видела его раньше и обрадовалась, как старому приятелю).

– А, – Феликс оторвался от своей тетради, чуть улыбнулся. – Евгений Зенкин? Это не очень, на самом деле. У него есть получше.

Он вернулся было к записям – и снова быстро вскинул взгляд на телефон. Лаванда проследила за его движением и удивилась ему.

– Думаешь, они могут позвонить в такое время?

– Если случится какой-то форс-мажор, наверно, позвонят, – Феликс пожал плечами. – Я ведь даже не в курсе, что там сейчас происходит. Был бы интернет хоть на пять минут, можно было бы проверить. А так, случись что... – он прервался, нервно погрыз ручку, снова вскинул взгляд. – По радио действительно важного никогда не скажут, сама понимаешь.

«Тем не менее оно у тебя почему-то всегда включено», – подумала Лаванда, но сказать этого вслух не успела. У окошка наверху раздался тихий тройной стук. После паузы – ещё раз.

Феликс мгновенно вскочил, потянулся к окошку и что-то попытался за ним разглядеть. Затем метнулся к двери, перед выходом на секунду остановился:

– Подожди... поговорить надо... кое с кем.

Он скрылся за дверью. Лаванда какое-то время смотрела ему вслед.

– Кое с кем, – задумчиво повторила она.

Если они не отойдут никуда в сторону, то, наверно, их прекрасно должно быть видно из окна. Конечно, это не очень хорошо – подглядывать без согласия... Но любопытство плевать хотело на всякие «не очень хорошо», любопытство под-

толкнуло Лаванду придвинуть к окошку тумбу, осторожно забраться на неё и, встав на цыпочки, выглянуть на улицу.

Окошко располагалось почти вровень с землёй и позволяло наблюдать, что происходит у подножья. Было уже темно, но в тусклом свете, что роняло убежище, Лаванда смогла рассмотреть Феликса. Его же собеседник стоял чуть дальше, в тени, и кто это – Лаванда не поняла. Она даже приблизительно не различала этого человека, только неясный тёмный силуэт.

Видимо, они говорили о чём-то. Но слова сюда уже не долетали. Может, и к лучшему: ещё и подслушивать вдобавок было бы совсем неприлично. Оставалось только гадать, что могло быть настолько срочным или настолько секретным, что понадобилась эта ночная встреча...

Неожиданно раздалось тихое треньканье. Похоже, у того человека зазвонил мобильник. Силуэт быстро отошёл в темноту на несколько шагов: то ли разговор требовал конфиденциальности, то ли это было просто заученное движение. Феликс по-прежнему стоял на том же месте.

Лаванда сообразила, что теперь, когда разговор внезапно прервался, они вполне могут закончить и разойтись. Она спрыгнула с тумбочки на пол и поспешила скрыть все следы своего маленького преступления. Когда Феликс вернулся в убежище, она уже сидела на лежанке в той же позе, что была до этого, и читала стихи.

Феликс, впрочем, ни на что не обратил внимания. Он, не

глядя вокруг, быстро прошёл к окошку, вернулся обратно к двери и, казалось, был чем-то встревожен.

– А кто это был? – поинтересовалась Лаванда.

– Да так... Один знакомый.

– И что сказал?

– Плохие новости.

Феликс хмуро повертел в руках какую-то бумажку (Лаванде показалось, это что-то вроде наскоро набросанного списка имён, но, конечно, она не стала бы утверждать). Пробежав ещё раз взглядом от начала до конца листка, Феликс бросил его в печь.

– А что там было? – удивилась Лаванда.

Феликс отвернулся:

– Неважно.

Он снова заходил от стенки к стенке, мельтеша и не останавливаясь. Лаванда выжидала, не скажет ли он чего-то более осмысленного, но Феликс, похоже, вообще забыл о её существовании.

– Так всё-таки, что за новости? – начала она снова.

Феликс вдруг резко развернулся.

– Да что ты ко мне пристала? Что тебе ещё надо? Отвали от меня, в конце концов! – выкрикнул он и вылетел за дверь.

Лаванда ошарашенно посмотрела вслед.

– Да ладно, – пробормотала она и снова уткнулась в строки и четверостишья.

Примерно через полчаса Феликс вернулся в убежище. Он прошёл через комнату, опёрся руками о тумбу и какое-то время просто молчал. Лаванда подняла взгляд от книжки, но ничего не сказала.

– Слушай... Лав, – пробормотал Феликс, не глядя на неё. – Я, в общем... Действительно плохие новости... и вообще всё плохо. Я, в общем, не хотел ничего такого сказать. Ты... ты извини, хорошо?

Вот уж чего Лаванде точно не хотелось выслушивать. Феликс, если вдруг извинялся словами, всегда делал это так, будто ему это физически тяжело и крайне неприятно.

– Да ладно, всё нормально, – поспешно замяла она. – Я тут ещё одно стихотворение нашла. Хочешь?

Феликс кивнул:

– Прочитай.

Она вернулась к заложенной странице, прочитала:

Решка с орлом и реки берега,
Одного пламени два языка.
Если до завтра тебя не убью,
Можешь, наверно, считать, что люблю.

Феликс усмехнулся:

– И кто это?

– Некий Василий Сюрткин...

– Молодец Сюрткин, – со смехом кивнул он. – Конечно,

жуткая банальщина, но банальщина того сорта, что не перестаёт быть истинной правдой. Ладно, – он взглянул на брошенную тетрадь и подобрал её. – Продолжим по-нормальному.

На этот раз Феликс ушёл в закуток у двери – видимо, чтоб больше не отвлекаться каждую секунду. Да и к тому же там был стол. Думается, писать на столе куда удобнее, чем в воздухе.

И... Лаванде показалось, что в Феликсе что-то стало слегка по-другому, чем до этой встречи. Какая-то едва уловимая мелочь. Она подумала и вдруг поняла что.

Ночной гость, кем бы он ни был, поправил ему воротник рубашки. Сам Феликс никогда бы этого не сделал.

55.

А ведь Софи всегда прислушивалась к нему раньше.

Даже когда её занимало совсем другое – если Кедров докладывал ей что-то, она относилась с большим вниманием: знала, что он не будет отнимать время пустяками.

Теперь же – будто её это и не касалось вовсе. Будто не о её стране речь.

Опасность созревала на востоке, далеко за Тусконкой, и следовало взяться за неё немедленно. Пресечь или предпринять что-то другое, пока не поздно. Но нет, Великой правительнице, конечно, нет до этого дела, Великая правительница будет продолжать поиски внутренних врагов здесь, в Ринордийске, где всё и так находится под круглосуточным контролем спецслужб.

Это притом, что с тем же Шержведичевым она продолжает играть в кошки-мышки, хотя конкретно этого человека, возможно, и имело бы смысл устранить. Если кто из местных и стал бы затевать что-то серьёзное, то с большой вероятностью это был бы именно Шержень. Другие всегда будут действовать осторожно, с оглядкой, а этот парень, похоже, свою жизнь вообще не ценит.

Кто знает, может, потому Софи и не хотела с ним покончить – потому что играть с остальными было неинтересно...

Тогда, в осень их революции, когда ещё ничего не было ясно, когда улицы перегораживали баррикады, а в воздухе беспрерывно носились дым и крики, три или четыре человека из их компании – их отряда Сопротивления, как звали они сами себя, – пробирались по переулкам к улице Кобалевых, широкому центральному проспекту, по которому и пролегла граница главного и самого яростного противостояния. Волчонок возглавляла их.

Они только успели выйти на перекрёсток, как с той стороны заграждений начали воем разрываться сирены.

– Похоже, нас ждали, – проговорил Макс Быстрицын.

Секунда – и Софи уже была на баррикадах. Перегнувшись, она высматривала там что-то.

– Да, это они! – подтвердила она. В левой руке мелькнул револьвер, Софи приготовилась махнуть на ту сторону.

– Эй, Волчонок, – Кедров окликнул её снизу. – Уверена? Если их много, ты попадёшь.

Софи оглянулась через плечо: как флаг реют тёмные волосы, на лице – отсветы городских пожаров и торжествующая улыбка.

– По крайней мере, нас запомнят, – кинула она со смехом и в следующий миг скрылась за баррикадой.

Волчонка всегда было трудно понять. Кедров так и не понимал до конца.

Только всё чаще Софи казалась не гениальным прави-

телем, просчитавшим всё до мелочей, а скорее человеком, которому до лампочки любые проблемы, кроме нескольких идей фикс. К сожалению, к ней уже не подойдёшь, не хлопнешь по-приятельски по плечу и не спросишь так запросто: «Слушай, Софи, а ты здесь точно не затупила?» Остальные уже пробовали так или иначе. Софи не оценила.

А что если, – подумалось Кедрову, – он и сам уже в чёрном списке? Этим бы объяснялось многое: и пренебрежение его словами, и бесконечные послеполуночные проверки бумаг, и то, что Софи не сказала ему, куда исчезала в ночь смерти «загорского» провокатора... Всё сходится к одному: лимит доверия к Андрею Кедрову начинает исчерпываться.

Если так, то можно уже и не рыпаться. Забава могла длиться весьма долго (насколько он знал Софи), но итог всегда был одинаков. Кедров наблюдал, как это происходит, уже много раз.

Оставалось только надеяться, что он ошибся. В конце концов, слежки за ним пока не велось: всё-таки он, старый сослуживец, не мог бы этого не заметить.

Но всё же Кедрова не оставляло чисто звериное предчувствие, что его обкладывают флажками и не спеша гонят в тупик.

56.

Полторы недели.

Полторы недели они уже находились здесь.

Воздух в круглой комнате пропах старой пылью и был резок, тревожен. За дверцей печки иногда ярко вспыхивало.

У стены хрипло бормотало радио. Иногда Феликс подходил к нему, крутил ручку настройки и тогда было слышно чётче, разбирались слова и фразы. Феликс вслушивался, нервно чиркал зажигалкой, нетерпеливо гасил звук и снова отступал.

– Здравствуйте, с вами «Главная линия» и Китти Башева.

Наверно, если уйти хоть на край света и там ненароком включить радиоприёмник, то и тогда раздастся это «Здравствуйте...»

Феликс напряжённо вслушался и не стал убирать звук. Лаванда, правда, не поняла почему: он всё равно не слушал, а только мерил шагами комнату, иногда лишь приседая на тумбочку, но снова вскакивая и расхаживая.

– Если не позвонят завтра, я им сам позвоню, – он кинул быстрый взгляд на телефон и отвернулся.

– Но это же опасно... – напомнила Лаванда.

– Должен же я предупредить их!

– О чём? – не поняла она. – Аа, о том что... было в той бумажке?

– Ну... да, – неохотно согласился Феликс.

Странная схема, – подумала она. Кто-то передаёт информацию Феликсу – видимо, кто-то из оппозиционного круга, – но сами они ни о чём не знают, и их надо предупреждать. Похоже, он снова чего-то недоговаривал.

– А по-другому никак нельзя, чтоб они узнали? Не через телефон?

Феликс демонстративно развёл руками по комнате.

– Ты видишь что-нибудь подходящее? Может быть, ноутбук с интернетом? Я вот что-то нифига не вижу, – он насуплено сложил руки на груди и прислонился к тумбочке.

Лаванда вгляделась в сумбурные движения его рук и пальцев, и ей подумалось, что дело, наверно, не только в том, что «надо предупредить». Да и «ноутбук с интернетом» его выдал.

– Ломает? – негромко спросила она.

– Немного.

И, как бы оправдываясь, он быстро продолжил:

– Я просто привык, что все постоянно в доступе и что, если что-то случится, это тут же станет известно. А так я даже не знаю, что там у них происходит... Имеет ещё смысл предупреждать или, может, вдруг уже нет. Только мы тут сидим в этом ящике, – Феликс глухо стукнул костяшками о стенку. – Как в гробу.

Пальцы его снова нервно забегали, ища что-то; нащупали зажигалку.

– То есть ты понимаешь? – он несколько раз высек огонь. – Если в городе сейчас вдруг бабахнет и начнётся, мы об этом даже не узнаем, – Феликс так часто и беспорядочно щёлкал зажигалкой, что Лаванда поопасалась, как бы он снова что-нибудь не подпалил.

– А что должно начаться? – спросила она.

– Не знаю. Революция. Но вероятнее, что второе «чёрное время». Впрочем, о втором бы нас как раз уведомили, – мрачно закончил он.

– Кто?

– Люди Нонине.

– Но... они же не знают, где мы, – Феликс скептически усмехнулся. – Думаешь, знают?

– Думаю, да.

Лаванда задумчиво опустила голову, над всем размышляя. Довольно странно это он сказал сейчас. Раньше наоборот утверждал, что здесь безопасно. Ну и как быть теперь с этим?

– Ты же говорил, что... – она подняла голову и удивилась. – Ты куришь?

– Ага, – Феликс часто затягивался мелкими дрожащими движениями, будто урвал запретный кусок. – Дурацкая студенческая привычка... Надо было, конечно, избавиться, но меня немного не хватило, – он принуждённо рассмеялся. – Сила есть, воля есть, силы воли нет.

Докурив до половины, он, недовольно кривясь, оглядел

сигарету.

– С тех пор как перекрыли границы, нормальных сигарет и не найдёшь, только эта дрянь. Да и она стоит, как не знаю что, – он обиженно поджал губы и отвернулся. – Самой-то Нонине специально привозят откуда-то из-за рубежа. Она их без перерыва шмалит, как паровоз. Как ещё не подохла.

– Это она тоже на какой-то конференции сказала? – произнесла Лаванда.

Феликс недоумённо обернулся:

– Что?

– Откуда ты знаешь, что как паровоз?

– Ну... – он замялся. – Это не такая уж тайна...

Лаванда покачала головой:

– Феликс, это из частной жизни. Откуда известно тебе?

Тот упрямо молчал.

– Феликс? У тебя есть информаторы?

Он искоса взглянул на неё. Неохотно пробурчал:

– Ну, есть.

– А кто? – любопытствовала Лаванда.

Феликс нарочито широко улыбнулся:

– Тебе имя-фамилию?

– Ну... Мне просто интересно, – она вдруг поняла, на что он намекал. – Ты что, думаешь, я сейчас пойду сдавать их Нонине? Ты кем меня считаешь?

Феликс помялся, пожевал потухшую сигарету.

– А если... я тебе скажу, – видимо, без всякой охоты начал

он, – это потом... точно не прозвучит в какой-нибудь посторонней компании... где-нибудь на улице?

– Нет, конечно!

Он ещё помолчал в сомнениях. Потом чуть заметно кивнул на радио и очень тихо, одними губами, назвал имя.

Лаванде показалось даже, что она неверно поняла.

– Китти? – повторила она.

Феликс кивнул.

– *Китти Башева?*

Он посмотрел на Лаванду уже с откровенным раздражением:

– Ну да, да, Китти Башева. Что тебя так удивляет?

– Но... – Лаванда растерянно хлопнула глазами. – Она же человек Нонине.

Феликс усмехнулся:

– Китти – мастер мимики и маскировки. Китти влезет в любую систему, и ни у кого и сомнений не возникнет, что она там свой человек. А Китти тем временем будет сливать инфу у них за спиной... При этом у неё всегда безупречная репутация, и её никто ни в чём не заподозрит.

– И как она, мм... – Лаванда попыталась вспомнить странное выражение, – сливает инфу? Каким образом?

– Я с ней встречаюсь, она рассказывает, – пожал плечами Феликс.

– Даже так, – она удивилась, что может быть так просто. – И давно?

– Пять лет. С тех пор как она работает у Нонине.

– Но... Это, наверно, опасно?

– Да, – с готовностью кивнул Феликс. – Это офигенно опасно. Я вообще не знаю, зачем она пошла на это. Собственно, я бы никогда её о таком не просил. Это была её инициатива.

Лаванда нахмурилась. Что-то во всём здесь было слишком странно и неправильно.

– А ты уверен, что она не ведёт двойную игру? Не сливает и что-то о нас Нонине? Вполне правдоподобно выглядит...

– Нет, – Феликс твёрдо покачал головой. – О Китти можно очень много чего сказать, и хорошего, и плохого, но она не предатель. За это могу поручиться.

Лаванду его слова не слишком убедили (в её картине мира человек, втёршийся в доверие, а потом раскрывающий секретную информацию, в любом случае был предателем, неважно, на твоей он стороне или нет). Но тут зазвонил телефон. Феликс бросился к нему, будто только и делал, что ждал всё это время.

– Да! – крикнул он в трубку. – Ну и очень интересно знать, куда вы пропали? У меня-то всё нормально, а вот у вас скоро будут... Да, есть что сказать. Когда? Естественно, буду... будем.

– Нас зовут на сходку, – передал он, когда положил трубку. Лицо у него вмиг просияло, он принялся с воодушевлением ходить по комнате. – Завтра утром.

Лаванда услышала, но думала она сейчас совсем о другом, что никак ей не давалось, не понималось ею.

– Не знаю, что меня больше удивляет, – проговорила она. – То, что Китти – наша, или то, что вы знакомы.

Феликс хитровато улыбнулся:

– А что, по-твоему, если люди возвращаются в разных кругах, они не могли пересекаться где-то раньше, в прошлом?

Лаванда обдумала было, но только мотнула головой:

– У меня просто в голове не очень укладывается.

Феликс остановился в дверях, цепляясь пальцами за косяк.

– Знаешь, у меня тоже, – он рассмеялся и патетически взмахнул руками. – Китти Башева – доверенное лицо Нонине! Самому смешно.

Бросив последнюю фразу, он развернулся и вышел из комнаты.

57.

От убежища оказалось ещё ближе до конспиративной квартиры, чем если бы они двигались от своего дома. Около сорока минут по окраинам Ринордийска – и Феликс с Лавандой были на месте.

У дверей их встретил тот же светловолосый парень – Леон Пурпоров, – а дальше Феликса подхватил вихрь гостей, и он тут же унёсся с ними. Лаванда растерялась было и не знала, что дальше, но тут появился Гречаев, ненавязчиво взял её под локоток и отвёл в сторону. Он очень мило поинтересовался, как у неё дела, сказал, что она прекрасно выглядит, и, заговорщически подмигнув, спросил, взяла ли она мел с собой. Когда Лаванда подтвердила, что да, взяла (и даже ещё раз нащупала его в кармане для надёжности), Гречаев всепонимающе улыбнулся и кивнул. Лаванде он был чем-то симпатичен, этот человек: мало того, что он говорил именно то, что хотелось услышать, он ещё и казался надёжным, как устойчивая опора. Складывалось впечатление, что кто-кто, а Гречаев уж точно всегда помнит, что и для чего нужно делать – в отличие, скажем, от Феликса – и даже поделится с вами, если вы его спросите. Он начал было что-то говорить ей, но тут, будто порождённый мысленным упоминанием, рядом возник Феликс в сопровождении Виталия Рамишева.

– О чём болтаете? – сходу вклинился Феликс.

– Да так, о своём, о девичьем, – отшутился Гречаев. – Да, тебе вроде бы было что сказать? – он воззрился на Феликса, уже не с таким милым видом, но очень внимательно и по-приятельски иронично.

– Да, – тот охотно кивнул. – Мне есть сказать, что нас всех скоро накроют.

– Откуда известно? – невозмутимо осведомился Гречаев.

– Нонине на днях составляла списки неудобных. Многие наши там есть.

Гречаев покивал:

– Это, конечно, несколько ухудшает дело... Информация от инсайдера, правильно я понимаю?

– Да.

– Значит, всё же встретились... – со странным удовлетворением пробормотал он. – Что ещё слышно?

– Нонине в курсе про убежище и знает, что мы там. Но об этом я и сам догадывался.

– Да, этого следовало ожидать... даже очень следовало. Если нет прослушки, то всё пока в рамках. Что ещё?

– Прослушки нет, – Феликс ненадолго задумался, припоминая, что же ещё. – Да, собственно, ничего нового. Нонине в очередной раз ищет внутренних врагов, только теперь масштабнее. В списках, кроме нас, ещё очень много кого. Похоже, она активизировалась после Ули.

Он неопределённо кивнул в сторону, будто бы тот, о ком они говорили, присутствовал где-то там.

Гречаев нахмурился:

– Уля нам, конечно, сильно всё подпортил. Был бы он чуть поосторожнее... А то так... не к месту и не ко времени. Ну вот что он – не знал, что Нонине не будет сидеть сложа ручки, что ли? Не стоит уж так её недооценивать.

– Его, кстати, пытались предупредить, – как будто нехотя вспомнил Феликс. – В обход меня, потому что в последний момент. Но то ли не получилось, то ли он не понял.

– Вполне возможно, вполне возможно... – покивал Гречаев. – Но это нам теперь не замахнуться на что-то даже минимально смелое, как это бывало в прошлые годы. Малейшая агитация, любой выход на публику – всё, реакция Нонине обеспечена и незамедлительная. То есть, смотри, похорошему, у нас сейчас два варианта. Либо не шуметь пока, залечь, так скажем, на дно и подождать, когда всё подзабудется. Либо...

– Конечно, «либо»! – перебил Феликс. – Если что-то и можно сделать, то делать это надо сейчас.

– Мм... Думаешь?

– Послушай, вот ещё, – снова вспомнил Феликс. – Нонине готовит конференцию в середине мая. Видимо, сразу после она развернётся на полную. Тогда уже будет поздно.

– Это тоже от инсайдера или твои интерпретации? – уточнил Гречаев.

– Мои предположения. Но ведь так всегда и бывает.

– Н-ну... почти. Хорошо, допустим. Но есть какие-то идеи

насчёт того, как именно действовать? Вот, скажем, ты что можешь предложить? Повести людей брать штурмом резиденцию Нонине? Они туда не пойдут.

– Знаю, – Феликс немного сник, но, судя по всему, был не намерен отступить.

– Или предложишь устроить провокацию в стиле Ули?

– Нет, конечно. Но... – он бросил короткий и чуть раздражённый взгляд на Лаванду. – У нас, в конце концов, есть мел.

Лаванда хотела было что-то возразить – хотя, скорее всего, она это уже говорила и не раз, – но Гречаев опередил её с останавливающим жестом.

– Про мел – это пусть Лаванда решает, это сугубо её дело. Тем более с ним, как с любым колдовским амулетом, не всё так сладко-гладко, я тебе потом расскажу. Но знаешь, если честно... – он покачал головой. – Я не сторонник таких вот внешних потрясений. Потом очень трудно контролировать то, что в результате получается. Всегда лучше, если система подрывается изнутри. То есть понятно, конечно, что не мне это решать в единоличном порядке... но если моё мнение тут что-то значит... В общих чертах, так.

Феликс нетерпеливо кивнул, как бы говоря, что он помнит о негласной субординации – пусть и гибкой и чувствительной к обстоятельствам.

Гречаев чуть улыбнулся:

– Я потому и ценю людей вроде твоего инсайдера – своих в чужом стане. Кстати, а не мог бы он... твой информатор...

не мог бы он помимо того, что передаёт сведения, ещё и, скажем так, вмешиваться иногда по мелочи... Ну, не прямо, конечно, устраивать диверсии на рабочем месте, но...

– Мой информатор ничего подобного делать не будет, – твёрдо и мрачно заявил Феликс. – Это и сейчас большой риск. А если она ещё будет что-то *делать*, я думаю, вы понимаете, насколько риск возрастёт. Малейшая ошибка, не тот жест, не тот взгляд – и всё. А если спялят её – спялят не только меня, но аукнется и всем нашим.

Рамишев, до того глядевший на Феликса снизу вверх, как свита – на короля, подал вдруг голос:

– Феликс, но она же...

– Я сказал, нет! Это не обсуждается!

– Как скажешь, как скажешь, – Рамишев растерянно поднял руки, будто сдавался.

– Ну хорошо, нет так нет, – Гречаев примирительно хлопнул Феликса по плечу. Тот чисто инстинктивно отдёргнулся, но, кажется, уже был готов слушать дальше. – Знаешь, на самом деле у меня есть кой-какой план. Он, правда, не решит проблемы прямо сейчас, но помочь может.

– Какой план? – заинтересовался Феликс.

– У нас ведь очень маленький штат. Был бы он больше... Можно было бы и большего ожидать, ты сам понимаешь. Поэтому есть идея наладить контакт с другим подобным объединением. Они базируются в области, недалеко от Ринордийска.

– А что, есть другие? – удивился Феликс.

– Да, а ты не знал? – в свою очередь удивился Гречаев. – Впрочем, да, остальные, похоже, ещё менее известны, чем мы. Эти, правда, граждане более радикально настроенные и не ладят с Видерицким и ко... Но, так или иначе, нам всё равно когда-нибудь понадобится свежая кровь.

– Двусмысленная фраза, – хмыкнул Феликс.

Гречаев улыбнулся:

– Ну, они не настолько радикальны. Просто умеют кое-что делать там, где мы можем только трепаться. Это вот ты правильно на прошлом собрании сказал. Я подумываю послать к ним кого-нибудь из наших с, так сказать, дипломатической миссией. Пока склоняюсь к кандидатуре Вайзёнова.

– Почему сразу Вайзонова? – Феликс обиженно поднял брови.

Гречаев, похоже, тоже уловил, что истинный вопрос звучал несколько иначе.

– Потому что, Феликс, при всём моём уважении, дипломат из тебя... ну, ты сам понимаешь. И, к тому же ты человек Видерицкого.

– Я не его человек! Он просто мой шеф.

– Хорошо, хорошо, он просто твой шеф... Ну и, самое главное, Феликс, – ты в опале. Ты в опале у властей, и поэтому все эти поездки из города в область и обратно для тебя чреватые. В таких условиях лучше это поручить кому-нибудь другому, не думаешь? – и, видя, что Феликс сомневается,

добавил. – Ну, оно тебе надо – так глупо загреметь в тюрьму? Или, не знаю, валяться там где-нибудь с дюжиной пуль в голове? Ты нам нужен, ты нам нужен живым и на свободе. Разумеется, в случае форс-мажора ехать придётся тебе, но, пока мы можем выбирать, лучше выбрать кого-нибудь менее приметного.

Похоже, Гречаев знал, где погладить, чтоб зверь перестал щетиниться и скалить зубы. Феликс кивнул с куда более согласным видом.

– О, а вот и Вайзонов, – Гречаев разглядел кого-то за дверью, в соседней комнате. – Пойдём, как раз всё втроем и обсудим.

Он с улыбкой кивнул на прощание Лаванде, и они с Феликсом удалились.

Лаванда неуверенно перевела взгляд на Виталия Рамишева. Он остался единственным из присутствующих, кто был ей знаком, но в то же время не так уж и знаком он был.

– Подловил его, – Рамишев, тихо засмеявшись, кивнул вслед уходящим.

– Мм?

– Гречаев его подловил, – пояснил он Лаванде. – Это же Феликс. Ему же постоянно нужно внимание, нужно быть в центре. Пусть ругают, пусть даже бьют – лишь бы замечали. Без этого он чахнет.

Лаванда искоса взглянула на него. Этот Рамишев не производил впечатления большой силы, а значит, едва ли был

опасен. Тем более, заговорил с ней первым, а если так, можно было и поддержать беседу.

– А вы его, наверно, хорошо знаете? – спросила она.

Рамишев посмотрел на неё удивлённо:

– Я его друг, и мы работаем оба у Видерицкого. И даже бывшие однокурсники. Естественно, я отлично его знаю.

– А он говорил, что у него нет настоящих друзей...

Рамишев махнул рукой:

– Придуривается. Он прекрасно знает на самом деле, что все мы с ним.

– Вот как, – пробормотала Лаванда почти неслышно.

Столько раз уже она слышала слово «друзья» за последнее время – с разной интонацией, в разных контекстах, – но никак не могла представить его изнутри. Наверняка же у него есть какое-то своё, определённое значение, но ей было совершенно не с чем его соотнести, и она продолжала не понимать.

Зато она вспомнила, что у неё был и другой вопрос и его-то наверняка можно задать и Рамишеву: тут ведь не улица, а он, судя по предшествующему разговору, человек не посторонний.

– А это правда, что Феликс с Китти знакомы?

– Да, они учились вместе, – Рамишев пожал плечами.

– Даже так? – удивилась Лаванда.

– Ну а что? Нас тут вообще много, гужевских... И Китти оттуда же.

– Они были друзьями?

Рамишев медленно покачал головой:

– Я не знаю, кем они там были. Между этими двоими всегда происходило что-то странное. Иногда казалось, что они поубивать друг друга готовы. А иногда – ровно наоборот. Так что, может, и друзьями... Не знаю, я не лез в это дело.

В дверях неожиданно снова возник Феликс.

– Сплетничаем, граждане? – ядовито бросил он.

– Почему сразу сплетничаем? – смутился Рамишев. – Это общеизвестная информация. Да, Феликс, я же тебе не договаривал...

– Ну?

– Ты же понимаешь, на каком она посту и у кого работает, – Рамишев пытался доверительно заглянуть ему в глаза.

– Ну? – упрямо повторил Феликс.

– Её же рано или поздно раскроют. Нонине – параноик, она видит врагов даже там, где их в жизни не водилось. Что уж говорить про тех, кто при ней изо дня в день и сливает все сведения у неё из-под носа.

– Нам пока везло.

– Но не может же везти вечно!

Феликс хмуро молчал, глядя в пол.

– Да это я понимаю, – сказал он наконец тихо. – Я прекрасно знаю, что это вопрос времени. Но если так, я по крайней мере не хотел бы, чтоб это случилось по моей вине.

Рамишев смотрел на него как-то смущённо, будто сам был

в чём-то виноват и будто не знал, что ответить и что принять теперь.

– Да... Я понимаю, – проговорил он наконец.

– Что ты понимаешь? – Феликс усмехнулся. – Что ты можешь тут понимать, Витик? Ничего ты не понимаешь...

И отвернулся от них обоих всё с той же застывшей усмешкой.

58.

Софи брела по бескрайнему простору.

Нет людей, нет совсем ничего, что напоминало бы о человеческом существовании. Только степь, и степь, и степь...

Софи это устраивало. Даже нет – ей это было по нраву.

То ли день, то ли ночь – в переливчатом сумраке колыхались длинные и тонкие стебли. Ветер гнул их к земле, и было свежо, и пахло дикими травами, и в небе, над далёкой линией клубились сизые подсвеченные облака.

Она была здесь одна – наедине с бесконечной степью. Она была тут полновластной хозяйкой.

Она простёрла руки в даль – и сотни невидимых ниточек побежали от них, протянулись до самого горизонта и накрыли весь мир прочной сеткой. Теперь всё это было при ней, всё находилось под её контролем и могло существовать только по мановению её жеста – слова же были излишни.

Только ветер был с ней на равных. Ветер откидывал назад её волосы и раздувал полы её плаща. Не ощущалось никакого холода – только наполнявшая сила. Левая рука уверенно легла на револьвер. Теперь Софи Нонине обрела свой первоначальный вид – она не знала, какой точно, но чувствовала, что это так.

До слуха донёсся призрачный сначала, но потом вполне явственный топот лап. Кто-то нёсся сюда, пересекая степь,

кто-то спешил, кто-то бежал прямо на Софи.

Топот приблизился, обдал горячим сопящим дыханием. Софи отпрыгнула и, не целясь, выстрелила.

Только теперь она смогла рассмотреть, кто это был. Перед ней бился на земле большой желтоглазый зверь с длинным хвостом и чёрной шерстью. Софи застыла и несколько испуганно смотрела на него: она подумала, что наверняка агония не продлится долго и можно будет без опаски пойти дальше. Но зверь снова поднялся на лапы и взглянул на Софи, в жёлтых глазах проскользнуло что-то хищное и смертоносное. Он был ранен, но не убит. Раненый зверь куда опаснее, Софи хорошо знала это, а стрелять второй раз было уже поздно. Она развернулась и бросилась бежать.

Она легко и быстро мчалась по стлавшейся траве, та расступалась и смыкалась вновь у неё за спиной. Но там, позади, раздавался и другой звук: неотстающий топот, чьи-то огромные тяжёлые прыжки и отрывистое дыхание. Нельзя останавливаться ни на секунду, надо бежать, надо бежать зигзагами, запутывая, сбивая со следа, петляя и отпрыгивая в сторону, как заяц, и тогда, может быть, удастся зайти с другой стороны и выстрелить повторно.

Но как бы она ни петляла, зверь не отставал ни на шаг. Софи уже начала выбиваться из сил, а бег всё не кончался, он, наверно, не мог закончиться никогда, как не могла закончиться сумеречная степь, тянущаяся во все стороны.

Внезапно трава расступилась, и впереди раскинулась про-

пасть. Софи затормозила и хотела было вильнуть в сторону, поискать другой путь, но поздно: зверь стоял перед ней.

Он напоминал то ли волка, то ли кошку, то ли крысу, то ли дракона... Всех одновременно – и не был на самом деле ни одним из них. Жёлтые глаза, не мигая, следили за Софи. Она крепче сжала револьвер, прикидывая, что если стрелять, то шансы у неё примерно пятьдесят на пятьдесят: зверь был очень большим и шерстистым.

Он, правда, не пытался атаковать – только застыл в двух шагах от Софи и не двигался с места. Она подняла револьвер (зверь глухо зарычал), опустила снова. Был бы хотя бы карабин...

Решив всё же не рисковать, Софи попробовала вновь кинуться бежать, обогнув зверя сбоку. Один прыжок – и он преградил ей дорогу, опять встав немым изваянием. Софи рванулась в другую сторону – снова прыжок и снова путь перекрыт.

– Эй, – она подняла револьвер. – Отойди или я выстрелю. Я хорошо стреляю, ты не думай.

Зверь не пошевелился. Похоже, он знал, чувствовал каким-то образом, что она блефует.

Софи быстро оглянулась, пытаясь не упустить врага из виду. Если б оставалось хоть немного пространства для манёвра – чтоб отпрыгнуть, если зверь подастся к ней. Тогда ещё можно было бы попробовать выстрелить. Теперь же, с этой пропастью за спиной, у неё не было права на ошибку: если

зверь бросится на неё, ей конец.

Впрочем, при выстреле в упор шерсть не помешает. Но для этого нужно, чтоб он подобрался совсем близко.

Да, нужно как раз дожждаться, когда он нападёт, и тогда, в последний момент, спустить курок. Для этого, правда, потребуются железные нервы, а у Софи и так начинали уже предательски дрожать руки. Главное, не думать, – сказала она себе. Ни на минуту не задумываться о последствиях – как тогда, с дверью подвала и верёвкой.

Только зверь, похоже, не разделял её планов. Он не соби-рался нападать – просто не пускал её.

– Ну же, – она чуть повела револьвером. – Прыгай.

Она же не может стоять так наизготове до бесконечности: ослабит внимание, отвлечётся на что-нибудь и не успеет среагировать.

Почему он не прыгает, чёрт его возьми?!

(Видимо, это был вопрос из серии "почему она не стреляет").

Софи вгляделась в большие жёлтые глаза. В них было точно то же, что она ощущала сейчас сама: ненависть, и страх, и желание жить.

Она облизала пересохшие губы:

– Так вот ты какой, танцующий зверь.

Они оба застыли на краю пропасти двумя статуями. У ко-го первого сдадут нервы, кто ошибётся быстрее?..

59.

Вокруг Лаванды вставали бесчисленные холмы, покрытые редкой зеленью. Холм за холмом, горб за горбом, – они разбегались от неё во все стороны.

Она обнаружила себя на длинной, зачищенной от камней и растений площадке, узкой лентой убегаящей вдаль. Похоже было, как будто кто-то думал освободить это место под дорогу, да так и не закончил.

Ветер подул, принёс запах пыли и степной травы, высохшей под солнцем...

И гари.

Да. Веяло гарью.

Совсем близко.

Лаванда ринулась туда, вперёд. Дорога, идущая на подъём, вывела её на вершину холма. Отсюда Лаванда увидела расстилающуюся внизу степь и как там, недалеко от подножья, что-то горит. Чёрный дым большими клубами валил в небо.

В тревоге, боясь не успеть и опасаясь, что уже не успела, Лаванда сбежала по крутому склону холма. В самом низу она потеряла равновесие и упала, но даже не обратила внимания, снова вскочила и бросилась к огню.

Это горела деревня. Небольшая, в несколько домов, она уже вся была охвачена пламенем.

Рядом стояла компания: они заинтересованно обсуждали что-то, лишь изредка бросая взгляд на огонь, и вообще вели себя так, будто всё идёт по плану.

Лаванда остановилась, не зная, что делать дальше. Один из компании – молодой человек в чёрном деловом костюме – обратил на неё внимание и с милой улыбкой заметил:

– Ты немного поздно.

– Где она? – перебила Лаванда.

– Там, за домами, – проговорил второй – постарше, с маленькими серыми глазками. – Но ты уже всё равно ничего не сделаешь...

Лаванда не стала дослушивать и бросилась в обход деревни.

Там, за пламенем пожара и чёрными остовами, на вытоптанной траве, в красных отцветах высилась одинокая тёмная фигура.

– Софи! – крикнула Лаванда издалека.

Та стояла боком к ней, выпрямившись и упрямо сложив руки на груди. Тёмные пряди развевались в горячих потоках воздуха. Услышав Лаванду, она быстро обернулась и отступила на шаг.

– Не подходи, – прошипела Софи.

Лаванда приостановилась, но снова двинулась к ней:

– Я же просто хочу поговорить...

– Нам не о чём говорить, – отрезала Софи. – Ещё шаг – и я стреляю.

– У тебя нет других аргументов, кроме револьвера? – Лаванда всплеснула руками. В это время за спиной у неё с грохотом и треском обрушилось что-то тяжёлое. Она оглянулась, но успела застать только облако искр, взлетевших в воздух.

– Зачем, Софи? – прошептала она. – Зачем ты?..

Та с мрачной решимостью смотрела в землю:

– Они сами виноваты.

– Но чем, Софи? Они просто обычные люди!

– Они сами этого хотели! – вдруг яростно крикнула Нонине и сверкнула глазами. – Народ имеет такого правителя, какого заслуживает! Они сами призвали меня, я – только их порождение, отражение их желаний! Зачем во всём обвинять одну меня?

Она вскинула левую руку, как бы защищаясь, и в этот момент Лаванда заметила, как что-то поблёскивает между её пальцев.

– Что там у тебя, Софи? – её охватило недоброе предчувствие.

Софи попятилась:

– Это не твоё, – она мотнула головой. – Я тебе не отдам, даже не думай.

Лаванда шагнула к ней:

– Я просто...

– *У меня больше ничего нет, но это я тебе не отдам!*

В этот миг Лаванда поняла, что у Нонине в руках: малень-

кий мир в хрустальной сфере, целый маленький живой мир.

– Софи... – пробормотала она потрясённо, а затем бросилась к ней. – Отдай это, Софи! Отдай это!

Нонине ринулась прочь, но Лаванда быстро настигла её: осознание, что вот-вот может произойти непоправимое, придало ей скорости. Она попыталась выхватить у Софи сферу, но та крепко сжимала её в ладони и уворачивалась, а кроме того, была выше и сильнее Лаванды. Минуту или две длилась борьба. Но вот их руки расцепились, и маленький хрустальный шарик, блеснув в воздухе, пролетел по дуге и упал в траву. Послышался звон битого стекла.

Они обе застыли и молча смотрели туда.

Лаванда первая нарушила тишину, хотя голос её не слышался:

– Он... разбился? – тихо спросила она.

– К сожалению, да, – сухо ответила Нонине.

– Софи... – Лаванда растерянно подняла на неё взгляд. Та стояла непоколебимо и прямо.

– Ну а что ты на меня-то смотришь? Это ты устроила, не я, – Софи медленно отдалялась, отходила назад.

Лаванда подалась было за ней, но тут по бокам от Нонине встали двое – молодой человек и мужчина постарше, которых Лаванда уже видела перед деревней. Выглядело так, будто Софи своя в их компании.

– Вот, полюбуйте, опять обвиняет меня, – пожаловалась им Софи. – Понятия не имею, что ей не так.

Те понимающе закивали.

– А они всегда так делают, – заверил её тот, что постарше. – Абсолютно никакой благодарности.

– Но ведь вы всегда можете прекратить это, – напомнил молодой.

– Да, точно, – небрежно проговорила Софи. – Наверно, пора заканчивать.

Лаванда оглянулась назад – посмотреть, не поддержит ли и её кто-нибудь. Но нет, она была одна, только догорали позади остатки селения.

Тут чёрный гибкий зверь, скользнув длинным хвостом по её ногам, возник рядом. Он поднял морду и глухо зарычал на стоящую поодаль троицу.

– Чёрный зверь Ринордийск, – Лаванда скосила на него взгляд, пытаясь не упустить из виду опасность, тех троих. – Ты со мной? Или ты просто... сам за себя?

Зверь не ответил, но твёрдо встал рядом с ней.

60.

Утро наступало.

Это было заметно по освещению через окошко, и Феликс поймал себя на том, что ему почти всё равно, насколько светло. Всё это неважные мелочи. (А раньше обычно радовали рассветы).

Он очень старался сосредоточиться на словах, которые выписывала его рука: тонкой непрерывной цепочкой они ложились на бумагу. Но смысла в них было не больше, чем в меняющемся освещении. Их можно было бы легко заменить на любые другие, никто не сказал бы, что написано что-то не то. Феликса это бесило, а потом вконец разочаровывало.

Он отпил ещё немного остывшего горького кофе. Несомненная гадость, но она очень подходила ко всей сложившейся ситуации. Тем более, что никчёмности вроде него только такой гадости и заслуживают.

Нет, он не никчёмность, – Феликс выпрямился, стараясь не горбиться. Он – один из лучших журналистов в компании Видерицкого, это ему не раз и не два уже подтвердили, и он в изгнании, а значит, небезопасен для режима Нонине, и к тому же не просто так тут сидит, скрываясь от властей, а работает, пишет статью...

Очередную статью ни о чём.

Эта была даже ещё более ни о чём, чем обычно. Предыду-

щую, написанную здесь от руки и, за неимением ноутбука, так и не напечатанную, он передал на сходке Рамишеву, и тот заверил, что свяжется с Видерицким, как только будет возможно. (Феликс не стал уточнять, будет ли возможно разобрать его почерк, и не хотел спрашивать об этом).

Эту же, последнюю, он писал, не зная даже точно, о чём, на какую тему собирается написать, просто нагромождая друг на друга яркие, но давно вторичные клише собственного производства: всё это он уже проходил когда-то. Он начал её сегодня ночью – более всего для того, чтоб занять свои мысли, не давая им ускользать в те области, куда ему не хотелось.

Но они всё равно туда текли.

«Свежая кровь», новые люди... Разве не он первый заговорил об этом – разве не он призывал их всех, настаивал, доказывал, что только так, по-другому у них ничего не получится? И что? Кто-то к нему прислушался? Кивали, говорили, что да, конечно, и оставляли всё как было. Зато один намёк Гречаева – и вот, пожалуйста.

Потому что правильно: зачем его слушать? Кто он такой? Всего лишь скандалист, маргинал, вечный шут с блескучими погремушками. Только это в нём и видят все они. Подправить атмосферу, слегка поднять настроение, послужить характерным атрибутом, – да, пожалуй. Когда надо будет делать дела, позовут других, серьёзных людей. (А ты, милый, посиди-ка в сторонке. Ты нам нужен живым, а то кто ж нас

развлекать потом будет).

Ладно, пусть. Когда придёт время, он сделает то, что сделать потребуется. Он сможет, он тоже способен на подвиги. И пофиг, что сейчас его совсем невозвышенно и негероично ломает от отсутствия интернета – до такой степени, что он срывается из-за абсолютно нейтральных фраз, а руки сами тянутся к куреву. (А теперь вспомни своего кумира, парень. Оцени масштабы). Всё равно – когда настанет его момент, он просто возьмёт и сделает. Ни на чём не основываясь, Феликс верил в это – верил, что сможет.

В принципе, даже и перспектива гибели его не пугала. Гораздо хуже переживать чужую смерть рядом, хоть Феликс всегда старался не показывать этого. Тогда, с Роткрафтовым, он взял на себя большую часть всего, что требовалось сделать: организацию похорон, и разговоры с полицией (придумать убедительную версию, чтоб на произошедшее ни в каком случае не обратила внимание Нонине), и поиски надёжного неприметного места, где можно временно передержать амулет, и поднятие боевого духа товарищей (потому что ничего не кончено, и надо смотреть вперёд, и мы ещё увидим жизнь без Нонине, и т.д., и т.п.)... Он разводил активность несколько суток подряд почти без перерывов, а потом пришёл к Китти и просто плакал, уткнувшись в колени, – бессмысленно, бесконтрольно, потому что всё это было неправильно, потому что такие люди, как Роткрафтов, не должны умирать, вообще никто не должен умирать так глупо, вне-

запно и бесповоротно. (При Китти можно было: она и так знала его насквозь).

Когда же речь шла о собственной смерти, Феликса угнетало одно обстоятельство: её даже не заметят. Конечно, тогда, наверно, будет уже всё равно, но было как-то мерзко и горько осознавать, что никто из этих людей – тех, кто называл себя его друзьями, – не придёт даже постоять поблизости. Они могли мило беседовать с ним на сходках, смеяться его шуткам, восхищаться его речами, пить с ним на брудершафт и вообще держаться с ним, как с местной звездой, – потому что им это было весело. Подыхать он будет в одиночку.

В голове вдруг сам собой всплыл давний разговор. Когда же это было – неужели та-самая-встреча-на-факультетском-выпускном? Или всё же пораньше?

«Феликс, я не знаю; я путаюсь во всех этих словах и не очень понимаю их значения. Но когда ты будешь умирать, я буду рядом. Это обещаю».

Ему представилась сцена какой-нибудь драмы, а-ля последний акт. Один герой долго и пафосно агонизирует, возле него спокойно присаживается на корточки второй. «Я обещала, что буду рядом? Я исполняю обещание».

Да, очень драматично. И очень комично. Феликс рассмеялся, зажав рот ладонью, чтоб не разбудить сестрёнку. То ли и правда так смешно, то ли уже сдают нервы.

Впрочем, Лав всё равно скоро появилась в закутке. Глаза у неё слипались. Ещё, как видно, не проснувшись, она потя-

нулась за хлебом и маслом, попыталась размазать огромный кусок по булке, но её рук нож не слушался.

– Так, дай-ка сюда, – вмешался Феликс, всё отнял и сделал ей нормальный бутерброд.

Лаванда, когда у неё всё забрали, безвольно опустила руки и просто стояла.

Феликс искоса взглянул на неё:

– Плохо спится?

– Мм... Почему?

– Ты всю ночь металась по постели. И что-то бормотала.

– Да? – Лаванда удивлённо похлопала глазами. – А что я бормотала?

– Не знаю, не расслышал.

Она подумала, нахмурилась:

– Плохие сны.

– Что-то из прошлого?

– Да нет... Из настоящего.

Лаванда опустилась на табуретку с другой стороны стола и принялась медленно поглощать бутерброд. Она сейчас явно была в неподходящем состоянии для пространных разговоров.

Феликс вернулся к своей тетрадке, но краем глаза продолжал следить за Лав. Он пытался вспомнить, что именно говорил Гречаев, рассказывая ему о колдовском меле.

(«Понимаешь... как любой волшебный амулет, это не просто штука, которую можно взять и использовать удобным

образом. А потом отложить, и вроде как не моя, да? Нет, между амулетом и владельцем всегда возникают особого рода отношения... Я бы даже сказал, отношения похожие на человеческие, это очень личный момент. Если давить со стороны и говорить, как надо и как не надо, может получиться совсем не так. А кроме того, Феликс, скажу тебе ещё: на людей, которые поладили с таким амулетом, вообще не надо давить лишний раз. Это люди очень сильные и упорные, можно сказать – железобетонные глубоко внутри, даже если таковыми не кажутся. Не стоит их провоцировать»).

Ну, это он загнул, конечно. Кто железобетонный – вот это растрёпанное существо с опухшими глазами, у которого всё валится из рук? Ну, даже не смешно. Феликс скорее бы поверил, что Гречаев как-то ненароком влюбился в кузину, вот и преувеличивает. Нет, ну, в принципе... почему бы и нет. Ему самому, понятно, сложно оценить, но, пожалуй, Лав можно назвать симпатичной. Возможно, в ней даже есть какая-то своя красота. Какая-то очень своя.

Он вернулся было к записям, чтоб не думать о всяких глупостях, но тут заговорила уже Лаванда:

– Слушай, а этот человек, который приходил к тебе сюда... это тоже была Китти?

(На самом деле, в том числе на эту тему Феликс сейчас активно пытался не думать, но не объяснять же это Лав).

– Да, – кивнул он.

– А кто ей звонил?

– Нонине.

– Нонине? – удивилась Лаванда. – Ночью?

Феликс нахмурился:

– Нонине может в любой момент ей позвонить и потребовать к себе. Китти при ней иногда по двадцать часов кряду. Я не знаю, как она там справляется, если честно. Это уже какая-то каторга. Я бы не выдержал.

– А человек так может? – с сомнением отозвалась Лаванда.

– Китти много что может. Я, правда, не всегда понимаю, зачем она это делает.

Ему вдруг вспомнилось ещё кое-что, странным образом связывающее этих двух девушек, которые даже никогда не встречались.

– Как, ты говорила, назывался твой посёлок? – весело кинул он.

Лаванда отвела взгляд.

– Ниргенд... – пробормотала она. – Или что-то вроде того.

– Тогда чисто теоретически вы с ней могли пересекаться.

– Она... там была?

Феликс кивнул:

– На втором курсе у нас проходила практика: надо было отправиться в какой-нибудь город или посёлок (там дали целый список) и сделать развёрнутый план репортажа о том месте. И этот самый Ниргенд тоже стоял в списке. Понятно, туда никто не хотел ехать: это была зима, да и транспорт хо-

дил с большими перебоями... Короче, все тихо надеялись, что им достанется что-нибудь другое. А Китти именно туда и поехала. Причём, ей это не сверху дали, она сама попросила, – Феликс с недоумением развёл руками, его действительно до сих пор удивляло всё это. – Там оставалось ещё полно мест получше, было из чего выбрать... Да даже если б не оставалось – ну, нашли бы ей что-нибудь нормальное. Она всегда была на хорошем счету – и у преподавов, и в деканате... В общем, никто бы не послал её туда, если б она сама не захотела.

Лаванда ничего не произносила и только внимательно слушала, не отрывая взгляда.

– Я ж тогда решил погеройствовать, – продолжил Феликс насмешливо. – Пришёл к ней и предложил поменяться. У меня был ринордийский регион, все эти посёлки под столицей... Говорю, чего ты туда поедешь – в заполярье, куда-то к чёрту на кулички? Ещё, говорю, не вернёшься оттуда. Давай, оставайся, я поеду.

– И что она ответила? – поинтересовалась Лаванда.

– Посмеялась, сказала, что это очень далеко от Ринордийска и что я там загнусь через неделю. – Феликс усмехнулся. – Ну, кстати, сама она нормально вернулась – ровно через месяц, как и планировалось.

Лаванда молчала и что-то тщательно обдумывала.

– Вообще, – медленно начала она, – всё, что ты про неё рассказываешь... всё это похоже на искупление какой-то

большой вины. Как если б человек когда-то что-то сделал, а потом всё время пытался бы компенсировать это.

– Да какая у неё могла быть большая вина? – фыркнул Феликс.

– Ну, или просто беспокойная совесть. Не знаю, мне почему-то так кажется.

– Вообще, ходили слухи... – он нахмурился и тут же оборвал сам себя. – Но это только слухи, конечно.

– Ну?

– В общем, кое-где шептались, что она приходится дальней родственницей кому-то из ближайшего окружения этого... что был в «чёрное время»... ну, ты поняла, – Лаванда коротко кивнула. – Притом даже не по прямой линии, а через каких-то братьев-племянников. В общем, что-то такое, – он неохотно отмахнулся.

– Даже так? – Лаванда подняла брови.

– Но это, конечно, только слухи, – быстро повторил Феликс. – Просто кто-то выдумал. Может, даже из зависти, не знаю.

– Почему ты так уверен?

– Потому что это полный бред, – он раздражённо взмахнул руками. – Где Китти и где все эти сволочи? Просто чья-то неудачная выдумка, ничего больше.

Лаванда продолжала смотреть с сомнением: кажется, все его слова не очень её переубедили.

Феликсу лень было с ней спорить. Вместо этого он ду-

мал, что действительно часто не понимал многого, что делала Китти.

Как не понимал, зачем так упорствовать и настаивать именно на словесных извинениях, если обида была не совсем мизерной.

Как не понимал, зачем постоянно прятать такие шикарные густые волосы в пучок или хвост.

Как не понимал, как у неё всё-таки получилось тогда вернуться из Ниргенда вовремя.

Близится конец зимы, их маленькая группа собралась в учебном кабинете, чтоб разобрать итоги практики.

Молодой препод – чуть постарше их самих – то и дело смотрит на наручные часы. Прошло около двадцати минут с начала занятия.

– Башеву можем не ждать, я так понимаю, – говорит он наконец. И прибавляет тихо, как секретную информацию. – Там, говорят, транспортный коллапс... сильный снег и вообще чёрт знает что на дорогах. Да и все эти блокпосты по пути... Ну, южная война же, знаете. В Ринордийск сейчас, вроде, вообще строго по пропускам. Не думаю, что она через всё это сегодня проберётся.

Он собирается начать, но в этот момент хлопает дверь.

В кабинет входит Китти – как всегда идеально аккуратна и полностью в чёрном.

– Извините, господа, поезд задержался, – легко цепляет

пальто на вешалку. – Сугробы на рельсах.

Она проходит и как ни в чём не бывало садится за стол – будто тут и сидела. Перед собой на парту кладёт большую толстую папку с надписью «План репортажа».

– *Китти?*

Она удивлённо поднимает глаза:

– Что?

61.

Днём Софи собрала их у себя для очередного планового разбора.

Она была в приподнятом настроении: смеялась, живо реагировала на все новости и замечания, рассыпала горсти инициатив и много, с удовольствием курила.

Китти только что принесла несколько стопок печатной прессы, и Софи быстро, хотя, по-видимому, с вниманием, просматривала номера и брошюры.

– Так, – она наскоро пролистала газеты госизданий и, не читая, откинула. – Это всякие дифирамбы, неинтересно... Так, а это?

В воздухе замельтешили тонкие просвечивающие страницы журнала Видерицкого. На одной из них Софи остановилась, что-то проглядела наискосок.

– Опять какой-то пасквиль на меня. Притом глупый, – она пренебрежительно бросила журнал в сторону. – Даже читать не буду. Исписался мальчик.

Кедров согласно кивнул. Он, правда, не разбирался в вопросах литературности и стилистики, но Софи, наверно, было виднее. Да и такая перемена отношения, вполне возможно, была к лучшему.

Будто отвечая его мыслям, Софи недовольно поморщилась:

– Надоел он мне что-то, этот Шержведичев... Вот что, – она повернулась к Кедрову. – Покопай под него хорошенько. Мне нужен какой-нибудь компромат и желательно без связи с политикой. Что-нибудь, знаешь, такое человеческое, гаденькое и притом понятное... Чтоб никто даже не вякал про «преследования». Пусть пока гуляет, но чтоб, если что, всё было уже готово, – и добавила вполголоса. – Я помню, что у него незаконный ноутбук, но это несерьёзно. Что-нибудь поинтереснее.

– А если такого не найдётся? – уточнил Кедров.

Софи рассмеялась:

– Ой, только не говори мне, что правнук того самого Виталия Кедрова, который фактически сфабриковал дело ринордийской богемы, не знает, что делать.

– Понял, – кивнул он.

(Когда Софи напоминала о его предке, она почему-то всегда говорила одновременно одобрительно и с каким-то насмешливым остервенением).

– Все мы тут, – она понимающе покивала, – яблоко от яблоньки, с одного поля ягодки. Есть, правда, ещё Китти... – Софи перевела взгляд на секретаршу (та как раз открывала двери, чтоб принести следующую партию бумаг). – Но Китти – это отдельный разговор. Не так ли?

Китти спокойно обернулась:

– Как угодно, Ваше Величество.

Она вышла. Софи ещё некоторое время придиричиво и

несколько разочарованно смотрела ей вслед (кажется, она ожидала какой-то другой реакции), но снова вернулась к прессе.

В распечатках из интернета особое внимание на себя обращали фотографии с последней оппозиционной сходки. Софи живо увлеклась ими. Кедров же не вслух отметил, что не знает, как они появились и как попали в сеть. То ли кто-то из присутствовавших там оказался настолько туп... То ли Софи внедрила своего человека, в обход Кедрова (что было бы уже не просто тревожным звонком, а вполне прозрачным намёком). Впрочем, человеческую глупость ещё никто не отменял.

Почти все люди на фотографиях были давно и досконально проверены. Кедров мог бы рассказать о каждом, не заглядывая в их досье.

Михаил Гречаев, тридцать два года. Серый кардинал, негласный координатор всей компании. Это ему принадлежит конспиративная квартира, но он в ней никогда не живёт, а обитает совсем в другом районе Ринордийска, с женой и детьми. В повседневной жизни – один из директоров абсолютно легального центра полиграфии «Перекрёсток», что, однако, не мешает Гречаеву по-тихому протаскивать в печать в том числе журнал Видерицкого. Человек со связями и тьмой знакомств разной степени приличия.

Герман Вайзонов, тридцать лет. Выходец из ГУЖа, в прошлом – тамошний ассистент. Впоследствии – мелкий биз-

несмен, не очень удачливый, но держащийся на плаву. Часто бывает в разъездах по области и, время от времени, по отдалённым регионам (заграница ему, впрочем, заказана). На сходках бывает не так часто, но человек он там далеко не случайный, и с ним поддерживают крепкую связь.

Василий Пряжнин, сорок лет. Бывший гражданский активист эпохи Чексина. Со временем утратил пыл и амбиции, но по старой памяти вращается в околооппозиционных кругах. Вообще же занимает должность замдиректора музея искусств, примерный семьянин и опасности не представляет.

Леон Пурпоров и Виталий Рамишев, по двадцать семь лет. Оба – журналисты из команды Видерицкого и оба недавние гужевцы. И, похоже, эти двое особенно близки к Шержню. (А вот и он сам, кстати...)

Феликс Шержведичев, двадцать семь лет. Без комментариев. На фото он был в компании Вайзонова и Гречаева. Похоже, они о чём-то беседовали, но разговор, скорее, шёл между Гречаевым и Вайзоновым – Шержень же просто присутствовал из каких-то совсем других соображений.

Софи вдруг нахмурилась и притянула к себе фотографию девушки, почти девочки – светловолосой и светлоглазой. Тихо пробормотала:

– Опять она...

И уже громче обратилась к Кедрову:

– Кто эта девочка?

Он вспоминал секунду, затем уверенно ответил:

– Лаванда, кузина Шержведичева.

Софи понимающе подняла брови и с усмешкой кивнула:

– Кузина, значит.

– Нет, она действительно его кузина.

– С одного поля ягодки... Я же говорю, – промурлыкала себе под нос Софи, затем повернулась к Китти. – А почему она ещё не в базе?

Та чуть склонила голову:

– Извините, Ваше Величество, она в Ринордийске чуть больше месяца, её не успели занести.

– Иностранка? – с некоторым испугом произнесла Софи.

– Нет, – успокаивающе-пренебрежительно заверил Кедров. – Провинциалка. Вот...

Он достал папку с разными разрозненными листками, нашёл один из них и прочитал:

– Лаванда Мбндалева, шестнадцать лет, учащаяся десятого класса, Юмоборск. В ходе эвакуации направлена в штаб в Иржице, оттуда второго апреля прибыла в Ринордийск, по документам нигде не значится, проходит стадию переприкрепления. Место рождения – селение номер четырнадцать Юмоборской области, оно же... – Кедров на мгновение затормозился перед странным названием и медленно, но чётко произнёс, – Ниргендс-Орт, в просторечии – Ниргенд. В настоящий момент селение не существует, уничтожено морской бурей девять лет назад.

Софи прикрыла глаза:

– А, северянка... Ну, тогда ничего, – она улыбнулась. – Девочка с севера, девочка ниоткуда. Кстати, а как она в Юмоборск-то попала, если Ниргенд... – Софи выразительно помахала рукой.

– Там спаслось несколько человек, – заметил Кедров. – Помнишь же ту историю с вертолётками...

– Аварийные-машины-перебои-связи-героический-экипаж? Помню, помню, – Софи быстро закивала. – И во всём почему-то опять обвинили меня. Как будто я виновата, что из всех вертолётков работали только два.

Она снова со смутной тревогой глянула на фото, медленно затынулась.

– Знаешь... Возьми её всё-таки под наблюдение.

– Какой степени? – уточнил Кедров.

– Первой, больше не надо. Просто хочу иметь представление.

Софи побарабанила пальцами по фотографии и, будто забыв про неё, обратилась к другим бумагам.

В распечатках из интернета ничего особого больше не было: там вообще как-то притихли, даже в Ленте разговоры постоянно скатывались на личные и бытовые темы. Софи удовлетворённо сообщила, что этого она и ожидала.

Все стопки уже почти иссякли, когда на поверхность всплыл белый почтовый конверт – должным образом запечатанный, с приклеенной маркой и вписанным адресатом (отправитель, однако, не значился). Софи взяла его и недоумён-

но оглядела.

– Что это? – спросила она Китти.

– Письмо для вас, Ваше Величество.

– Письмо? – Софи покрутила его в руках. – От кого?

– Это, к сожалению, не удаётся установить, автор не оставил обратного адреса, идёт проверка по почтовым отделениям, но пока безуспешно...

– Ясно, – Софи собралась было надорвать конверт, но тут же в испуге отёрнулась и снова метнула взгляд на Китти. – А его проверили? Там нет ничего такого?

Та уверенно кивнула:

– Письмо проверено тщательнейшим образом, Ваше Величество, никакой опасности не представляет.

Софи с сомнением посмотрела на неё, потом снова на конверт.

– Ладно, – она вскрыла его и достала исписанный загогулинами листок.

Развернув его, Софи мельком пробежалась глазами по строчкам, заметила:

– А это уже интереснее.

Дальше она принялась читать со всем вниманием, через минуту развернула лист к Кедрову.

– Что думаешь?

Письмо представляло собой яростную отповедь, обличение, критику и требовательный призыв остановиться. Письмо было написано смело – даже слишком смело, – будто ав-

тор не допускал и мысли, что его могут вычислить. Письмо слово за словом разворачивало мысли, которые, быть может, мелькали в голове у многих, когда речь шла о действиях и решениях Софи Нонине, Её Величества Софи Нонине, нашей правительницы, но которые никто не решился бы ей озвучить вот уже много лет. На самом деле кое с чем из написанного – разумеется, далеко не со всем, но с некоторыми отдельными моментами – Кедров и сам бы, возможно, согласился, если бы это ничем не грозило.

Вместо этого он сказал:

– Думаю, автор, кем бы он ни был, не очень умён.

– Да нет, он как раз умён, – проговорила Софи и снова вернулась к письму. – Он хорошо пишет... И довольно осведомлён о наших тут делах... Я, правда, поняла только, что он меня в чём-то обвиняет, а вот в чём – не очень.

Действительно ли она не понимала или просто изображала невозмутимость – этого было не разобрать. С бесстрастным лицом Софи дочитала до конца, ещё раз быстро проглядела листы.

– Анонимка, – заключила она. – В общем, чего и следовало ожидать...

Ещё раз обратилась к Китти:

– Кто автор... вообще ничего никак, да?

Китти как бы сокрушённо покачала головой:

– Вообще ничего.

– Ясно, – она просмотрела ещё раз отдельные абзацы, буд-

то в них ей могло открыться что-то ещё. Затем вновь повернулась к Кедрову. – И ведь не статья, да? Примерно так, я помню, когда-то писал Шержведичев, но очень давно. А это... личное письмо... Вот что, Эндрю, – она сложила листок обратно в конверт и протянула Кедрову. – Выясни, кто это написал, и доложи мне.

– Будет сделано.

Софи задумчиво покивала, выпустив клуб дыма:

– Интересный должен быть персонаж.

Она ещё с минуту сидела так молча, пожёвывая сигарету, потом с новым запалом оглядела гору бумаг на столе.

– Что, всё? Больше ничего не осталось? Отлично, – она радостно улыбнулась и бросила. – Китти, принеси вина. Красного.

Когда та вышла из кабинета, Софи наклонилась ближе к Кедрову:

– В эту субботу думаю съездить на наше место. Как думаешь, сейчас нормально?

Он прикинул расклад и кивнул:

– Да. Сейчас всё тихо.

– Значит, в эту субботу. Вечером, часов в девять. Ты со мной?

– Разумеется, Софи.

Их место – это был лес к северо-западу от Ринордийска (платформа Болотная, двадцать минут по лесной тропе, поляна со старым дубом и ещё пять минут вглубь чащи). Там

находилось оставшееся с Великой войны земляное убежище, где когда-то располагался их временный штаб для борьбы с Чексиным. Оттуда и была совершена та вылазка в резиденцию, закончившаяся для них столь удачно. Уже после того, как Софи стала правителем, они изредка навещали это место – что-то пили, веселились и вспоминали былые времена.

В последующие годы, правда, это веселье приобрело натужный и несколько принуждённый характер. Слишком заметны в эти минуты становились освободившиеся места.

А позже Софи и вовсе начала навещать убежище в одиночестве.

В последние несколько лет машина довозила их двоих до начала тропы. Дальше всегда шли пешком. Кедров неотрывно сопровождал её до старого дуба. А дальше Софи оставляла его и уходила в чащу одна. Что она там делала: о чём думала, с какими тенями разговаривала, какие воспоминания призывала или пыталась изгнать, – этого Кедров не знал.

Как бы то ни было, в этом сокровенном действии Софи ещё доверяла ему – в отличие от Китти, которую она, очевидно, отослала на всякий случай и которая как раз вернулась с графином и двумя бокалами.

Поставив перед ними на столе бокалы, обычным своим изящным жестом она налила в них вино и собиралась отойти.

– А себе? – напомнила Софи. – Ты что, не пьёшь?

– Я на службе.

Софи как-то недобро усмехнулась:

– А я, значит, нет?

– А вы всегда на службе, Ваше Величество, – ровным учтивым тоном ответила Китти.

– Ну ладно, отмазалась, – Софи махнула рукой. – Иди.

Китти исчезла, Софи же приложилась к бокалу, отпила половину и закурила новую сигарету.

– Так, Эндрю, теперь по твоей части, – начала она по-деловому весело. – В Ринордийске, как я вижу, всё спокойно... Что в регионах?

Кедров кивнул:

– Это я и хотел тебе доложить. В приозёрье намечается массовая забастовка рабочих.

– Так.

– Пока ни во что серьёзное это не вылилось, но, если срочно не принять меры, может привести к нежелательным последствиям.

– К каким? – поинтересовалась Софи.

– Как минимум – встанут заводы, в том числе военной техники. Как максимум... Ну, ты понимаешь.

Это не произвело на Софи впечатления, она думала о чём-то своём.

– А есть у них какие-то конкретные требования? – протянула она. – Чего они хотят?

– Они... – Кедров замаялся на мгновение. – Они хотят, чтоб в стране сменилась власть.

– И это всё?

– Да.

– Замечательно, – Софи развела руками. – Они даже не знают, что им не так, но хотят, чтоб сменилась власть. Поразительные люди, – она задумалась на минуту, с вопросом посмотрела на Кедрова. – А в приозёрье – где именно?

– В Воломееве.

– Воломеев... – повторила она, силясь что-то припомнить. – Подожди, а это не там был бунт рабочих... в каком же году... ну, этот, в «чёрное время»? Там ещё посылали тогда многих...

Кедров понял, о чём она говорит.

– Да, это там же.

Софи пожала плечами:

– Может, у них там аномалия какая-нибудь? – она улыбалась слегка недоумённо, как человек, столкнувшийся с чем-то забавным и нелепым. – Вся страна молчит, всех всё устраивает, а им вечно что-то не так.

– Так что с ними всё-таки делать? – напомнил Кедров. – Если пустить на самотёк, потом можем огрести кучу неприятностей.

Софи, выслушав его, неспешно покивала:

– Прими меры.

– Насколько радикальные?

– Чтоб были действенными, Эндрю. Действенными.

62.

Она забыла дату, отметил Кедров. Софи никогда не забывала дат исторических событий, они у неё будто хранились в особом отсеке, откуда она с лёгкостью извлекала их в любой момент. А уж такую приметную, которую и сам Кедров мог бы вспомнить...

Само по себе это ничего не значило, но если б только это. Она порой будто бы забывала свои же слова и мелкие поручения, смотрела с раздражённым непониманием, с выражением «что за пургу ты гонишь?» и только потом, как бы вспомнив, о чём речь, одобрительно кивала.

Он знал, что Софи злоупотребляет обезболивающим. Не постоянно, но периодически не выдерживает и срывается (за что, впрочем, едва ли можно было её осуждать). Но ведь так было всегда.

Тогда уголь?

Или всё сразу?

Про уголь ходили слухи – как и про другие колдовские амулеты, – что он со временем как бы завладевает «душой» владельца – его разумом, его силами... Впрочем, Кедров всегда считал это скорее народной страшилкой, чем истинным положением вещей.

Так или иначе, уголь по-прежнему у неё.

И безграничная власть – тоже.

У человека, который забывает свои собственные поручения.

У человека, который отмахивается от угрозы, способной перерасти в военный конфликт, со словами «прими меры... неважно какие... чтоб подействовало».

Меры он, безусловно, принял (вернее, передал это поручение в область, придав ему более конкретную форму), но не факт, что позднее результат устроил бы Софи. Окажется, например, что она имела в виду нечто совсем другое. (Допустим, послать их всех на строительство ГГД – вариант абсурдный, но в логику Софи вполне укладывающийся).

Возможно даже... Совсем необязательно, но это даже могло быть проверкой, изначально предназначенной для того, чтоб её провалили. Чтоб для ухода соратника был конкретный повод. Софи так уже делала.

Но пока он не мог судить, так или нет, лучше было бы заниматься конкретными поручениями. (Если его действительно списывают со счетов, это не поможет, но, возможно, оттянет время). Из оставшихся трёх, сколько Кедров понимал, самым важным и срочным Софи считала анонимное письмо.

Занявшись им, Кедров практически сразу заметил странное обстоятельство. Марка и печати, как им и полагалось, были на своих местах (печать центрального Притусконского отделения, куда поступали все письма из центральных регионов, и печать главного отделения Ринордийска). Всё выгля-

дело вполне правдоподобно, кроме одного: изнутри на треугольнике клапана, ровно как и на лицевой стороне конверта, не было никаких следов клея, только остатки фабричной липкой полосы. Это письмо не открывалось, до того как его открыла Софи, а значит, не проходило внутреннюю проверку. Оно сразу попало в стопку бумаг.

Но печати... Кедров внимательно осмотрел их, ожидая увидеть умелую, но подделку. Но нет, с печатями как раз всё было нормально – штемпели настоящие, те самые, что хранятся в указанных отделениях и нигде более.

Не считая, конечно, точных копий со всех почтовых штемпелей, также в единственном экземпляре. Эти копии принадлежат Нонине, и, кроме неё, доступ к ним имеет только несколько человек.

И сразу – в стопку.

Чтоб подтвердить свою догадку – хотя он и так уже знал ответ, – Кедров ещё раз проглядел письмо, всмотрелся в неровные угловатые закорючки букв.

Вечный официоз и формальная вежливость благополучно убраны, надо признать. А вот каллиграфический почерк автору удалось вытравить не везде.

Кедров даже вздохнул с досадой. Как глупо. Можно было уж сразу и подписаться.

63.

К ночи Ринордийск стих.

Здесь прошёл дождь и усилил сырость узких окраинных улиц, но ничуть не прибил их тяжёлую пыль. В подворотнях и за толстыми стенами домов что-то порой шуршало, где-то вдруг раздавался короткий стук, и снова было тихо.

Кедров шёл по переулку. Не так уж сильно пришлось свернуть с обычного пути, чтоб выйти сюда. Зачем – он и сам не знал. Просто хотелось поговорить самому, выяснить причину до того, как за дело возьмётся Нонине.

Ну, или не возьмётся. Что и как он ей будет докладывать, Кедров пока ещё не решил.

Переулок вышел на широкий проспект. На ближней его стороне тускло горели фонари, их свет падал на шершавые кирпичные стены на углу, где остановился Кедров. На одном из кирпичей краской было выведено мелкое «Жри себя».

Невдалеке слышался тихий шум автомобиля, кто-то глушил мотор. Кедров на всякий случай подался в сторону от фонарей.

В самом деле, чего проще: доложить завтра как есть. Пусть решает сама.

Но какое-то странное любопытство гнало его, желание рассмотреть поближе, что это за причудливое нечто, какое оно из себя и как на вкус.

Вторая сторона дороги тонула в полумраке, свет фонарей едва доходил до тротуара. И там, на границе потёмков вдруг промелькнула лёгкая тень. Тень была... Да, как раз человеком, который ему был сейчас нужен.

Кедров шагнул на дорогу и окликнул:

– Китти!

Та остановилась:

– Да?

Он неспешно приблизился и многозначительно помахал перед Китти конвертом. Она абсолютно невинными глазами посмотрела на письмо, потом на самого Кедрова – с выражением «И? Вы что-то хотите мне сказать?»

– Ты, наверно, не знаешь, – начал он, – но частные письма Нонине, в отличие от официальных, проверяются вручную. Их не сканируют, а открывают, смотрят, нет ли чего опасного, и заклеивают обратно.

– Нет, мне это неизвестно, – спокойно подтвердила Китти, глядя по-прежнему вопросительно.

– В следующий раз кинь хотя бы в ящик, – съязвил он.

Китти непонимающе хлопнула ресницами.

Похоже, так и будет строить из себя дурочку. Кедров вздохнул и начал уже напрямую:

– Нет, ну зачем ты это сделала, мне просто интересно. Острых впечатлений не хватало? Или в отместку за трудовые будни?

Китти молча смотрела в асфальт.

– Это допрос? – спросила она совсем другим, глухим голосом, из которого исчез весь официоз и ничего не появилось взамен.

Кедров усмехнулся:

– Нет, допрос бы я вёл по-другому, – Китти продолжала молчать, глядя исподлобья. – Я не буду тебя сдавать. Мне просто интересно.

Китти некоторое время смотрела на него с сомнением, затем чуть заметным кивком предложила последовать за ней.

Они шли по бесконечной безлюдной улице. Призрачный свет фонарей змейкой вытягивался вдаль, как гиблые огоньки, ведущие в трясину. Китти продолжала держаться в тени и шла, склонив голову, прижимая к груди какие-то бумаги. Ровно и мерно цокали её каблуки. Кедров неспешно двигался рядом, наблюдая за ней и ожидая, когда она начнёт говорить.

– Она невменяема, – наконец тихо сказала Китти.

– Да? – неопределённо проговорил Кедров. Китти быстро покосилась на него:

– А вы не замечали? – она снова отвела взгляд и продолжила негромко. – Я когда-то понимала, что и зачем она делает. Теперь она как... как машина, потерявшая управление. Она совершает страшные вещи и продолжает думать, что всё правильно. И некому даже сказать ей об этом.

– И ты решила выступить рупором правды? – чуть насмешливо спросил Кедров. Он умел изображать нужные

эмоции, когда это было надо.

– Я не знаю даже, что именно собиралась сделать, – так же ровно, практически без интонаций говорила Китти. – На какой результат рассчитывала... Я ведь понимаю, что это ничего не поменяет.

– В отношении тебя, разве что. Такого, чтоб Нонине быстро всё переосмыслила и исправила, конечно, быть не могло.

– Я знаю, – кивнула Китти. – Но в какой-то момент... да, наверно, я на что-то надеялась.

Кедров внимательно смотрел на неё, никак не показывая, что и сам не очень понимает, на что рассчитывает и что собирается делать. По сути, Китти выкинула примерно то же, что в своё время Георг Аметистов, её предшественник, – сорвалась, сдали нервы. Но тогда было ещё много свежих сил, была общая идея и безоговорочная вера в Софи. Теперь же...

Осторожно, чтоб не сболтнуть лишнего на случай чего, он спросил:

– А почему ты всё-таки считаешь, что это она неменяема? Почему не допустить, что, скажем, это мы неспособны понять её планов? – тише, почти про себя он прибавил. – Понять, чего она всё-таки хочет.

– Ничего.

– Что?

– Она ничего не хочет, – повторила Китти громче, взглянув на него. – По крайней мере, ничего такого, ради чего она действительно бы делала всё, что делает. У неё нет конкрет-

ной цели... её планы меняются постоянно. Есть только разные желания.

– Может, ты даже знаешь, какие? – поинтересовался Кедров. – Ты всё-таки больше времени проводишь с ней.

Китти задумчиво смотрела в землю.

– Я думала об этом... Думала, чего может желать человек, обладающий почти безграничной властью. Как эта власть влияет на него. И я не могу понять.

– Да?

– Иногда мне кажется, что она мстит нам всем за что-то. Всем живущим, кто оказывается рядом с ней. Но потом думаю и понимаю... – Китти чуть мотнула головой. – Что нет... Что она просто делает всё это, потому что может. Потому что у неё уголь. И у неё власть. А у нас нет.

Она говорила тем же ровным безэмоциональным голосом, легко двигаясь по тени, и было в ней что-то нездешнее, что-то почти пугающее. И это было странно: из них двоих скорее уж ему приличествовало пугать Китти, а не наоборот. Но она так спокойно шла рядом, будто не на руках у Кедрова хранились доказательства её вины, будто не он завтра вполне мог предоставить их Нонине. (А помня, что со времён Аметистова у Софи прибавилось подозрительности и вряд ли она распрощается с Китти так просто, заподозрив её ещё в чём-нибудь, и учитывая, что вот уже два года все дела особой важности Софи поручает лично ему... впрочем, это ему не особо хотелось додумывать).

– Ты что-то разоткровенничалась, Китти, – сказал он вместо всего этого почти весело. – Не боишься, что я тебя специально провоцирую на антиправительственные высказывания, чтоб потом передать?

Китти пожала плечами:

– У вас в любом случае моё письмо. Ничего большего, чем там написано, я сейчас не сказала. Передайте Софи, что я автор, ей хватит ваших слов. Думаю, не так важно, – она обернулась к Кедрову, – кого из двоих она сожрёт первым, а кого – чуть позже.

– Пряма-таки сожрёт? – он изобразил лёгкую улыбку.

– Да.

– Пока аппетиты у неё не слишком велики, – пробормотал он, прикидывая длину чёрного списка в соотношении с промчавшимися годами.

– Это только начало. Сейчас уже всё плохо, не так ли? – Китти искоса кинула взгляд. – Потом будет ещё хуже.

– Думаешь? – Кедров уже сам начал теряться, играет он с ней или говорит от себя настоящего.

– Да.

Всё тянулись вдаль огоньки, не греющие и не дающие света. Наверно, где-то за пределами этой узкой высвеченной полосы был какой-то мир... Да, наверно, был.

– Что дальше будете делать? – спросила Китти, низко опустив голову.

– Дальше... – он задумался. – Ну, с письмом что-нибудь

придумаю. А вообще... Не знаю, если честно.

Он заметил, что Китти подняла голову и смотрела теперь куда-то наверх, за фонари. Кедров проследил за её взглядом, но увидел только мутный и выщербленный круг луны.

– На что ты там смотришь?

– Ни на что, – она резко опустила взгляд, затем вдруг остановилась и обычным дежурно-доброжелательным тоном сообщила. – Я пришла.

Кедров обернулся: да, точно, это действительно её дом.

Китти мило улыбнулась, будто бы и не было между ними всего этого диалога:

– Да завтра, господин Кедров.

– До завтра, Китти...

Она отвернулась от него и плавно нырнула в тень, из которой и появилась. Кедров почувствовал явное облегчение от того, что этот разговор закончен и это существо больше не рядом: всё-таки в личном общении Мисс Безупречность наверняка была довольно неприятным человеком.

Стоп. Да неужто...

Он вдруг вспомнил, о ком из коллег – других секретарей по связям с общественностью – рассказывал тогда прадед.

– Китти! – окликнул он ещё раз. – Ты ведь не Башева.

Та обернулась через плечо и, кажется, чуть усмехнулась (впрочем, в темноте сложно было разобрать):

– Это неважно.

И скрылась в потёмках. Ещё какое-то время слышался

стук каблуков, потом и он затих.

Отлично. Просто отлично. Но что теперь делать ему?

Кедров взглянул ещё раз на конверт, аккуратно положил во внутренний карман ветровки.

Неважно, кого из двоих первым... Сожрут всё равно обоих.

Он прошёл немного вперёд, застыл под одной из светящихся плашек. Такие же болотными огоньками тянулись в обе стороны. Куда теперь – туда или туда?

64.

Вечер был тёмн и тревожен.

Или лучше сказать – ночь, Лаванда несколько утратила чувство времени. Эта вязкая марь, когда за окном черно, а по эту сторону – мутный жидкий свет, что давит на прикрытые веки... Это длилось уже долго, несчётно долго, до бесконечности, застывшей в одной точке. В голове тоже плескалась марь, и голова тяжелела, её тянуло книзу, но вокруг было слишком тревожно, чтоб разрешить себе прилечь или хотя бы просто закрыть глаза.

Запах гари... И волны... Сходящие с рельс поезда... Образы всплывали сами собой – незванные, неугодные – и опали снова.

– Феликс... А ты никогда не видел того, чего не бывает?

– Это как? – он живо поднял голову.

– Я вижу сад... Большой сад с железными деревьями. Они чёрные и совсем без листьев – просто гладкие палки. На них сидят большие птицы. Они тоже железные, видно, как внутри у них вращаются шестерёнки. Иногда птицы кричат, и тогда... – она тщательно и тревожно искала слов. – Получается странный звук – угрожающий и жалобный одновременно. Они умоляют и они требуют. Они просят к тебе, а потом раздирают тебе руки. Они – стражники этого места. А в небе над садом вместо солнца – огромное пылающее коле-

со. Оно вертится и тащит за собой длинный огненный хвост. Оно страшное – это солнце... Но другого в этом мире просто нет.

Похоже, Феликс ничего не понял, хотя слушал очень внимательно.

– Да ты и вправду поэт, – только сказал он.

– Да? – Лаванда задумчиво перебирала мягкие пёрышки, отливающие перламутром, осторожно гладила их подушечками пальцев. – Мне кажется, это опасно – быть поэтом.

Феликс только вопросительно поднял брови, но, кажется, не собирался отвечать как-то иначе. В дверь постучали.

Они оба быстро обернулись. Стучали громко и без всякого ритма, просто удар за ударом. Стучал кто-то чужой.

Феликс сделал ей знак оставаться на месте, а сам тихо приблизился к двери и настороженно ловил всякий шум с той стороны.

– Послушайте, Шержведичев, я знаю, что вы там, – сказал голос снаружи. – Откройте дверь, и поговорим как мужчины.

Феликс оглянулся и быстро прошептал:

– Лав, за печкой – второй ход, через землю. Если что – уходи через него. Выберешься – беги к нашим.

Лаванда хотела было возразить, что ей неизвестно, где сейчас искать «наших», и вообще она не знает, как отсюда попасть хоть куда-то, и обязательно заблудится, да и вообще, как так... Но Феликс уже открыл дверь.

На пороге стоял мужчина в серой ветровке.

– Вы от Нонине? – осведомился Феликс с какой-то слишком уж подчёркнутой иронией в голосе. – Она всё же соизволила одобрить мой арест?

– Разочарую вас, но нет, – холодно и спокойно возразил гость. – Я пришёл по собственной инициативе.

– Очень интересно, и какая же инициатива может привести ссо-шника к антиправительственному журналисту?

– А почему вы решили, что я ссо-шник?

– По вашему лицу видно, – презрительно бросил Феликс.

– Ну, в общем, да, я действительно что-то в этом роде. Но к нашему разговору отношения это не имеет.

– Тогда что имеет?

– Может, вы всё-таки впустите меня? – предложил мужчина. Феликс раздумывал несколько секунд, затем всё же отстранился от двери.

– Заходите, – мрачно проговорил он.

Гость прошёл через закуток в круглую комнату, и Лаванда смогла теперь разглядеть его. Ему было лет сорок на вид, и он оставался в хорошей форме. Песочные волосы торчали неровными клочковатыми вихрами; глаза, и так небольшие, цвета старых обоев, теперь глубоко запали. Во всём его облике сквозила какая-то небрежность, которая, впрочем, ничуть ему не мешала и даже как будто была к месту.

Только войдя в комнату, он бросил быстрый цепкий взгляд на Лаванду. Феликс, нервно дёрнувшись, встал между ними.

– Это... – начал он.

– Ваша кухня Лаванда, я знаю. Успокойтесь, она мне не нужна.

Мужчина прошёл мимо Феликса вглубь комнаты, к окну, и там остановился. Ни на кого из них он больше не смотрел.

– Я понял, кто вы, – проговорил Феликс, следуя за ним ненавидящим и подозрительным взглядом. – Андрей Кедров, начальник охраны.

– Предположим, вы правы, – гость обернулся к нему. – Хотя эта должность называется несколько по-другому. В любом случае я здесь не в этом качестве, а как человек, обладающий некими полезными сведениями о Софи Нонине.

Феликс принуждённо рассмеялся:

– Ах да, вы ведь ещё и доверенное лицо крысиной королевы, как я мог забыть.

– Послушайте, господин Шержведичев, – Кедров шагнул к нему вплотную, но смотрел не в глаза, а как-то мимо. – Я не буду сейчас притворяться и скрывать своё отношение: я считаю вас наидряннейшим человеком. Но отношения отдельно, а дела отдельно. И если вы взаправду способны что-то делать, а не только трепать языком... – тут Кедров поднял взгляд, и несколько секунд они с Феликсом смотрели в глаза один другому – два классовых презрения. – То у меня есть информация, которая может оказаться вам нелишней.

Он отвернулся и отошёл на несколько шагов. Феликс с сомнением смотрел на него искоса.

– И что за информация? – наконец произнёс он.

Кедров что-то обдумывал, глядя в сторону окна и тихо отбивая пальцами дробь по тумбе. Похоже, он тоже сомневался, сомневался почти мучительно.

– Я знаю, где вы можете найти Нонине в одиночестве, когда при ней не будет охраны и телохранителей, – заговорил он. – Я надеюсь, вы сумеете воспользоваться такой возможностью.

– Нонине без охраны? – Феликс вопросительно изогнул брови. – И вы считаете, я поверю?

– Можете не верить, дело ваше, – сухо заметил Кедров. – В конце концов, это надо вам, а не мне.

Феликс раздумывал, покусывая губы. Видно было, как в нём борются недоверие к «сволочи» и нежелание упустить единственный, может быть, шанс на победу.

– Но... – проговорил он медленно. – Вы же, наверно, не просто так собираетесь поделиться информацией. Вам же, наверно, нужно вознаграждение? Я так полагаю, денежное?

Кедров метнул в него быстрый оскорблённый взгляд:

– Поберегите подобные предложения для ваших партнёров. Такие вещи не делаются за деньги. Если вообще делаются, – он снова отвернулся к окошку. – Если считаете, что мне так просто прийти сюда и вот так её сдать... Когда мы были практически... Да ладно, что вы понимаете, – резко оборвал он сам себя и, не глядя на Феликса, приблизился к нему. – Северо-западный лес, платформа «Болотная», двадцать ми-

нут по лесной тропе, поляна с большим дубом и ещё пять минут вглубь чащи. Суббота, девять вечера. Вот, пожалуй, и всё.

Он решительно направился в сторону выхода.

– Подождите, – окликнул его Феликс. – Можно мне всё-таки узнать ваши мотивы?

Кедров обернулся:

– Мои мотивы вас не касаются. Участвовать в этом я не буду, мешать – тоже. Надеюсь, вы всё запомнили.

Уже когда он был в дверях, Лаванда вдруг подала голос, неожиданно для самой себя:

– Господин Кедров! А кем были вы с Софи? Вы... не договорили...

Кедров повернулся к ней с удивлением – впрочем, абсолютно беззлобным. Он, наверно, даже не думал, что это существо в углу вдруг заговорит.

– Друзьями, – сказал он. – Мы были друзьями, если вы, конечно, понимаете, что это такое. Но это было давно. Теперь волчонок превратился в крысу, и настали совсем другие времена.

У каменной стены, под маленьким окошком Софи непроизвольно потянулась к револьверу.

– Вот, значит, как, – яростно пробормотала она, ничего перед собой не видя. – В крысу.

Она несколько задержалась в этот вечер и вышла на слеж-

ку уже хорошо за полночь – как оказалось, очень вовремя.

Ай да Эндрю. Вот сейчас взять и пристрелить его, на месте, как взбесившуюся собаку. Чего проще.

«Так, не горячись. Оставь револьвер, – сказала она себе. – Так дела не делаются. Надо подождать до утра. И дальше спокойно – с толком, с расстановкой...»

Да, именно так. Софи кивнула и, поплотнее закутавшись в плащ из крысиных шкурок, унеслась прочь сквозь тьму.

Закрыв дверь, Феликс с насмешливым недоумением на лице развёл руками:

– Я не понял, что это было, – он покачал головой.

– Это предательство, – тихо произнесла Лаванда.

– Так, на секундочку, – Феликс подошёл к её лежанке и присел рядом. – Ты с нами или с ними?

– С нами, конечно. Но как-то это... не очень хорошо...

Феликс негромко рассмеялся.

– Опять моралите разводим? – он смотрел на неё снисходительно, но в глазах мелькало плохо скрываемое облегчение от того, что опасность миновала. – Ты просто идеалистка.

– Может, и идеалистка, – согласно, но твёрдо отозвалась Лаванда. – Но это всё равно предательство.

65.

Друзьями... Да разве не все они были друзьями?

Кедров щёлкнул выключателем. Свет слабенько озарил его каморку. Молча встретила живущая здесь пустота. Она всегда встречала его после работы. Они были похожи и настолько уже породнились, что сложно было различить.

Кедров с минуту постоял посреди комнаты, оценивая обстановку, достал из секретера флягу. Сегодня можно. Сегодня, наверно, уже всё можно.

Прости, Софи.

Их было двенадцать – двенадцать уличных пацанов, кучкующихся по дворам и подворотням, и Волчонок – прибившаяся к ним девчонка, не пойми откуда взявшаяся впервые. Разумеется, она не имела никаких шансов на главенство, но прошло время – и именно Волчонок повела их, именно за ней они следовали.

Их было двенадцать – двенадцать повстанцев, мятежников, участников Сопротивления. Софи была их лидером, их негласным командиром, их боевым товарищем, их названной старшей сестрой.

Их было двенадцать – двенадцать людей Софи Нонине, вместе с ней наследовавших власть над новым, неведомым пока государством, которое только предстояло создать общими усилиями.

Где была точка излома, за которой всё пошло не так, а огненное колесо закрутилось со страшной силой, метая пылающие стрелы?

Может быть, той зимой... Кедров не раз думал об этом и иногда даже казалось, что он прав. Это был четвёртый год правления Софи Нонине, незадолго до первых и единственных перевыборов. Выдалась очень холодная ветренная зима, и Софи сильно и долго болела. Может быть, дала о себе знать простреленная и так и не залеченная толком рука... Иногда, впрочем, Кедрову всё это представлялось одним большим спланированным представлением: очень уж ловко всё совпадало и служило дальнейшим планам Софи... Но нет же – он ещё раз вспомнил, как это было и что он видел, – люди не могут так притворяться, этот человек *действительно* умирал.

...Нонине не выходила из своей комнаты уже несколько дней. Она никого не звала к себе, а сами они не решались зайти.

Вместо этого они тихо расхаживали по комнатам резиденции с торжественными и сдержанно-печальными лицами, будто говоря друг другу: вот видите как. Они не разговаривали в полный голос и, разумеется, не делали никаких заявлений – ведь формально ещё ничего не было ясно. Однако уже сходились по двое, по трое, шептались между собой, рассуждали – конечно, не всерьёз, конечно, только так, абстрактно говоря, – но вот если бы... Мы же могли бы до-

говориться, к примеру, вот так.

Для Кедрова всё это отчётливо отдавало мерзинкой. Он никогда не был поборником нравственности, но свои представления о долге и личной преданности у него имелись. И представления эти говорили, что это неправильно – под шепоток делить государство Софи, когда она сама, по-прежнему живая и всё ещё действующая правительница, не может помешать им.

Кедров всё же подошёл к двери её спальни и постучался. На стук не ответили. Дверь, однако, была не заперта. Поколебавшись, он всё-таки решился войти.

Софи лежала на кровати без единого движения. Глаза были закрыты, волосы – беспорядочно рассыпаны по подушке, лицо походило на восковую маску. Даже дыхание не прослеживалось.

Кедров присел на корточки возле кровати.

– Софи, – тихо позвал он.

Она не ответила.

– Софи...

Ну не могла же она сейчас взять и умереть.

– Софи! – окликнул он громче.

Она тяжело разлепила глаза. С минуту просто смотрела – видимо, пытаясь сообразить, кто перед ней. Наконец в её взгляде промелькнуло узнавание, и она охрипшим голосом выговорила:

– Попить дай.

Однако вскоре Софи неожиданно и довольно быстро пошла на поправку. Шёпот среди пар и троек, конечно, сразу прекратился, и все сделали вид, будто ничего такого и не было. Через неделю, проводя собрание в их узком кругу, Софи держалась уже твёрдо и уверенно, разве что была чуть бледнее, чем обычно, и чуть официальнее.

Внутренние враги, – впервые сказала в тот раз Софи. Вы их не замечаете, зато я прекрасно вижу. У нас очень много внутренних врагов. И они куда ближе, чем можно подумать.

Я должна быть уверена, что могу положиться на каждого из вас, – сказала Софи, оглядывая их всех, стоявших вокруг. – Должна знать точно, что если попрошу прикрыть меня с тыла, то не получу ножа в спину. Не подавайте мне повода сомневаться в вас.

И они обещали, что не подадут.

Пожалуй, это было одно из последних собраний, где присутствовала вся их старая сплочённая компания проверенных друзей.

Быстрицына, Эппельгауза и Тортурова судили по обвинению в госизмене, совершённой незадолго до окончания южной войны. Вдруг выяснилось, что эти трое на самом деле поддерживали контакт с местными сепаратистами и хотели, объединившись с ними, свергнуть власть Нонине и разрушить страну. Дело около года не сходило с главных полос газет и шло медленно и показательно, на публику. Для Тортурова и Эппельгауза оно кончилось пожизненным заключе-

нием, и больше о них не слышали (не исключено, что они уже успели отбыть его). Быстрицына же – курчаво-чёрного и большеглазого Макса Быстрицына – таскали по разным заседаниям ещё около полугода, затем его следы затерялись. (Похоже, с ним у Софи были личные счёты. А может, и нет).

Уже после присвоения Софи титула Правительницы грянул ещё один скандал – с Георгом Аметистовым, – не получивший, впрочем, широкой огласки в массах.

Остальные уходили и того тише: лишь под аккомпанемент возвышенно-скорбных заявлений новостных дикторов, занимавших один-два дня.

Савровский погиб вместе с пароходом «Звезда Цирцеи», на первое плаванье которого его долго и умилительно приглашали и который затонул, лишь немного отойдя от берега. Причина катастрофы выяснена не была.

Акшутин попал под обвал в скалах под Ринордийском. Никто не знал и не мог даже предположить, что он делал там глубоким вечером, будучи человеком исключительно городским, и почему в таком уж случае пребывал там в полном одиночестве.

А вот с Валипаевым вышло совсем глупо. Ну надо же было оборваться лифту, когда в нём находился индивид, всю жизнь старательно лифтов избегавший. Двадцатый этаж, срочное поручение и перекрытый намертво участок лестницы – как раз плановый ремонт. Это было даже смешно, смешно и очень жутко, потому что подобным образом мог

шутить только один человек.

Иногда же так и оставалось неизвестным, что и как всё-таки произошло. Юнкер, Дольцев, Кавенский... Все эти ребята просто один раз не появились на работе и вообще больше нигде не появились. (Может быть, их съела мантикора).

Кедров мог только строить догадки, был ли во всех этих происшествиях замешан колдовской уголь или Софи пользовалась и другими методами... Хотя нет, почему, касаясь одного случая он знал точно: сам руку приложил. Так что не одна Софи... Конечно, не одна.

Это было около двух с половиной лет назад. Софи пригласила его поздно вечером в резиденцию, но не в кабинет, а в личные покои. Так она делала, если разговор был очень важным и строго конфиденциальным или – что тоже случалось в прежние годы – ей просто хотелось поговорить с кем-нибудь.

Софи, казалось, была чем-то расстроена: всё вертела в руках бокал вина, но так ни разу и не отпила из него, спросила какую-то мелочь и, похоже, сразу же забыла ответ, как и сам вопрос, но всё больше молчала и над чем-то раздумывала. Молчал и Кедров: зная её привычки, он предполагал, что самое важное она скажет позже и надо подождать.

И действительно.

Неспешно перехватывая бокал из руки в руку, Софи спросила как бы невзначай:

– А ты не знаешь, случайно, где сейчас наш общий друг?

– Вольдемар? – удивился он.

– Да.

(Вольдемар Замёлов, их единственный оставшийся общий друг...)

– Не знаю, Софи. Мы почти не пересекаемся в последнее время.

Это было правдой: вот уже несколько месяцев Кедров пребывал в состоянии перманентного загруза в виде штатной работы и многочисленных особых поручений.

Софи подошла к столу, поставила на него бокал. Медленно, отчётливо проговаривая каждое слово, она сказала:

– Он сейчас на юго-востоке Ринордийска. В тёплой компании своих западных знакомых. Делится соображениями, как бы лучше устроить переворот и убрать меня отсюда.

Кедров даже не сразу нашёлся, что ответить. Ни по одному каналу связи к нему не поступало подобной информации, хотя было много куда менее приметных мелочей. Да и вообще: Вольдемар – и западные агенты...

– Но это же... госизмена.

– Да, – кивнула Софи. – Это предательство.

– А это точно?

Софи метнула в него такой взгляд, что Кедров тут же опустил глаза, проклиная себя за столь глупый вопрос.

Но Софи уже будто забыла про него и рассуждала сама с собой:

– Подумать только – Вольдемар. От него я этого не ожи-

дала. Хотя, наверно, пора было уже привыкнуть, что этим всегда кончается. Вокруг одни предатели, ни на кого нельзя положиться... Правда, Эндрю?

Он чуть было не ляпнул механическое «правда» в ответ, но вовремя сообразил. Опять эти её чёртовы вопросы-ловушки. И у кого только она подхватила эту манеру?

– Софи, ты прекрасно знаешь, что можешь положиться на меня, – ответил Кедров.

Она с сомнением взглянула на него:

– Да?

Он кивнул.

Софи постояла ещё в задумчивости, достала из кармана револьвер. Кедров не помнил, чтоб она когда-нибудь использовала его в реальной ситуации, но Софи никогда не рассталась со своим оружием, даже уже будучи правительницей. Покрутив револьвер в руках, Софи небрежно бросила его на диван и быстро направилась вон из комнаты. Огибая у дверей Кедрова, она остановилась на момент и произнесла у самого его уха:

– Ты знаешь, что делать.

И, не оглядываясь больше, удалилась.

А ведь даже сейчас, – поймал себя на мысли Кедров, – даже сейчас он не знал точно, был ли Вольдемар Замёлов и в самом деле в контакте с агентами или это просто стало подходящим поводом. Самого Вольдемара он спросить не успел...

Но если поводом, то для кого он был нужен? Новости кри-

чали о громком и дерзком, но нераскрытом убийстве – и только. Тогда для самого Кедрова? Может, поэтому Софи и не воспользовалась углём на сей раз? Может, это была проверка?

Что ж, в таком случае Кедров её выдержал. Из двоих оставшихся Софи почему-то предоставила эту возможность ему.

Фляга почти опустела.

Кедров выдвинул ящик стола, достал на свет старое чёрно-белое фото. Тут были они все, молодые и весёлые, в каком-то ринордийском дворе. Наверно, кто-то приволок откуда-то фотоаппарат, сейчас уже не вспомнить, как появился этот снимок. Вся чёртова дюжина расположилась на брикетах сушёного сена: кто сидя, кто лёжа, кто стоя рядом. Волчонок сидит на самом верху, свесив ноги вниз, и победно улыбается. Она всегда любила быть над всеми остальными.

Все эти люди уже мертвы.

Кто знает за что она мстила им: за ту зиму, или за первые годы знакомства, или ещё за что-то неведомое... Одно было точно: Софи никогда никому ничего не забывала. Если казалось, что она махнула рукой и оставила прошлое прошлomu, – это только казалось до поры до времени. Она просто выжидала подходящую минуту.

Он остался последний из двенадцати.

Почему-то Софи не тронула его за все эти годы. Может, сказалоь то, что он пришёл к ней, пока остальные делили

власть за дверями её спальни. Может, ей льстило, что в её подчинении – потомок того самого Кедрова, что служил другому Правителю. А может, и наоборот – она ненавидела его больше остальных и потому только сохраняла на сладкое.

Уже неважно. В любом случае это теперь не продлится долго, и финал, каким бы он ни был, близок.

Он поднял последний стакан и чокнулся им с пустотой.

За тебя, Софи. За то, что я сдал тебя сегодня.

66.

Утро пришло самое обыкновенное, разве что очень ясное и спокойное.

В резиденции было всё как всегда. Кедров даже неожиданно удивился этому: оказывается, подспудно он считал, что «как всегда» быть не может. Хотя почему – вполне возможно, даже наиболее возможно. И это наилучший вариант.

Время обычного утреннего доклада Нонине близилось, но ещё не подошло. Но пока Кедров прикидывал, будет ли теперь лучше зайти к ней чуть пораньше или подождать точного часа, в коридоре внезапно появилась Софи.

– Эндрю, зайди ко мне на минуту, – она кивнула на дверь кабинета и тут же вошла сама.

Он последовал за ней. Тихо-тихо звякнул тревожный звонок, но пока это ровным счётом ничего не значило. Софи закрыла дверь и, деловито усевшись за свой стол, уставилась на Кедрова со всем вниманием. Мельком он отметил, что пепельница на столе доверху забита окурками. Похоже, Софи شمалила сигарету за сигаретой всё утро. А может, и ночью.

– Ну? – заговорила она с требовательным интересом. – Что слышно? Ещё восстания, забастовки, массовые протесты?

– Ничего такого, Софи, – спокойно и даже искренне ответил он.

– В Воломееве всё подавлено?

– Я приказал принять меры, и они должны быть достаточно действенными. Не думаю, что у этого эпизода будет какое-то продолжение.

– Хорошо, – Софи одобрительно кивнула. – А в Ринордийске?

– В Ринордийске всё спокойно... – Кедров пытался смотреть ей в глаза и по возможности убавил официальщины. – Ну, ты же видела, о чём они болтают даже в своей Ленте. Едва ли в ближайшее время кто-то из них дёрнется что-то устраивать.

– Угу, – Софи кивнула, словно на такой ответ и рассчитывала. – А как же субботний вечер в северо-западном лесу?

– Субботний вечер? – повторил он машинально.

– Ну как же, – нарочито удивилась Софи. – Северо-западный лес, платформа «Болотная», двадцать минут по лесной тропе, поляна с большим дубом и ещё пять минут вглубь чащи. Суббота, девять вечера. Ты ведь так им передал, правда?

Кедров отвёл от неё взгляд, мимодумно поискал что-то на столе, в неровных древесных узорах. В них, впрочем, ничего не было. Наверно, следовало что-то ответить... Ясно пришло осознание, что от того, что он сейчас скажет (или не скажет), ничего не изменится.

Поэтому, уже просто так, Кедров сказал:

– Ваше Величество... А можно спросить, как вы узнали?

– А я всё про вас знаю, – мрачно ответила Софи. – Даже

то, чего вы сами не знаете.

Они помолчали немного.

– Хотя нет, вру, не всё, – продолжила она уже с чуть заметной иронией в голосе. – Я не знала, что в тебе погиб поэт, Эндрю. Это же надо... – она повела рукой и торжественно процитировала. – «Волчонок превратился в крысу».

Кедров поднял взгляд.

– Ваше Величество, если вы хотите, чтоб я подтвердил собственные слова, – да, я это сказал. И да, я по-прежнему так считаю.

Он чуть наклонился к ней:

– Ты и в самом деле изменилась, Софи. И не в лучшую сторону.

Нонине несколько растерянно поморгала: будто она отыгрывала какую-то роль, а её незапланированной репликой сбили с мысли.

– Ясно, – быстро пробормотала она, глядя куда-то в сторону. – Ну, тогда иди.

– В смысле? – не понял Кедров.

– Ну, иди, я тебя не держу, – опять будто бы удивилась Софи.

– Куда?

– Н-ну, я не знаю, куда ты собирался, – она пожала плечами. – Может, они тебя ждут уже...

Она очень внимательно занялась какими-то бумагами из тех, что лежали у неё на столе, и больше не смотрела на Кедров.

рова – как будто его тут и не было. Он не стал уточнять, какие «они», по её мнению, ждут, и, поднявшись со стула, медленно направился к выходу.

Ясное дело, что не могло быть так, как она сказала, но откуда именно ждать удара, Кедров пока не понимал. Может быть... дверь, – осенило его. Он настороженно обернулся к Софи.

– Она не заперта, – небрежно бросила Нонине.

Кедров повернул ручку: да, действительно не заперто.

– Как скажете, Ваше Величество, – он быстро поклонился и вышел.

Как только закрылась дверь, Софи в ярости вскочила со стула и хотела запустить вслед гипсовой фигуркой, но в последний миг удержалась.

«Так, успокойся, поставь на место. Поставь-поставь. В дверь-то уже какой смысл».

– Вот же дрянь.

Она села обратно, хмуро подпёрла лоб кулаками. Потёрла ими переносицу. Лучше от этого не стало.

– Вот же дрянь, – пробормотала Софи повторно. – Где бы ты был сейчас, если бы не я.

Посидев так немного и утихомирив разбушевавшиеся волны, она подняла голову и оглядела свой кабинет. Надо бы сейчас закончить.

Интересно, далеко он успел уйти? Софи, поднявшись,

неторопливо прошагала по кабинету, приблизилась к окну и из-под прикрытия шторы выглянула наружу.

Нет, недалеко. Вон он, в сухом осиннике, посреди деревьев – гладких и совсем без листьев. Он казался таким маленьким отсюда – глупым беспомощным человечком, который, видимо, не очень-то понимал сейчас, где находится и что ему надо делать дальше. Он попытался закурить, но никак не мог поджечь сигарету: похоже, у него дрожали руки.

Губы Софи сложились в хищную ухмылку.

– Курить в сухостое... Как неосторожно. Ты ведь всегда боялся лесных пожаров...

Так же неторопливо и твёрдо она вернулась к столу, подняла телефонную трубку и набрала номер пожарной бригады спецреагирования. Чётко проговорила:

– Пожар в Правительственном палисаднике. Будьте в течение пятнадцати минут.

– В палисаднике? – откликнулись с той стороны и замолчали: по всей видимости, сверяли показатели. – Но, Ваше Величество, по нашим данным, там ничего нет, даже дыма...

– Я же сказала, будьте в течение пятнадцати минут, – повторила Софи и повесила трубку.

Из кармана она достала угольный карандаш, а из стола – специально для этих целей существующий блокнот. Блокнот был удобен тем, что листы в нём складывались гармошкой и можно было набросать список в сколько угодно имён, а затем легко оторвать. Впрочем, Софи редко вписывала больше

одного за раз.

– Никогда не думала, что здесь будет твоё имя, – будто заклиная бумагу, она пристально вглядывалась в желтоватый листок. – Если уж совсем честно, этого я тебе не хотела. Но ты первый меня предал, – Софи кивнула. – Да, ты первый меня предал.

Она аккуратно вывела чёрным «Андрей Кедров», оторвала листок и подожгла свечу на столе.

Автоматически стряхнув пепел (шестерёнки заело), он даже не сразу понял, что что-то не так. И что здесь неоткуда взяться бьющим часам.

А когда понял, было уже слишком поздно. Быстро вспыхнула сухая трава, огонь потянулся вверх по голым стволам...

Когда листок догорел, Софи разжала пальцы. Последние пепелинки упали на гладкую поверхность стола.

Вот и всё.

– Ваше Величество! – в дверях появилась Китти. – Кедров...

– Его больше нет, – не оборачиваясь, сказала Софи.

– Да... Поняла.

Китти исчезла.

Где-то за окном гудели сирены, полыхали остатки огня и разносился едкий запах дыма.

Софи опустилась за стол, машинально смахнула с него

несколько пепелинок.

– Крысиная королева, – лицо её застыло в негнущейся усмешке. – Кто ж вам виноват, если вы сами такие... Такие.

67.

– Ну, то есть мне предлагается поверить, что к нам сюда приходил начальник охраны и сдал Нонине, – вслух размышлял Феликс, расхаживая по комнате и время от времени чиркая зажигалкой. – Ну, смешно, да.

У Лаванды уже несколько мельтешило в глазах от его бесконечных перемещений, и она недовольно моргала и хмурилась.

– Ты ему не веришь?

– Он ссо-шник, – бросил Феликс так, будто это объясняло всё.

(Сколько успела узнать Лаванда, слово «ссо-шник» в устах Феликса было самой уничтожающей и безапелляционной характеристикой, ещё похуже, чем «сволочь»).

– Мне не кажется, что он лгал, – задумчиво произнесла Лаванда, хотя знала, что к ней, скорее всего, как всегда, не прислушаются. – Его тяготило что-то... Он будто бы хотел и одно, и другое и не мог решиться.

– Они же все отличные актёры, не забывай. Это фактически один из необходимых им профессиональных навыков. Впрочем... – Феликс остановился и несколько раз щёлкнул зажигалкой в напряжённом раздумье. – Если он по каким-то причинам действительно сказал нам правду, а мы не поверим и упустим эту возможность... Нет, это даже не смешно.

Лаванда незаметно нашарила мел в кармане, погладила пальцами амулет. Она догадывалась, что, если уж речь пошла о «возможностях», вполне вероятно, что сейчас опять пристанут к ней. Будто не понимают, что она просто не может этого сделать. Ей нравилось, что колдовской мел, принёсший из глубин веков такую огромную, диковатую, неотёсанную ещё силу, здесь, у неё под рукой, нравилось ощущать этот гладкий кругляш подушечками пальцев, но использовать его – нет, и не просите.

Но всё же она спросила:

– И что собираешься делать?

– Не знаю, – Феликс пожал плечами. – Надо бы, по идее, связаться с нашими... Какой сегодня день?

– Четверг.

– Хреново. Это, значит, уже послезавтра. Сами они, конечно, не позвонят. А палиться с этим вдвойне не стоит. Кстати, собираться всем вместе по этому случаю – тоже. Не исключено, что на это и рассчитано.

– Что рассчитано? – не поняла Лаванда, она совершенно не успевала за скачками его мыслей.

– Всё это рассчитано на то, что мы устроим незапланированную сходку, чтоб обсудить, и там нас и накроют. Провокация, – он посмотрел на Лаванду как-то даже удивлённо, будто подобная мысль самому только пришла в голову. – А что. Вполне может быть.

Она всё равно поняла лишь приблизительно. Но в любом

случае ей это казалось таким пустяшным, неважным, не имеющим никакого отношения к действительности... Что же было по-настоящему важно – она никак не могла уловить, но, думалось, что-то совсем другое.

– Или даже не на самой сходке – встретиться-то можно и с кем-то отдельно. Может, и на месте. В этом самом лесу, – Феликс снова переглянулся с Лавандой и нервно рассмеялся. – Представляешь, приходим мы туда такие выслеживать Нонине, а нас там уже ждут. Ну а что – натуральное покушение на правительницу, и не прикопаешься же, – он снова засмеялся.

– Ты так считаешь? – очень тихо, глядя в пол, сказала Лаванда.

– Нет, ну, я не знаю, конечно. Но очень возможно, что так. Прямо-таки очень возможно.

Снаружи вдруг всё огласилось протяжным и тоскливым карканьем. Лаванда по привычке подняла голову к окошку, но неба оттуда было не разглядеть.

– Что это они? – спросила она у Феликса.

Он даже не обернулся:

– Углядели чего пожрать, мало ли.

Лаванду это не успокоило. В криках ворон слышалось что-то тревожное, почти пугающее. Будто они первыми почувяли грядущую беду и принесли её на своих перьях.

Это было как запах гари...

Гарь. Лаванда потянула носом воздух. Нет... кажется, на

этот раз ей не показалось.

Феликс, по-звериному вскинув голову, принялся.

– Ты тоже чувствуешь? – с тревогой посмотрела на него Лаванда.

– Да. И ты тоже?

Они молча уставились друг на друга, по-видимому, с одной и той же мыслью: где-то совсем рядом случилось что-то нехорошее, сильно нехорошее, и, может статься, оно имело к ним непосредственное отношение, слишком уж всё сходилось.

Запах гари ворвался теперь в реальность, он прошёл сквозь сферы и нагрязнул на их привычный человеческий мир.

Вороны всё пролетали мимо, и всё не смолкали их голоса. Феликс перевёл взгляд на окошко и всматривался куда-то в невидимую отсюда даль.

– Это в Ринордийске, – тихо сказал он.

– Думаешь?

– Чувствую.

Радио вдруг разразилось прерывистым хрипом:

– Главная ли... Китти Башева. Внимание, экстр... Внимание...

Феликс метнулся к приёмнику, включил на полную громкость.

– Полчаса назад произошёл крупный пожар у резиденции Её Величества Софи Нонине. Причины оперативно устанавли-

ливаются, предварительная версия – организованный диверсионный акт. Последствия пожара практически ликвидированы, Правительница Нонине в безопасности. Однако есть потери среди ближайшего окружения Её Величества. Вычислить преступников пока не удалось, но работа по их поимке активно ведётся, приняты все меры безопасности. Её Величество Софи Нонине проведёт запланированную на середину мая конференцию досрочно – в девятнадцать часов сегодняшнего дня, место проведения – Турхмановский парк. Внимание: конференция не будет транслироваться по видео. Правительница желает высказать своё мнение по поводу случившегося и касательно будущего нашей страны глаза в глаза тем, кто сочтёт нужным посетить мероприятие. Её Величество Софи Нонине напоминает каждому из вас о существующем гражданском долге и призывает ответственно подойти к присутствию при её словах. Информация прозвучит только на встрече и не будет нигде повторена. Ответственность за её незнание полностью ложится на граждан страны. Повторяем: конференция Её Величества Софи Нонине состоится в девятнадцать часов сегодняшнего дня, место проведения – Турхмановский парк. Также призываем соблюдать бдительность при столкновении с подозрительными лицами и немедленно сообщать...

Феликс убавил звук и отошёл от радио.

– И что это? – испуганно и растерянно спросила Лаванда. – Почему?

– Ты же слышала? Диверсионный акт.

– На самом деле?

– Ну конечно.

– Нет, я серьёзно... Это Софи или правда чья-то диверсия?

Феликс развернулся к ней:

– В двух шагах от резиденции, где круглосуточная охрана? И уже ищут преступников, хотя причину даже не выяснили? И кто-то из компании Нонине вот так случайно подставился – причём на следующее утро после того визита? – он со смехом развёл руками. – Да ладно!

– Так, значит, Софи, – Лаванда опустила глаза. – И это из-за вчерашнего разговора?

– Не исключено. Я даже не удивлюсь, если «потерями среди ближайшего окружения» и был тот самый Андрей Кедров, – Феликс о чём-то задумался. – А ведь если она за это его кокнула и он действительно говорил правду... То, возможно, мог стать не таким уж плохим человеком.

Лаванда нахмурилась: как-то слишком быстро определял он людей в «хорошие» и «плохие», исходя исключительно из того, помогали они ему или наоборот.

– А как нам быть с конференцией? – вспомнила вдруг она. – Вдруг там и правда будет что-то важное?

– С конференцией... – протянул он. – С конференцией похоже, что придётся идти.

Он поймал удивлённый взгляд Лаванды и закивал:

– Да, я понимаю, что это всё равно что лезть в пекло... Тем более если устранила она действительно Кедрова и именно за это, а не за что-то другое, то это ведь означает, что и весь наш вчерашний разговор ей известен. А если так, то мы с тобой фактически под прицелом, сестрёнка, – Феликс взглянул на неё с несвойственной ему серьёзностью, даже как будто с грустью. Быстро добавил. – Ты, впрочем, можешь не ходить.

– Нет, я пойду, – Лаванда быстро закивала.

– Пойдёшь... Хорошо. Мне, конечно, не следовало впускать тебя во всё это... Но, кстати, мел по-прежнему при тебе.

68.

Софи ещё раз сняла трубку телефона.

– Китти, зайди ко мне.

Времени как раз прошло достаточно для всего пути от студии в штабе связи до резиденции. И правда, одна минута – и Китти со стуком вошла, смотря на Софи с внимательной готовностью.

– Садись и пиши, – Нонине кивнула на бумагу и ручку на секретарском столе, сама же отошла к окну. – Записывай, что ты сейчас скажешь во вступительном слове.

Конференции, на которых Софи присутствовала лично, обычно начинались с выступления Китти, которое как бы предваряло речь правительницы и готовило к её словам. Не стоило делать исключения и на этот раз. Помимо прочего, Софи не слишком хорошо себя чувствовала и надеялась дождаться улучшения, прежде чем выступать перед публикой.

Она подумала над формулировками, глядя за окно, где только начинал рассеиваться дым и с силой пытались пробиться сквозь него солнечные лучи. Слова с трудом примыкали друг к другу, они были расплывчаты, рыхло рассыпались и никак не хотели передавать то, что имела в виду Софи. Это, наверно, из-за тяжести в голове, изнутри давящей на стенки висков и переносицы.

– Во-первых, – начала Софи. – У нас стало ещё больше

внутренних врагов и маскируются они куда лучше. Масштабы столь велики, что требуют быстрых и радикальных действий. Во-вторых, эта опасность устранима, но я буду вынуждена действовать жёстко. Любая критика этих действий в любой форме, включая двусмысленности и намёки разной степени прозрачности, будет автоматически приравняться к подрыву авторитета действующей власти и пресекаться на корню. К устным разговорам это тоже относится. В-третьих, с завтрашнего дня начнутся рейды по квартирам с целью поиска улик, доказывающих причастность к антиправительственной деятельности. Наличие таких улик повлечёт за собой привлечение к суду по статье... по статье...

Она закрыла глаза, потёрла лоб между бровей. Всё плавало в голове и не давало сосредоточиться.

– Госизмена, – вспомнила Софи. И уже быстрее и менее отчётливо, как необязательное дополнение, добавила. – Насколько что там доказывает, будем определять в частном порядке, разумеется. Я лично буду.

Она обернулась на Китти. Та всё записала и снова внимательно смотрела на Софи.

– Ну, ты, конечно, не так им это скажешь. По-другому, чтоб им понравилось. Ну, придумаешь как.

Китти кивнула.

– Да, и ещё, – вспомнила Софи. – Все блокпосты по границе города должны быть в полной боевой готовности. Из Ринордийска никого не выпускать. И не впускать, соответ-

ственно.

– В случае попытки бегства? – уточнила Китти таким тоном, будто речь шла о том, сколько ацетонового растворителя нужно заказать.

Софи мрачно посмотрела на неё, задумалась, отвернувшись к окну.

– Уничтожать, – наконец кинула она и, заметив, что Китти записывает, добавила. – Это не надо писать.

– Простите, – Китти быстро зачеркнула последнюю строчку.

– Это ты им лично скажешь, – с недоброй улыбкой Софи приблизилась к её столу. – Позвонишь и скажешь.

Китти спокойно подняла глаза:

– Будет сделано.

Софи остановилась и, будто только увидев, придирчиво окинула её взглядом.

– Китти, а почему ты в красном платье? Ты в нём выглядишь, как шлюха.

– Потому что конференция проходит без камер, Ваше Величество, и в таких условиях необходимо, чтоб говорящего было видно и из задних рядов.

– А, да, – Софи закрыла глаза и потёрла лоб. – Конференция же...

Открыв глаза снова, она посмотрела на Китти уже с усталым раздражением.

– Ладно, дай сюда, подпишу.

Подписывать собственные указания она начала с тех пор, как несколько раз не смогла вспомнить точно, когда и при каких обстоятельствах появились хранившиеся в её сейфе бумаги. На всякий случай, чтоб быть уверенной.

Дважды поставив свою завитую подпись – у самих тезисов и у последних зачёркнутых строк для надёжности, – Софи вернула листок Китти.

– Свяжись с общественностью, секретарь! – она насмешливо улыбнулась.

– Да, Ваше Величество, – кивнула Китти и вышла из кабинета.

Пройдя несколько метров от двери кабинета Нонине, Китти подалась чуть влево и слегка прислонилась к стене.

Тяжёлый день. Сначала Кедров, теперь это... Китти вдруг очень захотелось всего этого не видеть.

«Так, прекрати истерику», – сказала она себе тем жёстким и холодным голосом, который всегда звучал у неё в голове, но которым она почти никогда не говорила с другими людьми. Полчаса до конференции – за это время приведи себя в порядок, а дальше всё должно быть безупречно, как всегда.

Она подняла голову и быстрым чётким шагом пошла вперёд по коридору, до конца которого успела выпрямить спину, расправить плечи и нацепить на лицо неизменно милую улыбку «первого диктора страны».

69.

Турхмановский парк был совсем другим сейчас, в начале мая. Не только потому, что здесь теперь ходили толпы людей: деревья озеленились, расправились в воздухе пышные кроны и, сливаясь на расстоянии в зелёную дымку, бросали вниз бархатную тень. Деревья будто бы помнили всё, что прошло под ними, и знали, что будет дальше, но им это было совсем всё равно...

Лаванда и Феликс расположились возле Дворца Культуры, прямо у его парадной лестницы. Лаванда, устав от долгого ожидания, сидела на парапете и разглядывала всё вокруг, Феликс стоял рядом и думал о чём-то своём.

Было около часа до начала конференции, и людей собралось, по-видимому, ещё не так много. По крайней мере, здесь, у старого и всеми покинутого здания, пока были только они двое. Лучше всего прятаться в толпе, – так сказал Феликс, – но это уже позже, когда они скучкуются и всё внимание будет обращено на Нонине. Пока же лучше не светиться.

По воздуху начинали разливаться сумерки – самые ранние, прозрачные, которые едва притрагиваются мягкой кисточкой. То было тепло, то вдруг прохладный ветер, скользнув по открытым плечам, заставлял вздрагивать и ёжиться. Он накрывал густым обволакивающим запахом сирени.

Если прищуриться и смотреть не прямо, можно увидеть

даже, как по дорожкам парка, вокруг Дворца разгуливают нарядно одетые парочки – дамы в вечерних газовых платьях, джентльмены в смокингах, с манжетами и бабочками... Они скользят лёгкими тенями забытой сказки, играют в графинь и герцогов, баронов и маркиз. И они танцуют – танцуют под звуки старинного вальса. И, если прислушаться, уловишь простенький, но завораживающий мотив, он сохранился и по сей день и часто играет в музыкальных шкатулках. Можно даже разобрать часть слов, что нанизываются на мелодию, как бесконечная гирлянда.

«В Ринордийске всё спокойно,
Мерно башенка звонит,
Свои волны так привольно
Речка под мостом струит».

– Феликс?

– Мм?

– А как может звонить башенка?

– Ты про песню? Это о Часовой башне на Главной площади. Каждый раз в ровное время часы звонят, это имеется в виду.

Его что-то беспокоило, что-то, чем он не счёл нужным делиться, и Лаванда решила, что не стоит его отвлекать.

«В Ринордийске всё спокойно,

Всё о мире говорит.
Почему же сердцу больно?
Почему оно не спит?»

Пары кружились, почти невесомые в призрачном полусвете парка, менялись местами, мелькали белые подола платьев... И музыка разлилась с сумерками и сиренью, чуть печальная, красивая – как могут быть красивы последние светлые деньки, когда уже точно знаешь, что они сейчас закончатся.

«В тишине полночной сада
Поменялись явь и сон.
Посмотри, как звездопадом
Озарился небосклон».

Кто-то сидел здесь вот так же, на этом парапете, много лет назад, и ждал чего-то, ждал с тревожным нетерпением, и думал о чём-то, и о чём-то мечтал... Но кто и о чём?..

«Загадай скорей желанье,
Пусть не сбудется оно,
Но до тех дойдёт посланье,
Знать кого не суждено...»

В мелодию откуда-то влился, а потом и заглушил её шум

мотора. Кто-то остановился у ворот.

– Приехали, – сказал Феликс.

– А? – Лаванда вздрогнула и испуганно огляделась. – Кто? Зачем?

Феликс посмотрел на неё со снисходительным удивлением.

– Где-то витаешь опять? Кортёж подъехал, сейчас конференция начнётся.

– Аа, – она быстро и охотно закивала. – Да, точно, конференция.

– Так пойдём?

– Пойдём, – Лаванда торопливо соскользнула с парапета и последовала за Феликсом, держась несколько позади.

Народ толпился у высокого деревянного помоста, на котором установили пышно украшенную трибуну. Здесь вообще всё было украшено: деревья и столбы фонарей увесили красными букетиками гвоздики, гвоздика же плавала в фонтанах, которые теперь-то заработали на полную мощность. Струи воды взмывали в воздух и орошали деву и мантикору, и те блистали в лучах вечернего солнца, представляясь уже скорее не противниками, а двумя сторонами одного. И было шумно: оркестр разбрасывался трещащими звуками, совсем как фонтаны – брызгами воды, шёпот и шелест толпы мешался с ними, всё тонуло в блеске и гвалте.

– В апреле мне тут нравилось больше, – пробормотала Лаванда, но Феликс её, конечно, не услышал: он что-то выиски-

вал взглядом в этом кипящем котле. Стараясь не потеряться в толпе и держаться рядом, Лаванда тоже огляделась.

Она заметила девушку в красном платье. Девушка шла от ворот сюда, к стоящим, и кругом неё странным образом создавалось свободное пространство. Приглядевшись, Лаванда поняла, в чём дело: на некотором расстоянии от девушки держалась кольцом почти невидная в толпе охрана. Складывалось впечатление, что то ли эти люди ведут её под конвоем, то ли, наоборот, она негласно распоряжается ими. Поравнявшись с Феликсом и Лавандой, девушка вдруг легко проскользнула между охранниками и едва заметным движением руки, не глядя, передала Феликсу какую-то бумагу. Он тут же перехватил листок. Девушка же вернулась обратно в круг – будто так и было. Всё произошло так быстро, что Лаванда ни за что бы не углядела, если бы стояла чуть дальше или смотрела бы в другую сторону.

Да это же Китти, вдруг поняла она. Лаванда не сразу узнала её в красном, но да – естественно, та самая Китти Башева, совсем как в телевизоре, только живую.

Феликс мельком просмотрел бумагу и сразу отчего-то померчал.

– Что там? – спросила Лаванда. Он молча показал ей листок.

– Я говорил, что чем-то подобным кончится, – Феликс уже глядел сквозь толпу в сторону помоста.

Лаванда вчиталась в узкие ровные строчки – так быстро,

как только успевал её ум вникать в написанное. Последние были зачёркнуты, но чисто символически – тонкой линией, за которой отлично выделялись все буквы.

В смятении, не до конца даже поверив, она подняла взгляд на Феликса.

– Но... это же...

Он кивнул:

– Вот теперь начинается по-настоящему.

Китти преодолела свой путь и запросто взбежала по лестнице помоста, будто высокие каблуки ей абсолютно не мешали. Оркестр играл что-то жеманно-развесёлое. Китти улыбалась всем вокруг и смотрелась очень милой, приторно милой, как засахаренная вишенка в бокале шампанского.

– И что теперь делать? – шепнула Лаванда почти в панике. – Рассказать кому-то? Предупредить?

– Это да. Но сначала как минимум надо убраться отсюда, до того как придёт Нонине. С таким размахом, – Феликс кивнул на бумагу, – ничего хорошего нас здесь не ждёт.

Он быстро огляделся по сторонам.

– Так, дай мне пять минут, потом тоже уходи, через боковую.

И исчез прежде, чем Лаванда успела что-то ответить.

Она поспешно начала искать его взглядом, но Феликс как растворился. Лаванда понятия не имела даже, в какую сторону он направился, и некому было уже сказать, что она так и не поняла, куда ей надо уходить – в убежище или куда-то

ещё. И что, если в убежище, она вообще-то не то чтобы помнит, как добраться до него отсюда. И, если уж на то пошло, не знает, где у Турхмановского парка боковой выход, если Феликс это имел в виду. То ли он сильно переоценил её способности, то ли просто не успел подумать, как часто с ним бывало.

Не найдя никаких других ориентиров или чего-то, за чем можно было бы наблюдать, Лаванда стала смотреть на помост и трибуну. Китти вещала оттуда... Трудно было понять, что именно. Она говорила что-то о том, что Софи Нонине очень рада их приходу и что это «показатель того, что наше общество обретает свою идентичность и сплочённость», о том, что Её Величество вкладывает в них так много «сил и энергии» и исключительно поэтому мы двигаемся «от прошлого к будущему», что-то ещё о каких-то расплывчато-неопределённых врагах, которые хоть и стали сильнее и коварнее, но бояться их совершенно незачем, потому что разве справятся они с целой страной, с целым народом... Впрочем, всё в словах Китти было расплывчато и неопределённо и не оставляло ни мысли в голове, только ощущение безумного карнавала – вместе с охапками цветов, и фонтанами, и флажками, и взбудораженным шёпотом толпы, и её овациями. Лаванда не понимала, чему они так радовались, чем сумела Китти зажечь в их глазах неуёмную жажду продолжения. Вся эта нарочитая любезность, пластиковый блеск, картонная улыбка, – все эти откровенно дешёвые

приёмы... И как на них можно вестись.

С уверенностью Лаванда заключила, что Китти ей всё-таки неприятна и несимпатична, – неважно, была она «своей» или нет.

Но, пожалуй, пора уже уходить отсюда. Лаванда двинулась сквозь толпу куда-нибудь, где поменьше народа, чтоб рассмотреть боковой выход или хоть какой-то выход кроме главных ворот. Это оказалось нелегко: люди теснились поближе к помосту и были очень недовольны, что их раздвигают. Наконец удалось выбраться на более менее свободное место, но правая рука застряла между стоящими, браслет зацепился то ли за сумку, то ли за молнию... Лаванда рванула рукой сильнее и высвободилась, но нить, скрепляющая перья, лопнула, и белые пёрышки разлетелись по воздуху.

Далеко они не улетели – упали тут же, под ногами. Лаванде вовсе не хотелось терять их – свидетелей стольких её лет, – и она присела на корточки, чтоб собрать перья. Одно, два, десять... Вот и все (или почти все) у неё, надо будет только скрепить потом заново. Лаванда спрятала их в карман и, почувствовав вдруг на себе чей-то настойчивый взгляд, вскинула голову.

Поодаль, шагах в пяти от неё стояла Нонине. Не фотография, даже не глюк – живая всамделишная Софи Нонине.

Она стояла у стены старого здания и смотрела на Лаванду с неодобрительным подозрением. Лаванда, уставившись на неё, замерла на месте. (Что теперь делать, надо куда-то бе-

жать, когда бежать невозможно, или прятаться, но где, да и поздно, но что-то же надо делать...)

Минуту или две они смотрели друг на друга молча. Затем Софи плотнее укуталась в плащ из крысиных шкурок, отвернулась и, больше не поворачиваясь, прошествовала в сторону помоста. Её длинное чёрное платье шелестело по земле.

Выйдя из ступора, Лаванда подскочила и бросилась прочь.

Остановившись только за углом, она прижалась спиной к стене – в попытке слиться с этой стеной, стать невидимкой. Кровь стучала в висках одной только мыслью: «Она меня видела, она меня видела...»

«Успокойся, вы всего лишь встретились взглядами».

«Это *она!*»

«Эй, – пришло вдруг в голову, – да ведь она и не на тебя, скорее всего, смотрела. Она же правительница, она смотрела на всех сразу... А тебе показалось, что только на тебя».

Лаванда хотела было поверить, но память её была упряма и говорила обратное. «Нет, она смотрела именно на меня!»

Хотелось только рвануть отсюда и бежать куда-нибудь – прочь из города, за полярный круг – всё равно куда.

«Ну, даже если и так, Лаванда... Во-первых, совсем необязательно, что она будет что-то делать по этому поводу. Даже вероятнее всего, что не будет. Поэтому бежать совершенно незачем. Ну, а если вдруг случится маловероятное и

она всё же решит что-то предпринять... То, видимо, она *уже* предприняла. И тогда, будем честны, тоже бежать незачем».

Что ж, разумно. Немного успокоив загнанное дыхание, Лаванда осторожно огляделась по сторонам. По правую руку остался Турхмановский парк, оттуда долетали ещё шум и звуки оркестра, но в этот проулок люди не заходили. Слева, поодаль, открывались городские проспекты. На них было полно патрулей, Лаванда разглядела. Но, если двигаться не проспектами, а крохотными узкими улочками... Да, пожалуй, так удастся уйти незамеченной.

Она прошла немного, стараясь не срываться на бег, ведь всё нормально, она здесь просто гуляет, и совсем незачем кому-то её преследовать... Лаванда достигла так второго переулка. Тут её нервы не выдержали, и она побежала.

Софи дошла до помоста со смутным ощущением, что она только что думала о чём-то важном и что-то хотела сделать в связи с этим. Но что это было, она сейчас абсолютно не помнила. Ладно, попытается вспомнить потом, после конференции.

– Разумеется, никакие меры не затронут добропорядочных и законопослушных граждан, но следует помнить, что добропорядочность не терпит пассивности, а гражданский долг проявляется не в отсутствии нарушений, а в своевременном реагировании на изменяющиеся реалии, – скороговоркой говорила Китти. Заметив краем глаза Софи, которая

как раз взбиралась по лесенке, она с той же милой улыбкой и практически без паузы продолжила. – Правительница Софи Нонине удостоила нас сегодня своим присутствием. Её Величество хочет лично говорить со своим народом, без барьеров и посредников. Поприветствуем же нашу Правительницу!

Раздались громкие овации и восторженные крики, грянул оркестр – на этот раз тяжёлые и величественные звуки, часто звучавшие на разнообразных государственных мероприятиях, они стали уже практически вторым гимном. Китти, послав последнюю улыбку зрителям, хотела было легко и незаметно ускользнуть, как она всегда делала при появлении на сцене самой Нонине, но та цепко уловила её руку.

– Китти? – поинтересовалась Софи, глядя не на неё, а на собравшихся зрителей, пока музыка заглушала голоса. – Ты меня не сдала?

– Нет, – ответила та, стоя так, будто бы просто задержалась на секундочку.

– Точно?

– Конечно, – Китти повернулась к ней и с простодушным удивлением хлопнула ресницами. – С чего вы взяли?

Софи всмотрелась ей в глаза: обычно она видела, когда человек был неискренен с ней. Но сейчас из-за этой гудящей тяжести в голове даже не сказать точно, Софи уже ни в чём не была до конца уверена. А эта девушка... Да ладно, ей ничего не стоит врать в режиме нон-стоп, сплетая слова-пу-

стышки то в одну, то в прямо противоположную сторону. Кто поручится, что теперь она сказала правду? Это кукольное лицо ничего не выражало и могло скрывать что угодно. А могло и не скрывать.

– Ладно, допустим, я поверила, – снисходительно протянула Софи и выпустила её руку. – Не забудь позвонить! – кинула она вслед. Китти исполнительно кивнула, легкой легкой походкой спустилась с помоста и затерялась в толпе. Ничего, там везде охранники... Если и удумает что выкинуть, доведут, куда надо.

Успокоившись этим, Софи подняла взгляд и окинула им собравшуюся толпу. Цветная шевелящаяся масса... Как-то их слишком много.

Оркестр стих. Люди стоят, и смотрят, и внимают, и им надо что-то говорить.

Что-то говорить... Софи вскинула голову и решительно шагнула к микрофону.

70.

– Сегодня, и завтра, и до тех пор, пока я жива, я остаюсь с вами, я остаюсь со своей страной.

Она говорила, уже не различая отдельных лиц перед собой: все они тонули в дымке. Собственный голос, фонение микрофона, невнятный шум в толпе начинали смешиваться, путаться друг с другом, и говорить приходилось медленно, чтоб расслышать свои слова, не сбиться с них.

– Мы не грозим никому, кто приходит к нам с благими намерениями, но всякий, кто покусится на курс, который мы выбрали, на наше право следовать верным путём, – будет уничтожен. Итак, обращаясь к истинным гражданам, которые, я знаю, мне верят: обещаю, что вместе мы дойдём до цели, что все трудности на пути будут сметены и что я выполняю это обещание. Наше светлое будущее, будущее, которого мы реально заслуживаем, – оно в этих руках, – Софи возвела обе свои руки вверх.

Грянули овации. Они закачали как на волнах – оставалось лишь закрыть глаза и упасть назад, в темноту, с единственной последней мыслью: «теперь я всё сделала правильно». Софи, впрочем, не позволила себе этого и только слабо улыбнулась.

Хорошо, что мало журналистов и все вопросы были известны заранее и что никто из простых даже не попытал-

ся что-то сказать, – получилось закончить пораньше. Это всё уголь... Всё из-за колдовского угля. Естественно, такая огромная власть никому не далась бы просто так, Софи это знала. Но ничего, можно перетерпеть.

Автомобиль укачивал и нёс её домой, в безопасность резиденции. Если, конечно, где-то в этом мире ещё могла быть безопасность.

В приёмной горел свет, и Китти кого-то вызванивала. Она стояла у телефона в углу, спиной к двери, и не заметила, как Софи вошла.

– Китти? А кому ты звонишь, Китти?

Та удивлённо обернулась:

– В главный штаб по блокпостам. Вы же сами сказали...

– Да ладно! – Софи моментально оказалась рядом и вырвала у неё трубку. Жадно прислушалась.

На том конце провода ответили. Софи недоумённо поморгала и прислушалась ещё раз. Наконец повелительно произнесла:

– Позже.

Положив трубку, она озадаченно посмотрела на телефон.

– Действительно, в штаб... – она перевела взгляд на Китти. – А я разве говорила туда позвонить?

– Да, Ваше Величество, вы сказали...

– Ах да... Было такое, – она закрыла глаза и потёрла лоб между бровей. – Да, да, говорила...

– Ваше Величество, – раздался голос Китти. – Вы... плохо себя чувствуете? Может, вам надо принять что-нибудь...

– Да отстань ты от меня, наконец! – рявкнула Софи и гневно уставилась на Китти. – Что ты ко мне привязалась? Что ты бродишь вокруг, как тень? У тебя других дел, что ли, мало? А, говори, Китти, – я тебя недостаточно грузжу? Может, послать тебя в приозёрье? – в голосе её засквозила ирония. – Сейчас, говорят, это уже не практикуется, но персонально тебе я могу устроить.

– Нет, Ваше Величество, я не хочу в приозёрье, – спокойно ответила Китти.

– Тогда иди и работай, – злобно бросила Софи. – Блокпосты должны быть в полной боевой готовности. При любой провокации – уничтожать на месте. Я потом проверю. И, надеюсь, ты прекратишь появляться в зоне моей видимости.

Она развернулась и быстро скрылась во внутренних коридорах.

– Как скажете, Ваше Ве... Величество, – автоматически пробормотала до конца Китти, хотя уже некому было её слышать.

Китти в раздумье смотрела на красный дисковый телефон в углу. Никогда ещё она так не боялась.

Ни делая чуть большую, чем обычно, паузу между «Здравствуйте» и «С вами Главная линия», чтоб подать условный знак Феликсу, – каждый раз надеясь, что никто этого не от-

следит.

Ни опуская порой в интернет-сводке мелкие, но важные детали, до того как Софи потребовала предоставлять ей распечатки.

Ни затягивая ненавязчиво передачу данных по Лаванде Мондалевой – девочке из далёкого Ниргендс-Орта, то есть буквально «ниоткуда».

Ни забалтывая Кедрова, чтоб скрыть истинную причину появления письма – попытку отвлечь Софи от слишком уж активных действий в сторону оппозиции. (Китти догадывалась, что это мало что даст, хоть и немного надеялась, но она и вправду не думала, что её будет так легко вычислить).

Ни оставляя каждый вечер служебную машину на положенном ей месте и проходя пешком последние пятьсот метров – не оглядываясь назад и лишь немного жалея, что при себе нет пистолета (если будут стрелять в спину, пистолет уже не поможет, она понимала).

Ни даже когда Софи, будучи как-то раз в особо плохом расположении духа, приподняла пальцами её подбородок и проговорила с улыбкой: «Я тебя, конечно, очень ценю, и мне не хотелось бы тебя терять. Но даже не вздумай что-то предпринять против меня. Я тебя в тюрьме сгною. И не надейся тогда сдохнуть быстро. Ты меня поняла?» (В конце концов, это была всего лишь словесная угроза, их Китти уже много раз слышала до смены документов).

Даже тогда – нет.

А теперь ей было страшно.

Этот человек *действительно* невменяем. Действительно не понимает и не контролирует уже, что и зачем собирается делать. Но он по-прежнему у руля и по-прежнему правит всем.

И все его приказы по-прежнему в силе и требуют исполнения. Если, конечно, в планах нет нарушения конспирации.

«Ну что ж ты? – насмешливо сказал голос в голове. – Делай, что было сказано, не выдавай себя».

Второй топнул ногой и возмущённо потребовал восстать.

Они всегда боролись в её голове – эти два голоса.

Иногда так хотелось, чтоб смолкли оба.

Вообще-то она думала несколько исказить приказ, пока никто бы не проследил. Следовало, конечно, заняться этим сразу, пока Софи была на конференции. Слишком много времени ушло на то, чтоб сделать копию – взамен того листка, что она отдала Феликсу. Подписи – это легко, подписи Китти подделывала с давних пор и преуспела в этом. Но, несмотря на то что она помнила содержание тезисов, потребовалось время, чтоб воспроизвести всё дословно. (Память не всегда отказывала Софи, подмену бы она обнаружила с большой вероятностью).

Вопрос в том, что сейчас лучше: притвориться элементом системы и оказаться бесполезным винтиком, провалив свою задачу, или пойти против системы и вылететь из неё, провалив вообще всё. Остальное вторично.

Итак, решение?

Она не имеет права на ошибку.

«Можешь ещё вспомнить, для чего ты здесь. Возможно, сразу станет легче».

Внешне все эти споры выразились только в том, что она застыла на месте и в ступоре смотрела на аппарат в углу.

«Ну, делай уже что-нибудь!»

Китти быстро подошла к телефону и сняла трубку.

71.

Голова уже сильно кружилась и темнело в глазах, а в левой руке расходился металлический жар, когда Софи достигла своего кабинета. Китти была права: ей давно следовало принять таблетку, слишком она затянула с этим. Теперь же пришлось опереться о косяк двери, чтоб не упасть раньше времени. Ну вот, сейчас, осталось совсем немного...

Софи дёрнула ящик. Он не поддался. Замок, – вспомнила она, – она же запирала его на замок. Но куда же...

Софи лихорадочно обшарила карманы.

– Где ключ? Куда я его дела?

Только этого не хватало и именно сейчас.

«Ну же, вспоминай...»

Ценой огромного усилия она сосредоточилась, разогнав на время туман в голове. Ах да, вот же. Она закрыла ящик на замок и швырнула ключ в сторону, за шкаф.

Софи оглянулась на эту неподъёмную громадину. Оставалось надеяться, что ключ упал не очень далеко...

Она присела на корточки рядом со шкафом, заглянула в щель между задней стенкой и стеной комнаты. Сначала ничего было не разобрать в этой темноте, тем более что перед глазами уже начинали расплываться какие-то подозрительные круги, но затем Софи увидела. Да, вот он, ключ, поблёскивает в пыли. Он лежал не так близко, как хотелось бы, но,

кажется, в пределах досягаемости. Софи легла на пол и просунула руку за шкаф.

Ключ ей не дался. Он был совсем рядом, она даже несколько раз ударила по нему кончиками пальцев, но длины руки чуть-чуть не доставало. Если бы немного отодвинуть шкаф... Нет, сейчас у неё явно не хватит сил.

В отчаянии и ярости Софи поколотила рукой, силясь хоть за краешек уцепить ключ, но только взбила пыль, которая поднялась в воздух, набилась в нос и рот, от которой слезились глаза, будто и без того не хватало проблем, будто бы всё вокруг не начинало тонуть в черноте, будто бы боль в руке не переливалась в голову и не ходила в ней огненными кругами...

Почти так же она когда-то тянулась за револьвером, только, закончись всё тогда, это было бы героично и красиво. А сейчас будет смешно и очень тупо: великая правительница заканчивает в пыли, за шкафом, потому что ранее кто-то в порыве истерики забросил туда ключ. Чексин и ко, а также вся остальная отчавившая братия изрядно бы посмеялись.

Да они и так смеялись – скопились бесплотными тенями в кабинете, толклись в углах, на стульях и в складках штор, сидели на её столе, болтали ногами и смеялись – смеялись, как глупо она умирает. И нет, никто не придёт сейчас и ничем не поможет: Кедров уже не здесь, а Китти она отослала сама. Если Софи и обнаружат, то очень нескоро.

Наконец каким-то невероятным образом она дотянулась

до ключа и вытянула его наружу. Время ускользало с каждой секундой, Софи подскочила и рванулась к ящику. Почти вслепую уже она нашарила ключом замок, повернула два раза и добралась до заветного пузырька. Когда пробка выдернулась, часть таблеток рассыпалась по полу, но часть Софи всё же закинула в рот. Давясь, она проглотила их и, без сил опустившись на пол, привалилась сбоку к ящику стола.

Ей всё ещё было довольно дурно, но, кажется, агония отменялась. Тяжело вдыхая воздух, Софи приоткрыла глаза. Чернота перед ними постепенно рассеивалась, и скоро проступили привычные очертания кабинета. Софи узнала их, огляделась по сторонам. Никаких теней тут больше не было.

«Небось обрадовались? Думали, всё? Обломайтесь. Со мной вам так просто не справиться».

Рациональная часть разума была, однако, настроена более скептически и более трезво оценивала факты.

«Похоже, ты подыхаешь», – сказала она.

– Нифига, – Софи поднялась и тяжело оперлась о стол, склонилась над ним, упираясь лбом в прохладную гладь. – Я живее всех живых.

«И всё же, если быть объективными, нельзя не учитывать высокую вероятность такого исхода».

«Это да...»

Ещё несколько таких приступов – и на каком-то из них всё может закончиться.

Сама по себе подобная перспектива не особо пугала, хотя

и не внушала положительных эмоций. В конце концов, что такое человеческая жизнь в сравнении...

Пугало, злило и казалось жутко несправедливым одно только обстоятельство.

Её враги – те, с кем она не успела закончить и расправиться, – все они останутся здесь после её смерти. Как они будут радоваться, как торжествовать... Как разгуляются они, ведь тогда некому будет помешать им.

Она бы справилась с ними постепенно – со всеми до единого, – если бы только было время. Но времени, судя по всему, оставалось не так много.

Уголь, подумала она. Разумеется. Это наиболее действенный и гарантированный вариант из всех.

Были у него некоторые недостатки... В обмен на каждую жизнь он забирал немного жизни владельца – немного сил, немного разума, немного того, что зовут иногда душой. И, быть может, думалось Софи, с каждым разом чуточку больше. Но сейчас это, наверно, уже не было важно.

Да, неважно. Главное – враги будут уничтожены одним махом.

Софи достала свой специальный блокнот. Остро отточила уголь: на этот раз писать им придётся много. Она, пожалуй, даже не станет отрывать листок за листком, а развернёт желтоватую бумагу на манер свитка, чтоб поместился каждый.

Если уж ей суждено отправиться по ту сторону бытия, все эти недобитые твари последуют за ней.

Даже нет, – Софи улыбнулась в предвкушении. Они пойдут туда вперёд неё.

72.

Она бежала почти всю дорогу, бежала, подчас не разбирая пути, и только, наверно, тёмное неосознаваемое чутьё вело её правильно. Дыхание её сбилось, короткая косица растрепалась, и волосы бились около ушей неровными прядками.

Во рту уже был металлический привкус, когда Лаванда добралась до маленькой постройки, врывшейся в холм, которую она не сразу распознала как то самое убежище.

Дверь оказалась незаперта. Лаванда, шумно дыша, ворвалась внутрь. С десятков пар глаз тут же поднялись на неё. Феликс и его товарищи сидели за столом в закутке и, по-видимому, что-то обсуждали до её прихода.

– А, Лав, – проговорил Феликс с видимым облегчением. – Мы уже думали, куда ты делась... Ты одна?

– Да, – еле слышно выдавила она и кивнула.

Он с тревогой и подозрением всматривался в неё.

– А выглядишь так, как будто за тобой бежал кто-то.

– Нет... Никто, – не обращая больше внимания на них, она прошла в круглую комнату. Сейчас у неё не осталось сил ни на разговоры, ни вообще на что бы то ни было.

Хотелось только куда-нибудь, где тихо и спокойно, где нет сумасбродных правителей вместе с их указами, нет подпольных собраний, нет политических убийств и колдовских амулетов, где всё не рушится вокруг тебя каждую минуту, где не

надо брать на себя ответственности сверхчеловека и принимать какие-то чудовищные глобальные решения... Где всего этого просто не существует и никогда не существовало. Куда-нибудь «домой». Неважно, где это и как туда добраться.

Без сил она закрыла глаза и рухнула на лежанку лицом вниз, но упала во что-то мягкое и сыпучее.

Сначала она просто лежала так, не шевелясь. Чувствовалось, как под щекой приятно веет морозом. Лаванда открыла глаза и приподнялась. Всё ещё не веря, зачерпнула рукой немного белой крупы. Та растаяла у неё на ладони.

– Снег... – она счастливо улыбнулась. – Настоящий.

Уже зная, кто ждёт её здесь, впереди, Лаванда вскинула голову.

– Море...

Как давно она не видела его вживую и как, оказывается, соскучилась.

Море переливалось в солнечном свете, и Лаванде хотелось вскочить на ноги и побежать к нему, упасть в эти волны – и можно даже не выбираться обратно никогда.

Она, однако, не сдвинулась с места: ей слишком хорошо было известно, что миражи не терпят резких движений. Лучше уж застыть здесь, в нескольких метрах, и смотреть, не отрываясь, хоть целую вечность. И как никто не смог понять этого раньше... Столько вражды, столько ненужной суматохи, – и всё ради чего?..

– Софи! – позвала она, не оборачиваясь. – Феликс! Идите

сюда.

И тихо добавила:

– Здесь так хорошо...

73.

Считаясь со стремительно убегающими минутами, они обсуждали план действий. Близилось время темноты, ещё несколько часов – и наступит рассвет, а эти люди, непривычные к срочным решениям, всё продолжали колебаться, Феликс отлично это видел. Поэтому и взял на этот раз инициативу в свои руки, настойчиво повторив принятое решение, – ибо кто, если не он.

Они молчали и смотрели в сомнениях.

– Но, Феликс... – первым заговорил Виталий Рамишев. – Я не скажу, что это чистое безумие, но ты ведь понимаешь, чем может кончиться?

– Разумеется, понимаю. Я не тупой. Но если никто и ничто им не помешает, завтра... Нет, ну, нас накроют, это очевидно, но ведь на этом не закончится. Нет... С завтрашнего дня открывается большая охота. Какие-то улики какой-то антиправительственной деятельности... Представляете масштабы?

Они, должно быть, хорошо представляли, но смотрели на Феликса с таким видом, будто он сам чего-то не представляет.

– Феликс, видишь ли... – начал Леон Пурпоров, немного замялся. – Фигня в том, что практически у нас нет никакого оружия. А силовые структуры всё ещё на стороне Нонине.

И армия тоже.

– Знаю, – неохотно кивнул Феликс. – Ну... придумаем что-нибудь по ситуации! Если есть хоть малейший шанс что-то изменить, мы не имеем права просто вот так сидеть и ничего не делать!

– Отлично, а кто будет придумывать? Ты?

– Могу и я, – угрюмо бросил он. – Как я понимаю, желающих среди нас не особо.

Гречаев сразу оживился:

– Так, правильно я понял, что ты сейчас берёшь на себя командование – и, понятное дело, всю ответственность тоже?

– Если вы согласны, чтоб я взял их, – он опустил взгляд, чтобы ни на кого не смотреть. Похоже, настал час его проверки, и Феликс собирался сделать, что должен был. А с ним или нет эти люди – пусть решают они сами.

– Отлично, – кажется, действительно обрадовался Гречаев. – Тогда, перед тем как начнём, – вот тебе ещё один момент... Дело в том, что – как ты, может быть, знаешь – есть некая категория граждан, активно поддерживающих Нонине на всяких мероприятиях и в разнообразных стычках провокационного характера...

– Наймиты, – презрительно бросил Феликс. – Знаю, конечно.

(С указанными гражданами он когда-то сталкивался лично – давно, на каких-то мелких акциях, ещё в бытность Но-

нине президентом, – и, если бы не внезапное, как всегда, вмешательство мисс «разрули все проблемы одним движением», всё могло бы закончиться куда хуже).

– Ну, не обязательно наймиты, – заметил Гречаев, – некоторые вполне искренне её поддерживают... Но сейчас речь не об этом. Речь вот о чём... По некоторым сведениям, этим людям была дана негласная команда сверху: устроить этой ночью беспорядки, всякие местечковые погромы... одним словом – создавать шумиху. Для чего – не очень понятно, видимо, потом представят так, что это наших рук дело... Ну да ладно, это пока неважно. Главное, их сейчас повсюду будет много и они будут действовать.

Феликс нахмурился.

– Значит, наткнёмся ещё и на них, – упрямо проговорил он. – Кордоном больше, кордоном меньше, – какая, по существу, разница.

Гречаев многозначительно повёл взглядом:

– Я вообще-то ещё к тому, что у тебя есть сестра. И, как я понимаю, она остаётся здесь. А они, думается, очень даже в курсе этого места.

Феликс быстро поднял на него глаза, покосился в сторону круглой комнаты.

– Лав запрёт дверь, и всё будет нормально, – медленно произнёс он.

– Положим... Но ты её всё-таки предупреди, хорошо? Да, кстати, она к нам не выйдет?

Феликс быстро прикинул, покачал головой:

– Едва ли.

– Ну, тогда хотя бы введи её в курс дела. В общих чертах – что и как происходит. Напомни, что она ещё может решить по-другому, – Гречаев подмигнул, очевидно намекая, что не надо упоминать колдовской мел при всех остальных. – И потом будем выдвигаться. Нельзя сейчас сидеть сложа руки – в этом я с тобой согласен.

74.

Лаванда сидела, прислонившись к стене и обхватив колени руками.

– Там хорошо, – говорила она шёпотом, не слыша собственных слов. – Там море, оно холодное и солёное. И очень большое. Над ним летают чайки и кричат. Песок белый, в нём можно искать камни и ракушки. А зимой там идёт снег – много снега... Он всё засыпает и всё покрывает собой. Правда, там больше нет домов и совсем нет людей. Но это ничего, мы построим всё заново. А можно даже ничего и не строить – там и так хорошо. Только море, и чайки, и снег...

– Лав.

– Только снег, снег...

– Лаванда, – произнесли над самым её ухом.

– А? – она вздрогнула и подняла глаза. Над ней стоял Феликс. – Что?

– Ты не выйдешь к нам?

– Зачем?

– Мы обсуждаем кое-что важное.

Лаванда покачала головой:

– Ты же знаешь, я не разбираюсь в политике.

– Это не политика, Лав. Это жизнь.

– Я всё равно ничем не смогу тут помочь, – Лаванда отвела взгляд.

– Ладно, тогда вкратце, – Феликс отступил от неё на несколько шагов. – Мы сейчас собираемся идти к резиденции Нонине. Попробуем захватить здание. Конечно, вряд ли нам в этом повезёт, но мы попробуем.

– Что? – Лаванда встрепенулась. – К резиденции Софи? Но... это же опасно!

– А у тебя есть варианты? – Феликс смотрел ей в глаза.

– Не знаю... Но можно же, наверно, как-то по-другому... Можно рассказать всем, что было в той бумаге. По конференции никто ничего бы не понял, но если показать людям, что там было написано, с подписью Софи...

Феликс покачал головой:

– Вообще не катит. Вот вообще.

– Но почему?

– Во-первых, не хочу подставлять Китти. А во-вторых, – он развёл руками, – нам просто не поверят.

– Не поверят? – тихо повторила Лаванда.

– Думаешь, мы не пробовали? – с затаённой горечью Феликс взглянул на неё. – Сколько раз мы пытались донести, что происходит на самом деле. Обнародовали какие-то тайны, что-то раскрывали, доказывали... Нам никто никогда не верил. А знаешь почему? Потому что мы – внутренние враги, а она – Верховная Правительница. Вот и всё. Им так удобнее. И что бы она ни творила, они никогда против неё не поднимутся. Здесь мы можем рассчитывать только на себя.

– Но подожди... – растерянно пробормотала Лаванда. –

Что, вы так вот и пойдёте туда, без ничего?

– Без ничего? – Феликс нервно рассмеялся. – Да, точно, что бы нам такого взять с собой? А, знаю! Нам нужен флаг, – он нарочито внимательно осмотрелся по сторонам. – Ты, случайно, не видела здесь ничего, похожего на флаг?

– Феликс!

– Нас полтора десятка человек против людей Нонине, у нас нифига никакого оружия; представляешь, они начнут палить со всех сторон, как же мы без флага?

– Феликс, прекрати! – крикнула она в отчаянии, пытаясь остановить эту жуткую карусель.

Он остановился, серьёзно посмотрел на Лаванду.

– Прекращаю. Тем более, нам надо поспешить. Хотя на самом деле мы даже до резиденции вряд ли дойдём. Но других возможностей у нас всё равно нет. А вот у тебя – у тебя они, кстати, есть.

Лаванда пересеклась с ним взглядом и, вдруг поняв, о чём он, вскрикнула:

– Это шантаж!

– Ничуть.

– Ты... ты не имеешь права ставить меня перед таким выбором!

– А кто ставит перед выбором, Лав? Делай что хочешь, я тебя не принуждаю.

– Ты хоть понимаешь, что такое «принцип»? – Лаванда помотала головой. – Понимаешь, что это не пустое слово?

Или для тебя это что-то совсем другое? Какая-нибудь бессмысленная мелочь вроде запрета на общественный транспорт, которую легко соблюдать – и гордиться, что ты такой особенный?

Что-то полыхнуло в его глазах, но он сдержался.

– Да нет, я хорошо понимаю это слово. Жаль, что у тебя нет принципа не допускать гибели людей, когда это в твоих силах, – Феликс нагнулся к ней, легонько провёл рукой по её щеке, отводя прядь волос. Затем выпрямился и быстро шагнул к дверям.

– Ладно, хватит. Если всё же надумашь, у тебя есть часа два-три, чтоб записать её имя. Дальше можешь уже ничего и не делать, – он направился к выходу.

– И куда вы теперь? – окликнула Лаванда. – Под пули?

– А нам не оставили вариантов, – Феликс отвернулся и, глядя куда-то под потолок, произнёс торжественно. – Это больше, чем мы можем позволить просить.

– Что? – не поняла Лаванда.

– Цитата. Забей.

Обернувшись последний раз в проёме, он бросил с усмешкой:

– И лучше запри дверь изнутри. Сегодня ночью будет шумно.

И вышел. Хлопнула старая доска на выходе.

– Феликс! – крикнула вслед Лаванда. Но уже никто не отозвался. Убежище было пусто.

– Псих, – бессильно пробормотала она. – **Натуральный**
псих.

75.

Снаружи раздавались отдалённые приглушённые крики. Они доносились из какой-то другой реальности, отгороженной зачарованным сном и тайнами древних сил. Там где-то быстро бежало время, здесь же оно остановилось.

В углу в железной печке горел огонь. Отсвет его призрачным пламенем ложился на неровную штукатурку стен, на земляной пол, на руки Лаванды...

Она сидела на полу, привалившись спиной к стене. Пальцы её крутили белый ровный кругляш.

Если бы и дальше можно было сидеть так и не делать ничего. Хоть целую вечность. Лаванда знала, что это невозможно: рано или поздно грозная реальность ворвётся к ней в дверь.

– Я же просто хотела никого не трогать и чтоб меня тоже не трогали! Разве это так много? – вырвалось в отчаянии.

«Я же тут никто. Меня здесь просто нет».

Сама она могла поверить в это. Но другие не поверили бы.

Три часа, – напомнила она себе. Скорее, даже меньше.

Софи, Софи Нонине. Кто же она? Как никогда, это было важно.

Было как будто две Софи. Одна – живой человек, выдающийся человек, взваливший на себя неподъёмное, заслуживающий жалости и уважения. Другая – чудовищное и мохнатое неконтролируемое нечто, всё уничтожающее на своём

пути.

Какая из них настоящая?

Лаванда окинула взглядом колдовской мел и гладкую нетронутую дощечку из запаса топлива для печи. Вот уже час или больше она сидела так, глядя на них, не решаясь ответить: можно ли? должно ли?

Было как будто две Лаванды. Одна – больше и старше – смотрела на всё с высоты небесных сфер, всё видела и понимала, как правильно. Вторая – меньше и слабее – жила здесь, на земле и, сталкиваясь с конкретными вещами, чувствовала, что всезнайство первой не очень-то помогло бы.

Которая из них была права?

Но если уж решать последний раз, всё взвесив...

«Софи. Мне надо ещё раз поговорить с ней».

Она попыталась, но стенки сначала остались недвижимы, не захотели пропускать её. Неужели сейчас... Неужели именно сейчас она утратила эту возможность – когда она была, наверно, нужнее всего.

Лаванда закрыла глаза, постаралась выпасть из этой реальности, которая упорно и цепко держала её. Вот замелькали образы – пока просто образы, порождённые своими же мыслями: железное солнце на воротах, стая птиц, взлетевших в серое небо, движущиеся шестерёнки часового механизма, над которыми по дуге проходят резные деревянные фигурки странных людей и животных...

Перед глазами вдруг чётко всплыла комната, отдалённо

похожая на школьный класс, но больше, – наверно, университетская аудитория, насколько могла себе их представить Лаванда. То ли бывшее взаправду, то ли привидевшееся, – она не знала...

В аудитории – Феликс и Китти. Наверно, сейчас перерыв, потому что больше никого нет, места за партами пустуют. Феликс сидит боком на стуле, обернувшись и выкрутившись, будто так удобнее всего, Китти стоит поблизости, лишь чуть-чуть присев на край парты. Феликс почти не изменился: та же неуёмная вертлявость и готовность сорваться куда-то в любой момент, те же прыгающие черти в глазах. У Китти вместо пучка – высокий хвост по студенческой моде, но вся бумажно-картонная безупречность уже при ней.

– А я говорила, что этим кончится, Феликс. Если ты так и будешь переть против системы просто ради того, чтоб переть против системы и доказать всему миру, что ты с ним не согласен, примерно так ты когда-нибудь и закончишь. Причём абсолютно без моего участия. Как и сегодня, впрочем.

– Ну а ты-то, Китти? – он широко ухмыляется. – Ты-то сама? Милая девочка Китти Башева... У Китти Башевой всегда идеальная репутация. Правда, сама из себя она ничего не представляет. Зато у всех на хорошем счету. Вот такой ты и останешься. Только будешь на хорошем счету уже у других.

Китти улыбается самыми краешками губ – то ли подавляемый смех, то ли скрытое «Как же ты меня бесишь, человек, а дать в морду воспитание не позволяет».

– А вам не кажется, господин Шержведичев, что тактика маскировки иногда работает лучше? И что вам, может быть, имело бы смысл что-нибудь у меня позаимствовать?

Феликс отворачивается к окну.

– Бред.

Китти поворачивает голову и смотрит в ту же сторону.

– Ну, может, и бред.

Картинка размылась, стала нечёткой, и Лаванда почувствовала, что падает куда-то, покидая это место. Перед глазами у неё промелькнул железный сад, где в панике метались птицы, улетаая от огненных стрел, что метало страшное солнце-колесо.

Ещё момент – и всё сменилось знакомым подземным коридором. Да... Она уже была здесь.

76.

Феликс двигался сквозь сплетённый лабиринт коридоров, пробираясь в сердце главного штаба связи с населением.

Где-то завывала сигнализация, потревоженная несанкционированным вторжением, но никто почему-то не прибежал на её зов ловить чужака. Люди здесь были – Феликс слышал их за стенками, – но, очевидно, их дела казались им поважнее. Часть ламп не горела вовсе, в других же местах включилось красное или зелёное освещение. Феликс не знал, зачем это. Из больших круглых динамиков по углам то и дело хрипло доносилось: «Опасность на Малой решёточной», «Опасность на Малой решёточной ликвидирована», «Опасность на Речной», «Опасность на Речной ликвидирована», «Опасность на Северном обходном тракте», «Укрепить Северный обходной тракт пока не удаётся»...

Он не знал даже, что это за «опасности»: стараются ли там проплаченные провокаторы или всё же Гречаеву (или кому-то ещё) удалось где-то собрать больше полутора десятка человек. Феликс ведь только сказал им придержать штабную охрану и если не получится, то двигаться дальше без него. (Ну, то есть как сказал – прокричал напоследок). Сам он хотел...

Да ничего он конкретно не хотел сделать. Мелькнула мысль, что, может быть, удастся лично выйти в прямой эфир

– теле или радио, какой-нибудь, неважно. Как это осуществить, Феликс был совершенно не в курсе: он только знал, что отсюда выходят все «послания к народу», новости, срочные оповещения и что на штаб завязаны все государственные СМИ. Может быть, Лаванда в чём-то и права: если обратиться к людям напрямую, с экранов их телевизоров, из динамиков их приёмников...

Но пока Феликс не подходил к этим планам впритык: он только бежал, бежал, не останавливаясь, в поисках чего-то, что могло бы сейчас оказаться полезным.

Впереди показалась открытая дверь. Недолго думая, он проскочил в неё и обнаружил вокруг помещение, смахивающее на студию. У стены стоял пульт управления с множеством каких-то кнопок и тумблеров, вспыхивали и снова гасли маленькие огоньки.

Из коридора приглушённо несло: «Прорыв на Северном обходном тракте», «Прорыв на Северном обходном тракте частично ликвидирован», «Попытки активности на Главной площади подавлены»...

Главная площадь! Ну ничего себе. Если это действительно свои, то молодцы же они.

Феликсу очень захотелось быть там, с ними, в самом эпицентре событий. В конце концов, он же должен там заправлять сейчас, он взял на себя командование... Но нет, надо попытаться здесь – возможно, это даже лучше и действеннее всего остального и здесь должно быть самое важное, хоть ка-

жется сначала и по-другому. Если получится...

Он шагнул к пульту. Было неясно, что делать с этой машиной, как тут всё работает, что и чем включается. Феликс попробовал щёлкнуть наугад случайный рычажок – раздался громкий скрежещущий шум, гулко крикнула сигнализация. Он тут же выключил и попробовал иначе – ещё и ещё. От какой-то кнопки вспыхнул невидимый до того экран над приборной панелью, по нему замельтешило неразборчивое, в помехах изображение.

Похоже, сюда передавался текущий выпуск новостей. Вот чем занимались, наверно, люди, оставшиеся в штабе: нужно должным образом оповестить население, когда в городе творится что-то неладное, а то вдруг поймут слишком правильно – а не как поняли в своё время несчастного скульптора Цапеля с его воительницей и мантикорой (впрочем, власти его поняли отлично).

Надо бы уже, в конце концов, исправить историческую ошибку и показать, кто здесь кто. Как бы только выйти с этого пульта, должна же тут где-то включаться трансляция из студии...

– Неопознанная группировка зафиксирована на подступах к восточным границам Ринордийска, – заговорило вдруг с экрана. – Правительство города убедительно просит не распространять непроверенную информацию и не поддаваться панике: охранные блокпосты работают в усиленном режиме, в случае необходимости они будут реагировать сообразно с

текущей обстановкой.

– Неопознанная группировка? – машинально повторил Феликс. Что за неопознанная группировка? Кто-то пытается прорваться в город со стороны? Кому бы это вдруг понадобилось?

Те люди из области, внезапно вспомнил он. Те, с которыми должен был договориться Вайзонов. Неужели именно сейчас они собрались и решили вступить в Ринордийск? Сейчас – когда меньше всего следовало это делать? Нет, ну это было бы слишком уж невероятное совпадение, прямо-таки откровенная насмешка над всеми их планами.

Боясь проверить, но зная, что проверить необходимо, Феликс вытащил мобильник и набрал номер Вайзонова. Он, правда, помнил, что на телефоне почти нет денег, но должно же было хватить...

– Слушаю! – грянули в трубку.

– Герман? – ко второму уху он прижал руку, чтоб не слышать вопля сигнализации. – Герман, это Феликс. Где вы сейчас?

– А, привет, – ответил бодрый голос. – Мы на подступах к Ринордийску – считай, на месте. У вас там вроде шумиха какая-то? Поезда даже перестали ходить... Вы держитесь, мы к вам скоро присоединимся. Нас много!

– Что? – они шутят, наверно, так не бывает. – Подожди, туда нельзя сейчас! Все посты в полной боевой готовности, у них приказ стрелять на поражение, – в трубке молчали. –

Герман? Ты слышишь? Не вздумайте идти сюда!

– Тебя не слышно, Феликс, – ответили после некоторой паузы. – Тут какие-то проблемы со связью. Увидимся в Ринордийске!

– Подожди, не вешай трубку! – крикнул он, точно зная, что там его уже не слышат и не услышат. – Вы там не проврётесь. Просто стойте на месте, туда не...

Связь оборвалась. «На вашем счету недостаточно средств», – с издевкой заметил голос-автомат.

– Не сейчас... – в отчаянии пробормотал он.

Конечно, сейчас. Когда же ещё.

Пульт, вспомнил Феликс. Пульт прямо перед ним. Не может же быть, что с его помощью нельзя ничего изменить в нужную сторону.

Если бы знать, как оно работает... Он пробовал так и сяк, давил на кнопки, перещёлкивал рычаги и тумблеры, но ничего не выходило, пульт оставался глух, только пищал иногда коротко и недовольно, будто предупреждал, что лучше держать руки при себе. Какая ирония: стоять над таким грандиозным орудием управления и не мочь сделать вообще ничего. (Лучше бы уж тогда и подохнуть на этом самом месте).

Где эти твари, почему не ищут его? Сигнализация разрывается уже хрен знает сколько времени. Куда они все подевались?

Откуда-то вдруг появилась Китти. Как всегда изящно, она передвинула сверху вниз ручку большого рубильника на сте-

не. Пульт тотчас погас, вслед за ним умолкла и сигнализация. Китти прошла мимо Феликса вглубь студии, не оглядываясь.

– Успокойся, они не будут стрелять.

– Почему? – он обернулся.

– Я сказала только, чтоб не пускали.

Китти прошла ещё несколько шагов, села прямо и ровно на банкетку и застыла – будто у механизма кончился завод.

– Но... – непонимающе протянул Феликс. – Она же сказала...

– Она меня угробит.

– Китти...

– Хотя, если верить в такую вещь как «историческая справедливость», наверно, примерно так она и выглядит.

– Китти, – Феликс решительно приблизился к ней. – Пошли с нами!

Она подняла голову:

– Я не имею права покидать штаб при чрезвычайных обстоятельствах.

– Какое нафиг право! Какой нормальный человек сейчас будет думать, что он имеет право делать, а что не имеет. Нонине может в любой момент... – он перебил сам себя. – Так, ладно, ты пойдёшь с нами.

– *Я не имею права покидать штаб при чрезвычайных обстоятельствах.*

Феликс несколько секунд просто смотрел на неё, не пони-

мая, какие ещё аргументы нужны существу с этим металлическим голосом.

– Твою налево, да ты меня довести, что ли, хочешь? – крикнул он и, шагнув к Китти, легко поднял её за плечи.

Она позволила себя поднять, но больше ничего не сделала. Вообще ничего. Было в ней что-то жуткое, неживое – будто это был автомат, а не настоящий человек.

И Феликс отступил. Он выпустил плечи Китти и попятился – шаг, другой...

Она улыбнулась своей дежурной улыбкой:

– Иди к людям. Ты там нужнее.

– Китти, ты...

Он не договорил, развернулся и побежал прочь.

Ночной Ринордийск обманчиво тих. Чуть шевелятся от ветра кусты, чуть поблёскивают жёлтые наблюдающие огни.

Площадка сквера пуста, только две тени движутся по ней.

Девушка пытается идти прямо, парню же этого явно слишком мало: он то отходит в сторону и нарезает круги вокруг неё, то вновь приближается и обнимает её за плечи, иногда столь бурно выражая чувства, что её мотает из стороны в сторону. Он сильно подшофе, и язык у него заплетается:

– У меня *нет* друзей, заявляю официально. У меня только ты. Ты меня всегда понимала. Вот никто из них меня не понимает, а ты понимаешь.

Она не отвечает, оба медленно пересекают бесконечную

площадку. Безлюдье.

– Я знаю, знаю, что ты меня иногда убить хочешь, – он обхватывает её сзади и широко улыбается. – Знаешь, я даже не против.

Она приостанавливается, методично оглядывает пустой сквер вокруг.

– Не висни на мне, пьяное чудовище. Дай хоть дойдём куда-нибудь.

Оставшись в одиночестве, Китти просто стояла какое-то время в задумчивости. Свет красных ламп падал на неё и переливчато красил в цвета заката.

Если свечка догорит,
В небе звёздочка висит.
Сквозь метель иди за ней
По дорожке по своей.

Тихо-тихо пропела она старую колыбельную песенку, затем будто вышла из ступора и, оценивая обстановку, огляделась по сторонам.

Пора начинать. Действуя чётко и без промедления, Китти рванула ручку рубильника обратно и вновь включила пульт. Пока приходили в действие все аппараты, быстро проверила пузырёк в кармане. На месте. Пузырёк остался из-под ацетона, но внутри было кое-что понадёжнее.

Китти нагнулась над пультом, готовая в любой момент приступить к работе.

Пузырёк – это на крайний случай. Во всех остальных надо будет выйти в прямой эфир.

Времени уже почти не оставалось – это чувствовалось даже здесь, в полупризрачных прозрачных коридорах. Лаванда бежала по ним без передышки, не позволяя себе остановиться хоть на чуть-чуть, и непрерывно ощущала меж тем спиной холодную шершавую стену убежища. Эта реальность не хотела её принимать, выкидывала, толкала обратно, и Лаванда вцеплялась в неё изо всех сил, не давала улизнуть окончательно. И пусть стены то и дело становились прозрачными, коридоры накладывались один на другой, а пол вдруг просто исчезал, – за пределами этого мира у неё не осталось ни единого шанса.

– Софи! Где ты?

Её здесь не было. Не было никого, кто следил бы за этим местом, кому было бы дело до чьих-то хаотичных передвижений по здешним лабиринтам. Именно сейчас, когда это нужно!

– Софи!

То Лаванда бежала наугад, случайно выбирая направление, то ей казалось, что она точно знает, куда надо, и именно туда и движется. Вот сейчас, – она вспомнила откуда-то, будто уже проходила здесь, – коридор выведет в огромную залу, сверкающую, с блестящим, как зеркало, полом и торжественными драпировками по стенам. Там её встретит Пра-

вительница в окружении своей многочисленной свиты, и там они смогут наконец поговорить.

Лаванда вбежала в залу. Тут было пусто.

Более того, тут царило запустение. Пол и потолок утратили всю свою зеркальность и торжественное сияние и лишь чуть поблёскивали сквозь сеть трещинок; слой застаревшей пыли покрывал их. Углы завесила паутина, и холодный ветер руин насквозь продувал залу.

– Где она? – Лаванда растерянно огляделась по сторонам. – Где все?

Здесь давно никого не бывало.

Дальше, дальше! Лаванда оставила залу и побежала вновь, не особо разбирая и не особо интересуясь, куда бежит. В глубине души она знала уже, что всё напрасно. Это с самого начала было довольно-таки бессмысленной затеей. Если и имелась возможность когда-то что-то изменить, находясь здесь, то это время давно было упущено.

Она сидела посреди какого-то коридора, до бесконечности тянувшегося в обе стороны, и уже не смотрела ни на что вокруг, просто прислонилась к стене и тихо покачивалась. Она устала и никуда больше идти не могла.

Где-то за стеной тихо струилась вода, всё струилась и струилась, как много её уже должно было быть – наверно, целое море, целое огромное море...

Море, словно коготками царапающее камни.

Лаванда уловила, подняла голову и прислушалась внимательнее.

– Это не море, – отчётливо произнесла она. – Это крысы.

И, поняв, что это может значить, с надеждой закрутила головой по сторонам.

– Софи?

Звук шёл из конца коридора. Лаванда прошла немного туда и заметила, как бластится вдалеке неяркий свет.

Нет, ей не показалось. Коридор выводил в круг под одинокой тусклой лампой со старым железным абажуром. Она висела на длинном проводе и иногда слегка покачивалась.

Прямо под лампой стоял большой широкий стол. За ним, спиной к коридору, сидела Софи Нонине.

Лаванда осторожно пошла вперёд. Её снова попыталось было выбросить отсюда, но она крепко вцепилась пальцами во впадины и трещины стены, переждала немного и двинулась дальше.

Дойдя до дверей, Лаванда остановилась, робко прислонилась к косяку. Тихо позвала:

– Софи.

Та не ответила. Даже не пошевелилась.

Лаванда обошла её сбоку, приблизилась почти вплотную и даже оперлась руками о стол. Никакой реакции. Нонине продолжала что-то писать.

– Софи Нонине!

– А? – Софи вскинула голову. – Ты кто?

– Ты меня не помнишь? – удивилась Лаванда.

– Нет... Я вообще сейчас мало что помню, – она негромко и чуть насмешливо хохотнула. – Ничего не держится в голове.

– Я Лаванда. Мы уже встречались.

Софи неуверенно окинула её взглядом, покачала головой.

– Не помню... Вообще не помню. Хотя нет, что-то такое вспоминается... Да, да, – Лаванда. Было такое.

Лаванда смотрела на неё в замешательстве, почти испуганно. Что этот человек сделал с собой? Под глазами залегли глубокие чёрные круги, лицо осунулось и сильно постарело, волосы были спутаны и взлохмачены, сбились в войлок.

Лаванда решила всего этого не озвучивать. Она спросила:

– А что это ты пишешь?

– Я... делаю список врагов, – Софи умиротворённо улыбнулась, глядя в пространство. – Я хочу записать их всех углём и сжечь их имена.

Лаванда заглянула в длинный свиток, расстелившийся перед Софи, и похолодела.

– Но... здесь же полгорода.

Софи согласно закивала:

– А ты знаешь, они... они повсюду. Они как крысы. Либо ты их перестреляешь... либо они тебя сожрут, – она доверительно поглядела на Лаванду. – Третьего не дано.

– Софи... – она только в бессилии смотрела на этот список, не зная, что ещё сказать, что сделать.

Нонине внезапно оживилась:

– А хочешь, тоже кого-нибудь запиши? – она протянула Лаванде остро отточенный уголь. – Будет наш общий список. Хочешь?

Лаванда в испуге отшатнулась и затрясла головой.

– Почему? – Софи удивилась чуть печально. – Почему, Лаванда, милая девочка?

Она не ответила. Нонине рассмеялась:

– Столько людей многое бы отдали, чтобы воспользоваться такой возможностью... А я сегодня добрая, я его тебе просто так дам.

Лаванда продолжала качать головой.

– Разве у тебя нет врагов? – Софи вопросительно заглядывала ей в глаза. – Нет людей, которые хотят уничтожить тебя? Или твоих друзей? Неужели нет, Лаванда?

– Да, – медленно произнесла она, смотря на Нонине. – Есть такой человек.

– Так запиши его, – Софи радостно кивнула. – Только имя и фамилию – и минус столько проблем сразу... Столько проблем, – она вздохнула над чем-то задумчиво.

Лаванда колебалась. Софи протягивала уголь и смотрела с таким убеждением.

– Запиши, Лаванда.

Медленно, как во сне, она протянула в ответ свою руку и медленно взяла уголь из пальцев Нонине.

Когда её пальцы сжались, их будто ударило током. Лаван-

да открыла глаза в круглой комнате убежища, где дышала красным жаром железная печка, а за окном раздавались чьи-то громкие голоса. Пальцы сжимали колдовской мел.

– Софи... – она в бессильной ярости ударила рукой по стене. Мел раскололся пополам, и его острым краем стало теперь очень удобно писать.

Вот и дощечка под рукой. Гладкая пока, нетронутая дощечка – как раз той длины, чтоб на ней поместилось имя.

Кричали уже совсем близко. В окно влетел камень, пролетел через всю комнату и, глухо ударившись о стену, упал на пол. Лаванда не обратила внимания: это сейчас было совсем неважно. Важно было только одно.

Не отрываясь, она смотрела на дощечку.

Уголь. Список. Очень длинный список.

Бушующие волны. Много-много воды.

Она решилась.

Рука взяла поудобнее мел и вывела широкими, чуть корявыми буквами – почерк человека, не привыкшего много писать, – два слова: «Софи Нонине».

Готово. Сильно, коротко и предельно ясно.

Лаванда поднялась.

– Софи Нонине. Прости, но ты перешла черту.

Точным движением она зашвырнула дощечку в самое сердце горячей печи. Дерево, ярко вспыхнув, исчезло в огне.

– И я перешла.

Лаванда медленно закрыла глаза и сползла по стене.

78.

От долгого записывания у неё болели обе руки, а пальцы то и дело сбивались и норовили начертить не ту букву. Софи уже несколько раз перекладывала уголь из правой в левую и обратно, но всё равно выбивалась из сил, а список не кончался и не кончался. Едва ей казалось, что вот теперь-то уж точно всё, вспоминался вдруг ещё кто-нибудь, и Софи снова склонялась над бумагой.

Ну, кажется, все здесь? Она бегло пересмотрела список от начала до конца, хотя уже мало что разбирала в написанном: буквы в строчках скакали и не складывались в целое. Но вроде бы на этот раз...

– Вот чёрт! – вспомнила Софи. – Ещё же эти...

Она забыла про целую ватагу журналюг Видерицкого – из тех, что не появлялись ни на каких сходках, а просто что-то там строчили тихой сапой в его мерзенькое издание. Они как-то всегда вспоминались отдельно, без всякой связи с основными делами, но, безусловно, это были враги, и их следовало включить сюда всех до единого.

И ещё та фирма, которая несколько лет назад устроила уличное празднество в День Великого Стояния.

И ещё подпольные продавцы шампанского. И апельсинового сока.

И, конечно...

Позади неё громко пробили часы.

Софи вздрогнула и поднялась со стула. Она слишком хорошо знала этот звук.

Уголь выскользнул из пальцев, упал на желтоватый свиток, исписанный именами.

– Не меня, – пробормотала она. – Не меня сегодня.

Этот заговор был довольно наивен, он, конечно, не мог сработать.

Плащик из шкурок вдруг зашевелился, и ожившие крысы расползлись по плечам и рукам Софи, живым покровом разбежались по её платью. Она завизжала, стряхнула зверей и кинулась к двери. Там только Софи решила остановиться и посмотреть назад.

Они ползали у её стола большим буроватым ковром. Некоторые поднимали мордочки, нюхали воздух и смотрели вопросительно.

– Что смотрите? Жрать хотите? – она отступила за порог и захлопнула тяжёлую дверь кабинета. – Жрите друг друга, твари!

Привалившись снаружи к двери и тяжело дыша от пережитого испуга, Софи зорко оглядывала расстилавшиеся теперь перед ней коридоры. Первая опасность миновала, но ведь часы били, а значит...

– Я так просто не дамся, – прошептала она. – Это мои коридоры, я лучше знаю, куда тут идти... Я убегу и спрячусь, и вы меня никогда не найдёте. Никто не найдёт!

За стенами шуршало. Сложно сказать, кто это был: её навязчивые призрачные спутники – тени живших здесь когда-то – или кто-то другой, более реальный и осязаемый. Если прислушаться чутко-чутко, можно было разобрать (или это показалось бы только) чьи-то тяжёлые шаги и смутный лязг оружия.

Софи не стала дожидаться их и устремилась в глубину коридоров.

Коридоров в резиденции было много, и только часть их пролегла на поверхности. Большинство же уходило под землю и сплеталось там в запутанный клубок, огромную, раскинувшуюся далеко вокруг сеть паутины. Софи казалось, что она знает, по какому принципу расположены нити и куда надо двигаться... Раньше казалось, по крайней мере.

Здесь, в подземельях, было прохладно и от стен веяло сыростью. Софи поёжилась. Сейчас бы плащ очень пригодился. Но чего нет, того нет, – она попыталась выкинуть это из головы и уверенно идти дальше.

Коридоры теперь пошли незнакомые и очень старые – гораздо старше Софи. Кто и когда прорыл их, кому потребовался гигантский подземный лабиринт без конца и начала и для чего... Пожалуй, здесь можно было бродить бесконечно, прячась от всего мира, постепенно превращаясь в земляного червя, что никогда по своей воле не выбирается наверх. Да бесконечность, наверно, и так уже была с ней: здесь не

существовало времени. Прошлое, настоящее, будущее... Их не стало, они слились в неделимое и тягучее.

Поворот вдруг привёл в тупик. Там, в углу, кто-то стоял лицом к стене. Софи остановилась в нерешительности и тревоге.

– Эй! – позвала она. – Кто ты?

Девочка повернулась. Ей было лет пятнадцать или около того, одета она была довольно богато, хоть и сдержанно, а взгляд казался несколько надменным и чересчур взрослым – взгляд человека, привыкшего к постоянной незнакомой публике вокруг. Светлые волосы, не достающие до плеч, светло-голубые глаза... Кого-то она напоминала Софи – кого-то, виденного совсем недавно, сейчас уже не вспомнить. Но её саму, эту девочку, Софи, разумеется, узнала.

– Здравствуй, Персик, – сказала она.

– Здравствуй, – ответила та.

– А что ты здесь делаешь?

– Жду тебя.

– Меня? – удивилась Софи. – Зачем?

– Наверно... потому что жертвы часто приходят посмотреть, как заканчивают их убийцы.

Холодок прошёл по спине, но Софи не показала этого.

– Но ведь не я тебя убивала, Персик, – сказала она вместо того. – Там была толпа, была революция... Наверно, ты прошла у них по той же категории, что твой отец. Но при чём здесь я?

– Ты могла остановить их, – заметила её собеседница.

– Они бы меня не послушали. Моё влияние на тот момент было не так велико, как ты думаешь.

Девочка скептически посматривала на Софи.

– Послушай... – заговорила та в странном порыве объяснить и быть понятой. – Это, конечно, вышло несправедливо, но люди вообще несправедливы... Знаешь, мой прадед в «чёрное время» был, как это тогда называлось, «оттуда» и служил режиму. Но не из правительственных кругов, просто мелкий исполнитель. Ну и, конечно, после ему зачли по полной, потому что в отличие от всех этих тварей у него не было возможности свалить за границу или отмазаться через какие-то связи. А его семья... – Софи прервалась, удивившись вдруг, зачем она рассказывает всё это практически незнакомой и вообще-то уже не особо живой собеседнице – дочери Эдуарда Чексина. Конечно, это было совершенно излишним. Софи зажмурилась и потёрла лоб между бровями.

– Неважно, – оборвала она. – Послушай, Персик, я тогда, наверно, даже хотела бы спасти тебя, но у меня бы всё равно ничего не получилось. Понимаешь?

– Лжёшь, – холодно констатировала девочка. Она отошла от своей стены, обогнула Софи и остановилась у неё за спиной. – Впрочем, ты уже всё время лжёшь.

Вдалеке, из глубины коридоров донёсся вдруг громкий и чёткий топот, будто много ног шагали в одном ритме.

Софи вздрогнула и, вслушиваясь, вскинула голову.

– Кто это?

– Они пришли, – слегка насмешливо отозвалась девочка и оглянулась на неё. – На этот раз за тобой.

– За мной нельзя прийти! – яростно вскрикнула Софи. Она подорвалась с места и вновь помчалась по пустым заброшенным коридорам.

Несколько минут беспорядочных метаний вывели её к подземной речке. Мелкие бурливые волны текли по широкому коридору, а потолок – непривычно далёкий – терялся где-то наверху. Стены здесь были прочны и, наверно, специально покрыты металлом.

Софи спустилась к воде. Волны смывают её следы и собьют с толку погоню. Речка оказалась неглубокой и не доставала даже до колен. Только дно её было неровно и скрывалось под слоем взбаламученного ила. Осторожно переступая с плиты на плиту, Софи пересекла реку примерно наполовину, когда неожиданно сильная волна прошла по всему потоку и сбила с ног. Софи попыталась подняться, но тут же пришла вторая волна, протащила её по дну и стукнула о железную лестницу у противоположной стены. Несмотря ни на что, Софи успела вцепиться в перекладину.

Медленно, с передышками, но крепко держась, она вскарабкалась выше, так, что вода плескалась внизу и не доставала до неё больше. Ничего, сколько раз уже она умирала – столько не рождаются люди – и всегда возвращалась вновь. Вернётся и на этот раз.

Наверху лестница упиралась в узкую железную площадку. Добравшись до неё, Софи обнаружила прочную с виду металлическую дверь. Полустёртые цифры на ней всё же было легко разобрать – «101».

Под сто первым номером, – вспомнила Софи, – проходили служебные двери из подземных водных систем в стратегически важные точки – в том числе транспортные узлы. А значит, есть шанс...

Она налегла на дверь и решительно толкнула её вперёд.

Здесь было темно. Слабый свет проливался откуда-то сверху и со стороны: там виднелся кусочек ночного неба. Постепенно глаза привыкли к скудному освещению, и Софи поняла, где она.

Это был старый вертолётный ангар на западной окраине Ринордийска. Ангар давно не использовался и пустовал. Многие элементы конструкции успели снять и перевезти на более нужное место или просто растащить, поэтому сейчас это была длинная, продуваемая насквозь ветром металлическая арка на самом краю тянущегося в небо скального утёса. Только разохшиеся ящики да бочки с горючим стояли кое-где у стенок.

Отлично. Здесь никто и никогда не станет искать её. Просто не придёт в голову.

Переждать тут ближайšie часы, да хоть целую ночь – сколько понадобится, – а потом рвануть куда-нибудь, прочь из города, в глубинку, по сверкающей ленте ГГД! (Не зря же

Софи так долго её строила).

Теперь же можно было пока просто отдохнуть здесь, никуда больше не бежать, точно зная, что сюда никто не придёт.

Зажёгся свет. Софи резко обернулась: перед ней стоял вооружённый отряд.

– Сдавайтесь, Ваше Величество, – произнёс тот, что был впереди всех, по-видимому, командир.

Она отступила назад:

– Не подходите!

– Вам всё равно некуда бежать. Так что пройдёмте с нами.

Бежать было действительно некуда: за спиной скала уходила наверх и там, сразу, как кончалась арка, обрывалась пропастью.

Софи быстро прикинула все варианты. Оставались, видимо, только слова.

– И против кого вы сейчас идёте? – заговорила она с отрядом, чуть с иронией, чуть с укоризной. – Против меня – вашего законного правителя? Которого вы сами и выбрали себе когда-то?

– Мы не выбирали себе королеву! – крикнул один из них, судя по всему, вообще штатский (он стоял несколько отдельно, и у него, похоже, не было оружия). – Нам нужен правитель, который будет с нами, а не над нами.

– Игра слов, – пренебрежительно бросила Софи. – Громкие и ничего не значащие фразы.

– Они значат, что вы должны покинуть своё место. Эта

страна не может принадлежать вам, когда она принадлежит людям.

– Людям? – усмехнулась Софи. – Может, кто-нибудь из этих людей сделал хоть что-то полезное? Я спасла эту страну, когда она погибала.

– Чтобы вновь погубить. Чтобы всё довести до катастрофы, а граждан – до состояния рабов.

– Что ж, – она кивнула и быстро, жёстко заговорила, иногда только шумно втягивая воздух, которого так не хватало. – Может, и рабов. Только это не я сделала. Вы сами по себе такие. Да, вы всегда были и всегда останетесь рабами – потому что это удобно. Можно ничего не уметь, ни из чего не выбирать, быть никчёмным балластом, а кто-то другой уж позаботится, куда вас приспособить. Да, будет плохо и больно – зато просто. Ничего не решать и ни за что не нести ответственности – ведь для этого есть кто-то другой: тот, что на самом верху. И если вдруг всё не так, как хочется, всегда можно обвинить его. Это он во всём виноват, это он плохой, а мы – что вы, мы ведь жертвы, это нас притесняют, а мы тут вроде как и не при чём. Поэтому того, кто наверху, вы не прогоните никогда: иначе вы просто не умеете. Нет, – она подняла руку, как бы предвидя возражения, – вы, конечно, можете убрать меня лично – меня, Софи Нонине. Только лучше вам от этого не станет. Мне на смену придёт кто-нибудь другой, и всё повторится и будет повторяться бесконечно. Вы никогда не выберете себе никого нормального, пото-

му что сами ничего из себя не представляете.

– Молчать, Нонине! – не выдержал штатский. – Мы сами решим, что мы можем, а что нет.

– Ну что ж, – она возвела руки совсем как её любимый памятник. – Тогда стреляйте. Что вы ружья-то опустили? Стреляйте, я никуда не убегаю.

Они стояли, не двигаясь, будто в ступоре.

– Что такое? – насмешливо протянула Софи. – Руки не поднимаются?

– Прекратите этот спектакль, Ваше Величество, – оборвал её командир. – Мы конвоируем вас в город. Судить вас будет народ.

– Ах, народ... – пробормотала она. – Ну, народ, наверно, имеет право. Они же позвали меня когда-то. Если так, то это, пожалуй, даже справедливо. Сейчас, одну секунду, – Софи чуть замешкалась, отвернулась от них, как бы ища что-то.

В следующий миг она выхватила револьвер и наставила его на ближайшую бочку с горючим.

– Назад, или я стреляю!

Они вздрогнули, вскинули было ружья, но тут же опустили, испуганно глядя на неё.

– Но... Ваше Величество, если будет взрыв, вы тоже погибнете...

– А мне по любому туда, – Софи быстро окидывала их взглядом. – Так что по большей части уже всё равно. А вот вас завалит, определённо.

– Эй! – штатский неуверенно оглядел ряды отряда. – Ну вы чего, у неё всего лишь револьвер. Если быстро и всем сразу...

– Я успею спустить курок, – Софи судорожно кивнула, не отводя руки от бочки. – Вы не думайте, я хорошо стреляю.

Они смотрели теперь в страхе и растерянности. Только тяжёлое дыхание Софи разбивало тишину, да ещё ветер, гремящий металлом.

– Ну что? Всё ещё вы здесь власть? – проговорила она, невольно пародируя старый оппозиционный лозунг, ещё времён эпохи Чексина. – Одно движение – и вы сдохнете.

– Ваше Величество, – произнёс командир. – Не делайте глупостей.

– Тогда положили ружья, – они недоумённо переглянулись друг с другом. – Положили, положили. Вы, гражданин, – кивнула она штатскому. – Вы тоже положите пистолет, – тот попытался было протестовать, но Софи оборвала. – Кладите, кладите, я прекрасно вижу, что он у вас есть.

Небольшая заминка – и всё оружие кучкой лежало у ног отряда.

– А теперь назад, – скомандовала Софи.

Они отступили на шаг.

– Дальше. Дальше... Ещё дальше! – вскрикнула она, потеряв терпение. Они поспешно отходили вниз по скале, к выходу из-под металлической арки. Теперь, даже если кто-то из них попробует рвануть за оружием, то просто не успеет.

Софи ещё раз с насмешкой окинула весь отряд взглядом. Губы её презрительно улыбнулись. В воцарившейся тишине она бросила:

– Какие же вы всё-таки трусы!

А потом развернулась и устремилась вверх по скале. У неё в запасе оставалось всего несколько секунд, но их было достаточно. Добежав до края скалы, Софи раскинула руки, как крылья, и полетела вниз – никем не пойманная, не побеждённая и так и не понятая.

Несколько секунд прошло, прежде чем они вышли из ступора и бросились за ней, к обрыву.

– Ваше Величество!

Пропасть молчала в ответ.

– Ваше Величество!

Они столпились на самом краю и смотрели вниз, хотя с такой высоты было ничего не разобрать.

Один из них присел на корточки, заглянул в бездну. Тихо произнёс:

– Она... всё?

– Похоже на то, – растерянно пробормотал другой, стоявший рядом.

– А если нет? – все переглянулись. – Помните, как тогда...

И зябко поёжились, будто от холода.

Тот, кто был за командира, подошёл к обрыву, долго что-то оглядывал внизу и, наконец, покачал головой:

– На этот раз, кажется, действительно всё.

Но они не расходились, а продолжали стоять и смотреть вниз. Никто так и не смог поверить до конца.

79.

Лаванда сидела на краю лежанки и вплетала в свой браслет чёрное воронье перо.

Крики за окном смолкли. Они смолкли почти сразу, как догорела в печи дощечка, – отправились, видимо, куда-то ещё. Только это перо внеслось с порывом ветра сквозь разбитое стекло и спланировало тихо на пол – и будто бы ничего не было.

Огонь вспыхивал и метался, и яркие пятна, которые он отбрасывал на стены, казались чернее теней. Ночь перевалила за середину, но рассвета ещё не намечалось.

Стукнула дверь, и вошёл Феликс.

– Представляешь! – он явно был в куда более радостном настроении, чем когда уходил. – Нонине...

– Её больше нет, – спокойно сказала Лаванда.

– Да, – подтвердил Феликс удивлённо. – Представляешь, против неё вышел отряд одного из блокпостов. Да и вообще, люди почему-то... – он осёкся, по лицу пробежала догадка. – Подожди, так это ты её...

– Я её записала, – проговорила Лаванда, в прострации глядя в стену напротив.

– Так это же... – растерянно начал он. – Так это же чудесно! Это же просто замечательно.

– Да, – кивнула она. – Это замечательно. Ты даже не пред-

ставляешь, насколько это замечательно. Всего лишь записать имя – одно только имя, – и этого человека не будет, даже кем бы он ни был и где бы он ни был. Я могу так записать кого угодно... вообще кого угодно! Только одно моё движение – и всё. Понимаешь, как это круто? – в глазах её вспыхнуло зарево. – Понимаешь ты, какая это власть, Феликс? Понимаешь ли, что такое эта власть...

Он взглянул на неё в недоумении и с тревогой.

– Лав... С тобой всё в порядке?

Она будто очнулась, захлопала глазами, приходя в себя.

– Да, всё нормально, – ответила она уже обычным своим тоном. – Всё хорошо. Не бери в голову.

80.

Золотое солнце лилось с голубеющего наверху залива, проходило через пласты стекла и разбивалось о столики кафе. Тёплый, поздне-майский воздух витал всюду, в нём было уверенно и радостно.

Компания устроилась за одним из столиков. Здесь собрались многие из тех, что часто светились на сходках, в основном бывшие гужевцы, хотя не только. Феликс был весел, беспрестанно шутил – в тему и не очень. Впрочем, сейчас всё было в тему, ну, или казалось таким.

Не присутствовали тут Гречаев и Вайзонов: у них как раз шло очередное заседание временного правительства.

– Интересно всё-таки, что это тогда было, – Феликс водил пальцем по ободку фужера, отчего тот тоненько визжал. – Почему они пошли против неё? Какое-то временное помутнение?

Виталий Рамишев с улыбкой пожал плечами.

– А почему ты не допускаешь, что они могли просто перейти на нашу сторону?

– Кто? Те? – рассмеялся Феликс. – Штабной отряд?

– Ну да, как народ на улицах. Они-то были с нами в итоге.

– Так то народ... Нет, что хотите делайте, но я категорически отрицаю, что эти лица могут вот так вот просто подумать и куда-то перейти. Это, конечно, очень романтический

поворот для какой-нибудь книжки, но так не бывает. Они завязаны в систему и никуда из неё не денутся.

– Ты просто не веришь в людей, – вздохнул Рамишев.

– Я не верю? Я очень даже верю! Вот Леон подтвердит, мы на Главной площади рядом стояли.

– Ага, – кивнул Пурпоров. – Когда пошла паника и все начали отступать – забрался на стену и орал «Люди, я в вас верю!», – вся компания дружно рассмеялась. – Так что Лаванда ему, похоже, всё испортила.

– Да, сестрёнка – она такая, – сквозь смех пробормотал Феликс.

Было весело вспоминать всё по новой ещё и потому, что это было позади, ничем не грозило больше сию же минуту, стало неизменным и утвердившимся – а потому безопасным – эпизодом их жизни.

Рамишев, сидевший напротив Феликса, похоже, заметил что-то у того за спиной.

– Кажется, за тобой пришли.

– Кто? – Феликс обернулся. – А!

Поодаль от них, у стены, стоял изящный тёмный силуэт. Он выжидал чего-то, но ближе не подходил – будто знал, что тот, кто ему нужен, и сам подойдёт.

Феликс мигом вскочил, но остановился и неуверенно оглянулся на остальных.

– Иди-иди, – кивнул Пурпоров. – Мы за тебя заплатим.

Убедившись, что Феликс следует за ней, Китти скользнула

за угол. Уже там Феликс догнал её.

– Китти-Китти-Китти, – он легко поймал её за руку. – Подожди, не убегай. Мы, кажется, не договорили в прошлый раз.

– Определённо не договорили, – кивнула она с ничего не обозначающей и бессменной полуулыбкой. – Так кем ты хотел меня назвать? Сволочью, швалью, ссо-шной мразью?

– Боже, ты ещё помнишь эту фразу! – рассмеялся Феликс.

– Конечно. Я всегда всё помню. Даже тот разговор на выпускном тоже помню.

– Китти! – чуть отстав, он обхватил её сзади за плечи и раскачивал из стороны в сторону. – Ну не будь ты такой мелочно-мстительной тварью.

– Если б я была мелочно-мстительной тварью, Феликс, мы бы сейчас с тобой говорили совсем по-другому.

– Это да, – он выпустил её, и теперь они просто стояли рядом, глядя один на другого. – Мы бы испортили друг другу крови, если б были врагами.

Китти кивнула:

– Несомненно.

Минута – и, не сговариваясь, лишь переглянувшись, они двинулись в направлении винтовой лестницы и дальше, вверх, туда, где начинались недостроенные ещё этажи и куда сейчас, в редкий и краткий миг вседозволяющей свободы, можно было легко пройти.

Солнце светило сквозь узоры перил, причудливыми фи-

гурами падало на ступени. Фигуры эти сходились и расходились вновь, сливались и разбегались в стороны и повторяли одна другую бесконечным каскадом, – будто танцевали и никак не хотели остановиться.

Лестница вывела на широкую, залитую светом площадку, с которой так хорошо был виден весь Ринордийск. Он блистал сейчас стеклом и металлом, сверкали древние шпили, отражая лучи. Вдалеке взмывали в воздух подъёмные краны – гигантские зелёные стрекозы.

Феликс жадно хватал глазами этот вид, глубоко вдыхал свежий ветер, обитавший здесь, на высоте. Балка ограждения на месте не построенного ещё фасада нагрелась на солнце, и её было приятно сжимать пальцами.

Будучи почти счастливым в этот момент, он перевёл взгляд на Китти. Она стояла молча, облокотившись на ограждение. Феликс улыбнулся:

– Эй, Китти, победа за нами.

– Победа близка?

Она, несмотря на тёплую погоду, как всегда, была в глухом чёрном платье. Сколько Феликс её помнил, Китти всегда носила закрытые платья – как минимум с закрытой спиной. Может, скрывала два старых сигаретных ожога чуть повыше левой лопатки, может, ещё почему-то. Сейчас она пристально и как будто слегка печально всматривалась вдаль.

– Хотелось бы знать, на что ты так внимательно смотришь, – насмешливо, но дружелюбно заметил Феликс.

– Да так... Просто игра теней и отражений.

– И что же тебе там отразилось?

Китти помолчала, потом указала кивком на что-то внизу.

– Видишь вон тот шар? – она обернулась на Феликса, проследила, куда он смотрит. – Прямо за мостом, недалеко от Главной площади.

Феликс понял, о чём она говорит: о большой полупрозрачной сфере, одном из знаковых мест городского центра. Отсюда сложно было разглядеть, но Феликс и так знал, что снаружи на сфере проступают едва намеченные очертания материков, а внутри неё, на пологих зелёных лугах, раскинулся маленький город с миниатюрной Часовой башней посередине.

Он усмехнулся:

– А так смотришь, как будто смерть свою увидела.

Китти чуть улыбнулась одними губами:

– Мне когда-то предсказывали, что я умру легко, но очень глупо. Я, впрочем, не особо верю предсказаниям... Нет, я просто думаю, пытаюсь представить: что там будет... года, скажем, через два, на этом самом месте.

– И как?

Китти только молча покачала головой.

– Всё так плохо? – Феликс засмеялся. – Нам опять не повезло с будущим?

– Нам не повезло с прошлым, – проговорила Китти и с чуть заметной иронией добавила. – Не уживается со светлым

образом нового мира.

– Вечно ты всё портишь, – он, будто бы обиженно отвернувшись от города, опёрся об ограждение спиной.

– Да, порчу, безусловно, я, – она едва различимо нахмурилась каким-то свои мыслям. – Знаешь, мне иногда снится... Снятся призраки прошлого. Все, кто жил здесь когда-то, те, что совершали большие преступления, и те, что были их жертвами... Они по-прежнему здесь. Иногда я слышу, как они воют, и смеются, и чего-то требуют. Иногда они совсем рядом, прямо за спиной... Или даже ближе, – она перевела взгляд на Феликса. – Думаешь, можно так просто откинуть прошлое? Сказать, что ничего не было, и начать с чистого листа? Не выйдет, Феликс. Не выйдет.

– Ну что ты такая мрачная, Китти? Разве можно сейчас быть такой мрачной? – он развернулся к ней, взмахом руки очертил расстилавшийся внизу город. – Смотри: перед нами сейчас новый Ринордийск – наш Ринордийск, такой, какого мы ждали. Мы фактически на пороге.

– Угу, – кивнула Китти. – Только, боюсь, мы туда не войдём.

– Ну а куда мы денемся?

– Обрато, – она прочертила рукой дугу в воздухе. – По закону маятника.

– Да к чёрту маятники, – сердито фыркнул Феликс. – Вообще надо бы сломать все маятники в мире. Чтоб не мешали жить.

Китти чуть улыбнулась, не глядя на него:

– А ты совсем не изменился с универа.

– Угу. Ты тоже, – Феликс искоса поглядел на неё, сам облокотился на балку ограждения. – Всё так же берёшь на себя то, чего не совершала... Всё так же боишься призрачных голосов и теней по углам.

– Это не тени, Феликс, – Китти задумчиво смотрела вдаль. – Это мы. И нам с этим жить.

Солнце всё играло с домами и площадями, с бегущей лентой реки и подъёмными кранами. И всё поэтому казалось таким лёгким... Даже неправдиво лёгким.

Краем глаза Феликс заметил, что у Китти что-то поблёскивает в руке.

– Что это у тебя?

Она быстро спрятала в ладони что-то маленькое.

– Так... Ничего.

– Дай посмотрю, – Феликс протянул руку, капризно потряс ею. – Ну, дай.

– Не лапай... Не лапай руками! Так смотри, – осторожно поглядывая на него, Китти разжала пальцы.

На её ладони лежала тонкая, но крепкая проволочка, согнутая в дугу. На месте изгиба сиял, как звёздочка, небольшой огранённый камень.

– Шпилька? – удивился Феликс.

– Ага.

Металл был кое-где сильно и явно незапланированно по-

гнул, местами тронут ржавчиной – будто эту шпильку долго эксплуатировали без перерыва и в не самых подходящих условиях.

– А поновее не нашлось? – Феликс рассмеялся.

– Сейчас таких уже не делают. Она начала того века.

– Да ладно? – присвистнул он.

Китти кивнула.

– А у тебя-то она откуда?

– Ну... – она замялась. – Это старая история...

– Расскажи, – попросил Феликс, глаза у него вспыхнули.

Начало того века, «чёрное время», чёрт его возьми!

– Рассказать? – с сомнением повторила Китти. Было видно, что она колеблется, – будто ей хочется рассказать, но она опасается чего-то.

– Госпожа Башева! – раздался вдруг громкий голос. Кто-то поднимался сюда, на площадку. – Госпожа Башева!

Они обернулись. На лестнице показался совсем молодой парнишка. Это был один из сотрудников штаба связи с населением – в каком-то смысле коллега Китти.

– Там освободили Октистова, – произнёс он, слегка задыхаясь после своего марш-броска. – Вокруг него полно народу, все что-то у него спрашивают, а он требует конференцию по телевизору. Говорит, что ему есть много что сказать. В общем, нам бы это осветить... В прямом эфире...

Китти несколько иронично прищурилась:

– А без меня... никак не обойдётесь?

Парнишка с виноватой улыбкой развёл руками:

– Никак. Совсем никак. Вы незаменимы.

– Ну что ж... Тогда сейчас буду, – тот исчез. Китти, повернувшись к Феликсу, улыбнулась и пожала плечами. – Извини.

Она направилась к лестнице.

– Не извиню, – деланно сердито проговорил Феликс. – И вообще, Китти, мы опять не договорили.

– Договорим как-нибудь, – с усмешкой бросила она через плечо и быстро, летящей походкой сбежала вниз по ступеням.

Оставшись один на площадке, Феликс посмотрел сначала на город внизу – такой близкий и такой далёкий Ринордйск, – поднял взгляд к светящейся голубой эмали и снова окинул взором недостроенный пока этаж. Через силу улыбнулся.

«Мы должны верить, – думал он. – Мы обязаны верить, даже если больше ничего не остаётся. Верить, что всё это не зря».

81.

– Здравствуйте, с вами выпуск новостей и Китти Башева.

Лаванда стояла у окна и обзревала окрестности со второго этажа.

– Как же ты мне надоела, Китти Башева.

Она, впрочем, не видела сейчас улицы за стеклом: не видела ни стареньких скамеек во дворе, ни домов, ни проезжавших вдалеке машин...

Она была посреди степи, что волнами холмов раздавалась во все стороны. Стояло странное время – не день и не ночь, не зима и не лето... Все они будто бы слились в одно сейчас. Ветер шевелил тоненькие стебли трав, и они колыхались в мерцающем полусвете. Рядом, за холмом, сиял огромный яркий полукруг. Это было солнце.

Лаванда посмотрела на него. Было бы хорошо уйти туда, но она не стала ничего делать. Просто стояла на месте.

Где-то тарахтел телевизор.

– Вот уже больше месяца страна остаётся без официального лидера. Временное правительство поддерживает жизнеобеспечение и важнейшие госструктуры, но ситуация по-прежнему неопределённая. Члены временного правительства заявляют...

Кто-то, шелестя травой, приблизился к Лаванде. Она оторвалась от диска за холмом и быстро обернулась.

– Зверь Ринордийск?

Да, это был он – длинный гибкий чёрный зверь. Он смотрел на Лаванду недоверчиво – совсем как она на него, – но всё же не убегал. Чутко принюхался, насторожил уши, обогнул Лаванду кругом и снова вернулся туда, где стоял. Лаванда, не двигаясь с места, только проследила за танцующим зверем глазами. Тот всматривался в неё пристально и выжидающе.

– Мы подружимся? – Лаванда осторожно протянула руку. – Или нет?

Тот оскалился и зарычал.

– Мы подружимся? – повторила она настойчиво.

Зверь замер на секунду, затем влажным носом ткнулся ей в ладонь и с глухим ворчанием лёг, свернувшись кольцом вокруг ног Лаванды.

Вот как... Теперь отсюда не уйти им обоим. Лаванда убедилась, что зверь затих, и, подняв голову, стала смотреть на солнце.

– ...было выдвинуто предложение провести народный референдум. Проблема также заключается в том, что до сих пор не удалось договориться даже о приблизительных списках кандидатов...

Солнце блистало у неё перед глазами – огромное, застилающее весь мир. Лаванда подалась ему навстречу, во всеобъемлющее тепло, в сияющий свет без границ. Последний шаг – она упала в него и затонула без остатка.

Она открыла глаза. Вместо степи и холмов перед ней был всё тот же обычный городской дворик, но это...

Да, это было совсем неважно. Она улыбнулась – безмятежно и величественно, – потому что теперь поняла наконец, ощутила то, что, казалось, и так знала всегда. Солнце было внутри неё, в её груди, в её голове: *она сама и была солнцем.*

Как, оказывается, просто и правильно. Она – настоящая Лаванда – засмеялась и счастливо вскинула голову. Теперь-то ей всё открывалось, всё было ясно: в свете солнца уже не нужны никакие другие звёзды.

– Сейчас, в этот нелёгкий и переломный момент, всем нам предстоит сделать серьёзный выбор, – говорила на экране Китти. – Как раз в такие моменты особенно важно не ошибиться и помнить, кто мы.

Вошёл Феликс.

– Там это... – начал он неуверенно, будто что-то сбивало его с толку. – Мы, в общем, посоветовались, и я подумал, что надо рассказать людям, кто победил Нонине. Вот... и теперь им известно, что это ты. – Феликс рассеянно оглядел комнату, как бы искал что-то, затем его взгляд вернулся к Лаванде. – В общем, они собрались там и хотят, чтоб ты приняла правление над ними.

Лаванда обернулась с лёгкой улыбкой.

– Правление? Это можно.

Она подумала немного, кивнула.

– Я сейчас к ним выйду.

– Отлично! – чему-то очень обрадовался Феликс. – Я тогда передам...

Он развернулся и убежал.

Лаванда ещё раз кивнула – уже себе – и протянула руки к окну. Забавно: если сложить ладони лодочкой, весь мир за стеклом помещается в них и лежит перед тобой как на блюде.

Китти в телевизоре запнулась и как-то неловко тронула бумаги на столе, будто не знала, что теперь говорить дальше.

А ведь это от меня зависит, – с удовольствием поняла вдруг Лаванда, – говорить Китти дальше или замолкнуть. Она легко щёлкнула пультом и выключила телевизор.

Подойдя к тумбочке, Лаванда взяла удобно отточенную половинку мела, положила к себе в карман. Кинула беглый взгляд на дочитанную теперь детскую книжку и улыбнулась ей. В конце девочка и мальчик тоже превратились в две маленькие горки, и Лаванде это понравилось.

«Теперь вообще всё от меня зависит», – подумала она и неторопливо вышла в июньское лето.

82.

Зелёная трава на холмах так ярка, что становится больно смотреть. Поэтому люди щурятся, глядя на маленькую светловолосую фею в белом сарафане – их новую правительницу. Свет играет в её струящихся прядях и на её руках: кажется, она сама светится изнутри.

– Я знаю, вам было нелегко, – говорит она. – Но это в прошлом. Теперь нас всех ждёт новая, правильная жизнь. Наше будущее – оно здесь, надо только шагнуть в него. Я поведу вас.

– Правь нами, Лаванда! – раздаются крики.

– Правь нами! – потому что хочется верить ей, верить в неё.

Она смеётся, запрокинув голову к небу, довольная тем, что так нужна им, и вскидывает руку, призывно и легко.

И солнце блистает на перьях браслета.

ноябрь 2014 – март 2015